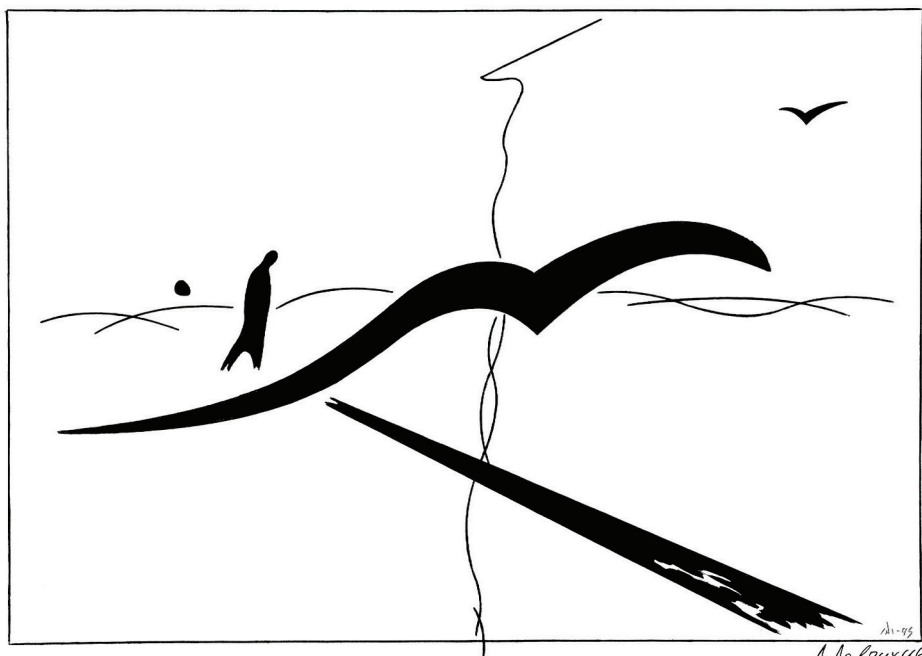

Владимир Калужский

ДОЛГОТА ДНЯ

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5 Бел
К 17

Калуцкий, В. У.

К 17 Долгота дня. Повести и рассказы/ Владимир Калуцкий. –
М.: РОСА, 2023. – 206 с.

ISBN 978-5-6048978-2-9

Повести и рассказы объединены историческими аллюзиями и реальными судьбами земляков автора, жителей города Бирюч Белгородской области. Авторский вымысел и непредсказуемый полёт фантазии переплетаются с правдой жизни и суровым человеческим фактором, который невозможно объяснить логикой и коммерческим расчётом.

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос++Рус) 6-5 Бел

ISBN 978-5-6048978-2-9

© Калуцкий В. У., текст, 2023
© РОСА, оформление, 2023
© Лаврухин А., рисунок на обложке, 2023

Утро долгого дня

Долгота литературного произведения определяется не количеством печатных знаков, а силой его воздействия на читателя. Как долго он над ним размышляет, точнее, даже не над самим произведением, а над теми событиями, которые в нём описаны. Над теми героями, которые живут на его страницах. Над тем необъяснимым сочетанием буквы и смысла, пробудившим образное мышление, позволившим увидеть и понять то, что незаметно в повседневной жизни. Причём литературный дар Владимира Калущкого, на мой взгляд, не подвластен и самому автору, он заставляет его писать так, что каждый читатель находит в его книгах что-то своё, нужное ему, принятое им, даже если акценты, казалось бы, расставлены в повествовании совершенно противно его, читательским представлениям об истине, справедливости, счастье человеческого. В этом, пожалуй, и заключается настоящее писательское мастерство, талант, который не позволяет автору не писать, обрекая его откликаться на зов истории и современности, проверяя его сердце на прочность и душу на искренность. По многим вопросам общественного бытия мы с Владимиром Устиновичем находимся на диаметрально противоположных позициях, но его художественные произведения необходимо читать, как необходимо пить, есть, дышать, потому что они пропускают вас в мир литературы и истории. Владимиру Калущкому одинаково хорошо удаются как бытописание, так и эволюция человеческой мысли, отражающиеся в судьбе и характере конкретного человека.

Виктор Верин

Часть первая

ПОВЕСТИ

НА ТОЯ НА РЕЧКЕ, У СЕРДЕЦ

- Папа, а почему нашу речку так называют
- Усердец?
- Говорят, в стародавние времена проезжала тут царица по имени Серда. Вот она и оставила речке своё имя.

Из подслушанного в автобусе разговора

Гонец

Ветреным мартовским днём 1069 года ворвался через тесовые ворота на великокняжеский двор конный гонец и мешком свалился под копыта буланого. Ключьями падала с конских боков пена, и пока поднимали гонца, захрапел и пал жеребец. Гонца же два княжеских гридня взбодрили крутыми кулаками под рёбра, поднесли малую корчажку пенника и поволокли в терем. А там из низенькой светлицы вышел через стянутую железными полосами дверь сам Изяслав Ярославич. Ступил одним сафьяновым сапожком на малую скамеечку, круто изогнул бровь:

– Ну?!

Гонец, всё ещё горячий от скачки, едва разогнул спину после поклона. Князь мельком глянул на его стриженную под горшок голову и сразу понял, откуда человек с вестью. Так стриглись в землях северских, в крае степи половецкой, в крепостях по Осколу и Северскому Донцу. Больно ткнулось сердце князя от дурного предчувствия.

Гонец перехватил высохшим горлом воздух и сказал, сам себя не услышав от усталости и страха:

– Три дни и три ночи, пресветлый князь... кх-кх, – гонец схватился за горло и закачался на неверных ногах. Гридни тут же поднесли ему ковш свежего берёзового соку, и гонец вымолвил-таки:

– Переяславского князя Всеволода Ярославича воевода Гаврила Селезень из Бела-города северского бьёт тебе челом, Изяслав Ярославич, и известить велит, что к твоему стольному граду Киеву из земель неизвестных, Биармскими именуемых, пожаловать изволит царица именем Сердце, коя слышана о праведной жизни старца Печерского Антония и мудрости у одного переять намерена.

– Погоди, погоди – зачистил больно, – остановил князь гонца. – Ты мне не по-заученному, а по-русски расскажи – какая такая царица? ... да усадите его на скамейку, злыдни! – велел князь гридням. Гонца опять-таки поволокли спиною вперёд и больно приткнули к стене на широкую доску. Князю тут же вынесли из боковой дверушки узкое седалище с высоченной прямой спинкой. Князь сел, некоторое время молча глядел на утомлённого гонца. Государь упёр руки в подлокотники, а сапожки в плоскую железную полосу у подножья стула.

– Ну?! – опять изломил бровь князь, – али ещё грамоту написал воевода Селезень?

Гонец, ещё пия сок, заматал головой и замахал свободной рукой:

– Какая грамота, пресветлый князь! На весь Бел-город один был – Рончик-жидовин, так его половы повязали и увели ещё на Рождественский пост... А может, и сам утёк, свидетелей нету. Только на словах воевода предупреждает тебя о посольстве из Биармии, чтобы не оказалось оно внезапным. Да и согласия у Антония испросить неплохо – допустит ли он пред светлые очи нечестивую язычницу? Передаёт тебе воевода Селезень так же, что сам он встречать царицу

Сердце с малой дружиной поедет на речку Окаянну, приток Тихой Сосны и Дону Великому. Туда полуночное посольство провожают печенежским конвоем от самого степного Кагана. На русскую землю мы тот конвой не пустим – вот и убыл воевода остановить поганых на дальнем рубеже. Теперь Гаврила, поди, уже на речке Окаянной, у Голунь-городища. А как переймёт он царицу с посольством у половцев, так жди их на Киеве ден через десять, – гонец допил сок и опустил ковш на скамейку рядом с собой.

Князь, сидя, перестукнул сапожками о железную полосу подножья, подумал малое время. Потом велел гридню со стороны правого плеча:

– У кравчего в анбаре гонцу Бела-города велю крест целовать на правде его речи и ждать в княжеской людской появления царицы Сердце. Коли целование окажется верным, то отправлю тебя, гонец, назад к воеводе Селезню... А мне коня!

Снег во дворе взялся порами, в мокром воздухе с голых деревьев к навозным кучам на дороге падали грачи. От их крыльев по лицам зевак пробегал ветерок. Словно раздумывая, с колоколен изредка падал звон: пономари пробовали настрой – скоро Пасха. Изяслав Ярославич тронул холку вороного Лютого и уже ногу приладил в стремя, – но передумал. Заныла спина, пораненная в прошлом году в страшной сече на реке Альте, – и князь велел конюшему:

– Санки мне лёгкие козырные, да четвёрку впрягите соловых! Из того завода, что и у владыки Печерского. Чать – к самому Антонию еду, а не каким-нибудь царицам заморским!

Окаянная встреча

Пермяки – мужики кряжистые, бородатые, кареглазые. Мечей у них железных нет, но дубьё такое, что редкая сталь напора выдержит. Двумя сотнями человек охраняли они обоз из двенадцати саней. Сани все широкополовые, корот-

кие, развалистые. Отдельно скользит на полозьях клетка со свирепым зверем – белым медведем. Для прокорма зверя гонят стайку молодых олешек, время от времени забивают по голове на привалах. На каждых санях – шатёр бурого медвежьего меха, внутри – мягкие дары из шкурок кунных, горностаевых, шкур рысьих – всё в дар великому князю киевскому. Внутри шатров по тёплым медвежьим полостям завёрнутые дремлют мамки и няньки царские. Рядом бегут, цепляясь за санные поручни, царские охотники в белых пимах. В середине поезда – главные сани с белоснежным шатром на них. Над шатром – шест с черепом неведомого длинномордого зверя и двуязычный вымпел чёрно-красного пламени. В шатре – царица Биармии Седа с верховным волхвом Памой, с поварихой своей и близнецами-наследниками Цакой и Хакой. Сама царица Седа ни молода, ни стара, брови у неё насурмленные, ногти короткие и ровные. Такие, что пальцы кажутся короткими и равными.

Колдун Пама держит на коленях деревянную книгу с квадратными страницами. На каждой странице – по одному знаку. Читает Пама пальцами, хотя зрением не страдает. В книге этой содержится всё, что было, что будет и что сейчас есть.

Спрашивает царица Седа:

– Скажи, Пама, в здравии ли почивал нынче муж мой, царь Сида?

Готов у Памы ответ, лишь только коснулся он пальцем значка на странице:

– Муж твой царь Сида спал нынче дурно, потому что уго렐 по недосмотру постельничего.

Опять спрашивает царица Седа:

– Как такой недогляд приключился?

Шарит колдун по деревянной странице, шепчет что-то себе в косматую бороду и отвечает:

– Как вчера пир шумный задавал царь после доброй охоты, то угли досмотреть сталось некому...

Вскинула царица голову, грозно глянула на старца:

– Волхву царскому, оставленному при Сиде, передай теперь же: нужно двенадцать телят на закляние богам отдать ради чудесного царского спасения. Да пусть волхв накажет царю моим именем: приеду – сама учиню разбор сему случаю.

Сидит, бормочет Пама, беседует с главным пермским стойбищем минутой в минуту, а царица уже дремлет, прижав к груди пепельные головки близнецов.

А уже март до середины доходит. В родной Биармии по сию пору лютые морозы стоят, а тут ветры с юга тянутся сырые, снег уже даже широких оленьих копыт не держит. Олени линяют, клоками сползает шерсть с их грязных боков. Худо оленям в южных краях – рёбрами поводят тяжело, воздуху холодного их ноздрям не хватает.

И только миновали землю буртасов, уже в прошлогодних заснеженных ковлях – напоролись на степняков. Половцы не так жадны до посольских богатств, как изрядно удивлены невиданному поезду. Гогочут, тыча грязными пальцами на понурых оленей, раскосо плятятся на белого медведя, веселят их деревянные пики с костяными наконечниками у царской охраны.

Да и пермяки рты раскрыли: никогда не видели они диковинных безрогих оленей о двух горбах. Пока разглядывали одни других – поссориться не успели. Нашёлся и толмач. Пленник новгородский Изюм от половцев ещё в юности зырянскому языку обучился, когда ходил с ушкуйниками по Сухоне и Вычегде. Знал он уже и половецкую речь. Теперь степняки подтолкнули Изюма к царской палатке. Впустил его вместе с половецким сотником в шатёр Пама.

И рассказала толмачу царица Седа, какая беда постигла Биармию. Заболел царь Сиды – настойки из дикого лишайника опился. Правит теперь страной, не поднимаясь со звериных шкур. А тут ещё напали на становище люди из не-

ведомого племени, самоедами именуемые. Стада олени угоняют, богов пермских не признают. И тогда вычитал в Большой книге верховный волхв Пама, что далеко на юге, на полпути к Царьграду, есть великий город Киев, где живёт мудрый старец Антоний – утешитель и пророк. И тот старец может мудростью своей поделиться с царицей Седой. И хватит той мудрости и на исцеление царя Сида, и на все годы их мудрого правления племенами Биармии.

Всё это со слов Памы перевёл половецкому сотнику Изюм, и тот сказал:

– Ровно год назад на речке Альте побили мы киевского князя Изяслава. И теперь не захочет он пустить нас, половцев, в свою страну для сопровождения царицы Седы. Хотя уже прошлой осенью на речке Окаянной князь Святослав Черниговский честь Изяславу вернул, одолел нас. Теперь по той Окаянной речке у Тихой Сосны наша с Русью граница, и дальше нам хода нет. Но ты, толмач Изот, поскачешь впереди царского поезда сейчас же в русский Бел-город на Донце и скажешь тамошнему воеводе: посольство царицы Седы передадим русским именно там, на речке Окаянной, у Голунь-городища. И поторопись, Изот, ибо до границы от сего места движения поезду ровно три дня. А то мои нукеры – народ горячий, от грабежа их удержать трудно.

...Хлопьями на нетронутый снег падала грязная оленья шерсть. Посольский караван медленно тѣк к русской границе. А толмач Изюм с двумя половцами и при шести конях ходко шли по степи. Степь только несведущему казалась дикой. Половцы же хорошо различали на снегу торные тропы, и в своё время чуть ниже места, где полноводная Тихая Сосна впадает в Дон, переправились на правый берег. Так, без ночлега, в три дня достигли Бела-города. Суровый Спас Нерукотворный с полукруглого перекрытия городских ворот проследил, как городовые ратники встретили половцев, как

отняли у них кривые сабли, и как на шею Изоту повязали берестяную иконку Богоматери. Изот опустил на колени, перекрестился на Спаса и попросил тот же час свести себя к воеводе.

И тут приспело время немножко рассказать о воеводе Гавриле Селезне. Вот как описывает его Дмитрий Иловайский в «Истории Переяславского княжества (М., 1882)». К описываемому моменту было Гавриле уже за шестьдесят. Ещё мальчиком прислуживал он в терему Ярослава Мудрого, киевского. Потом старый князь прикрепил Карпушу (в крещении Гавриила) Селезня к своему сыну Всеволоду в «друзи», а потом и дядькой назначил. И долгие годы верный Селезень ходил в походы стремя в стремя с князем, а как состарился и стал на ухо туговат – отправил его Всеволод Ярославич на кормление в Бел-город Северский, бывший царский город хазарский. В бурной походной жизни воевода так и не обзавёлся семьёй и теперь всё в его горнице выглядело побобыльи неухоженным и скудным. Только верный двуручный меч красноречиво висел на простенке между окнами, тускло отливая отточенным обоюдным лезвием, да суровый византийские иконы в святом углу золотились новыми окладами, выдавая жилище человека служивого и набожного. Жил здесь в лампадках святой огонёк, поддерживая жар в сердце старого воеводы. А уж он-то, Гавриила Селезень, держал дружину в ежечасном горении боевого духа, и накрепко его ратники замкнули восточный рубеж. И встретил Селезень половецкого толмача Изюма настороженно, потому что из степи привык получать только худые вести.

Изюм выложил всё о своём приходе, о великом Биармском посольстве и о благой царице Седе. Воевода долго думал и понял, что встречать царицу надо выезжать самому: дело-то державное! Он перекрестился на иконы, глянул на блеснувший меч на пристенке и вымолвил:

– Тотчас же отправлю гонца в Киев, к Изяславу Ярославичу – нехай готовится к встрече посольства. А сам с малой дружиной поспешу к востоку, на речку Окаянну. Стречу царицу... Как ты сказал, её величают?

– Подданные называют её Седа...

– Вот я сам и приму в державе эту царицу Сердце! Эй, стража! – воевода поднялся, по-молодому размял суставы и велел гридням:

– Половецкий караул Изюма заковать в железы и оставить в заложниках, пока дело не свершится. А ты, Изюм, пойдёшь со мной на речку Окаянну, потому что знаешь половецкого сотника из конвоя. И да поможет нам Пресвятая Дева!

Воевода и все в горнице перекрестились и поклонились образам. В крепости закипело приготовление к походу.

Крепость Бел-город за дубовым тыном стояла на крутом меловом холме. Со времён хазарской Белой Вежи в середине её светлела прямоугольная каменная синагога, нынче увенчанная куполом и золотым крестом. Сто пятьдесят лет назад поселение выжег князь Святослав. И теперь все постройки тут восстановлены по-славянски. Терема углами рублены. Крыши шатровые, покатые. Рядом с церковью – лобное место. Над ним высоко поднято плашмя деревянное колесо – символ небесного правосудия. У длинного навеса открытых конюшен – глухая мастерская: там оперяют стрелы и гнут ореховые луки. Опричь, удерживая лютость огня, – две продымлённые кузницы. На городском майдане ещё крепкий, вперемежку с конским навозом, снежный наст и тут же три страшные пыточные дыбы в ряд. На крайней висит на заломленных руках посадский мужик – по бороде – золотишки соломы и чёрные потеки крови. Воевода ткнул плетью в сторону мужика и пригрозил ему пальцем:

– Доносчику первый кнут!

Повернулся к Изюме и сказал:

– Принёс он ябеду на рыбарей. Дескать – зажиливает десятник речного язя – лучшего к воеводскому столу не подаёт. А Ярославова Правда нас учит: «Да первая горькая чаша – доносчику». И я его так жалею по правде.

Поёжился Изот от такой воеводской жалости, словно на себя примеряя. И вправду – как можно в государевом деле на одно только слово толмача полагаться – вдруг половцы заманивают в степь из коварства?

Воевода мысли читает. Глянул – усмехнулся:

– А может, я и не верю тебе, толмач? Но не пристало русским половцев бояться. Но о их коварстве помним – и потому выйдем к Окаянной совсем с другой стороны. Обойдём её с севера и прямо за спиной у царского посольства вынырнем. Седлай, дружина!..

Снег крошевом вскипел под сотнями копыт, ворота птичьими крыльями развернулись и снова упали на линию крепостной стены, выпустив дружину в степь.

Спустя время перемахнули по ещё крепкому льду Северский Донец и резко повернули вроде как к Курску. Лазутчик половецкий выполз из береговых камышей, пробежался по копытным следам, языком поцокал. Потом наклонился и пальцем провёл по кромке следа от полоза – то в санках городской протопоп с воеводой отбыл... Лазутчик приложил ладонь к опушке своей шапки. Долго глядел вслед всадникам, числом считая. Тоненько свистнул лазутчик – и из тех же камышей, кривя шею, выскочила низенькая пегая лошадка.

И тут ещё один всадник появился из потая. Лазутчик приладил своего конька рядом, прямо из седла хлопнул второго по колену:

– Вот и отомстим мы русичам за твою синагогу, Рончик! Тёмнику слово за тебя замолвлю – не зря ты наш дозор вывел прямехонько к Белу-городу!

Оба в мохнатых шапках легко взяли с места и поскакали на восток, к половецким кибиткам. Тёмнику они несли весть

об уходе воеводы из Бела-города к Курску и о том, что сам Бел-город остался почти без прикрытия.

А Селезень первый ночлег при малых кострах провёл в курских пределах. К вечеру второго дня его дружина перемахнула по ледовому панцирю через Дон и там уже, в половецком поле, ночевало сторожко, без костров, прикрывшись от сырого азовского ветра щитами. Утром собрал протопоп войско вокруг своих санок, окропил ратников святой водой, долго держал поднятой икону воина Георгия и терпеливо дождался, пока последний из дружины приложится к святому лику.

И тогда воевода круто развернулся на запад. Снова перешли Дон и крупным намётом пошли прямо к Окаянной, к старому Голунь-городищу. Теперь воевода и его люди выходили прямо в спину посольскому поезду и половецкому отряду при нём.

...Неладное Селезень почувствовал к полудню, когда впереди себя, за небесным изгибом, увидел он сизый дым. Что-то большое горело впереди. Толмач Изюм уверенно определил:

– Места эти знаю. Там есть поселение бродников – бывших хазарских людишек. Оно и горит: дым камышевый – они им хаты кроют. А ведь там, где-то совсем рядом, и старое городище, где нас Седа ждать должна. Беда там стряслась, воевода!

И когда пологим берегом Тихой Сосны вышли к Голунь-городищу, то и увидели: своим малым отрядом защищают половцы царицу и её людей от ещё больших хищников. Половецкая синяя хоругвь с белым лебедем то взмывала над схваткой, то исчезала среди мелькавших сабель, малахаев и конских бунчуков. Враг явно брал верх.

Были то ещё неведомые на Руси кыпчаки. Одеты в чёрные длинные халаты, в чёрных же шапках с султанами из сурочьих хвостов. Они рассыпанным пешим строем окружили и дожимали половцев и уже отсекали от них к заснеженной балке с меловыми выгаинами царский поезд. Дюжины две теперь сих неведомых в стороне крошили кривыми саблями перм-

ских мужиков. Страшный визг стоял у кибитки царицы, откуда враги уже начали выбрасывать на снег звериные шкуры.

Рядом, на городище, догорал поселок бродников. Тела его жителей чернели у остовов дымящихся строений, вдоль узкой, в проталинах, дороги.

Воевода лишь повёл глазом и от его лавы откололась в сторону кипчаков дюжина ратников. Русские перехватили ладонями свои верные мечи и с налёта вклинились в схватку.

Сеча случилась скоротечная и кровавая. Кипчаки не испугались и не опешили: они просто частью повернулись лицом к белгородцам, остальной частью продолжая грабёж обоза и избиения половцев. Дрались кипчаки страшно: когда уже не держал их воин сабли – зубами впивался в руку врага. Их султанчики на шапках закреплены на отточенных остриях: до смерти ранили, если кипчак с разбега ударял головой в живот русича...

Но свежая сила оказалась крепче. Часу не прошло – одного лишь кипчака в живых оставили для спроса. Своих посчитал Селезень – два десятка человек легло, да столько же ранами кровоточили.

Теперь приводили себя в порядок и русские, и спасённые ими половцы. Изюм привёл к воеводе половецкого сотника.

У сотника в жёлтых волосах кровь, опирается на обломленную деревянную пику пермяка. «Борони Бог!» – по-русски успел он поблагодарить Гаврилу и упал без памяти.

Кибитка царицы окружена телами. Полегли все её пермяки – охотники, олени с обрезанными построумками пугливо жались поодаль. Белый медведь даже не ревел – затравленно жался в углу клетки. Разгром посольства был полный.

Испуганный волхв Пама молился на коленях у шатра. А к воеводе вышла уверенная в себе и неприступная Седа. Она повела подкрашенными глазами по месту побоища и сразу вычислила в толпе ратников воеводу. Изюм перевёл её надменные слова:

– Веди в град Киев к старцу-пророку – получишь награду от своего царя!

Седа пнула ногой в спину согбенного в молитве Паму и зло прошипела ему что-то. Тот поднялся, захлестнул на животе полы звериной шубы и шмыгнул в шатёр. Туда же скрылась и царица.

Воевода оглядел оленей, сокрушённо покачал головой: не годились животные для похода! Позвал своего помощника:

– Запомни это сгоревшее селение бродников на речке у царицы Сердце. Сюда мы потом её и выпроводим на обратной дороге. А поканими с рогатых сбрую и отпусти на волю. Двух самых крепких выбери да покорми – погоним князю в Киев невиданных животных. А в те кибитки, что уцелели в царском поезде, впрягите кипчакских коней.

– Так они, кипчакские скакуны, необучены к упряжи! – засомневался помощник.

– Не таких обламывали! – успокоил воевода и объявил привал до вечера. Надо было похоронить своих, по-доброму разойтись с уцелевшими половцами и освободить от плена Изюма: взять в том ярлык от сотника. А сотник всё ещё не пришёл в себя.

Вечером сделали уцелевшие половцы волокушу из еловых лап и ушли в свои степи, гикнули коней и уволокли раненого сотника. Воевода заново собрал посольский поезд. Пермьяцкие сани так и оставил в середине, вокруг царского шатра, а сам со своими людьми взял этот походный стан широким кругом и двинулся от речки Окаянны по броду через Оскол, к Донцу, навстречу дружине князя Изяслава. Гаврила Селезень полагал, что княжеские дозоры встретятся ему уже на этом берегу.

Дружина переправилась черед Донец выше Бела-города и некоторые потягивали носом. Да и самому Селезню показалось, что со стороны родной крепости южный ветер несёт еле различимый дымок. На привале он собрал ратников, велел пересчитать стрелы и сказал:

– Ничто! В Белом Городе малая дружина осталась – без боя не уступят крепости. Нам же отклоняться в сторону не след, пока не передадим посольство великокняжеским людям. Вот помяните моё слово – на речке Хороле их и встретим. Только бы Хорол раньше времени не вскрылся!

Снега совсем обмякли, иногда кони по брюхо проваливались в снежные каверны. К Хоролу вышли измотанные, спасибо – ни разу на степняков не нарвались.

Лёд ещё крепок, на том берегу много костров. Дозорные князя Изяслава высматривают на восток с вершук голых верб, разгоняют скучившихся ворон.

– Идут!

– Вижу!

– Идут!

Отряд воеводы Селезня встретили по-братски, тут же угостили дичью и брагой. Князь Изяслав, прежде встречи с царицей, позвал воеводу к своему костру, сказал, как обжёт:

– Ступай домой, к Белу-городу, воевода. – Выжгли твою крепость половцы – мне дозорные донесли. А за службу низкий тебе княжеский поклон и прими это, – снял с себя и перекинул на шею склонившемуся воеводе золотую гривну на серебряной цепи. – Крепость мы ещё отстроим заново, потому что без этого города на границе со Степью у Руси жизни нет.

Строка в княжескую грамоту

Сын одного удельного князя, Шимон, чудом спасся в драке русских с половцами на речке Альте, и ему было видение о новой церкви в Печерской лавре. Шимон пришёл к старцу Антонию и поведал ему о чудесном видении. Святой старец, с именем Бога на устах, воплощал теперь это видение. И когда великий князь Изяслав придержал коня у монастырских ворот, то чернец-охранник отказался его впустить. Дескать, преподобный Антоний третий день пребывает в затворе, мо-

литвой испрашивает у Христа указать место для строительства Великой Церкви. Изяслав вскипел было, хотел плечом отодвинуть инок. Но тут появился другой чернец, низко поклонился князю:

– Игумен Антоний вышел из затвора и ждёт тебя, великий князь.

Провёл воителя монастырским двором, потом пропустил вперёд в узкую дверь деревянной постройки на крепкую винтовую лестницу. В верхней горенке встретил игумен. Был старец уже годами дряхл и сутул, но взгляд имел зоркий, зрачки – словно два лесных омута, но светлые, как выцветшие. Развёл руками в широченной заштопанной рясе:

– Извини, светлый князь, за наш суровый монастырский устав. Но нам нарушать его не след, даже перед земными владыками. Да ты присядь, присядь на сундук – в нём у меня книги хранятся – морёный дуб никакая мышка не грызёт, не говоря уже об нечистом... Так вот – по молитвам моим дал Господь мне указку, где Великую Церковь ставить. Ныне в ночь сойдёт там весь снег, и место обозначится прошлогодней травой. Там и заложим храм. А пока суд да дело – не постоишь ли с братией обедню?

Изяслав потрогал под собой кованую крышку сундука:

– И всё-то у тебя в хозяйстве ладно, святой отец! Мне бы такое послушание от холопов, как тебя монахи слушаются!..

– На всё воля Божия! – перекрестился Антоний. – И вся наша власть, и наша слава – от Его Пресветлого Имени.

– И то верно! – согласился Изяслав. – И по воле Господа нашего молва о тебе, авва, пошла по всей земле, достигла даже пределов земли Биармии и простирается далее к ледяным пустыням. Вот и теперь спешает в стены твоей обители царица тех мест, именем Сердце, чтобы усладить душу умной беседой и получить от тебя наставление в праведной жизни. Повторяется библейская притча о царице Савской, что во время оно шла пустыней пытать ума у Соломона.

Антоний отошёл к Святому углу с иконами, опустился на колени и зашептал молитву. Как она была одухотворена и горяча, князь видел по ожившим язычкам лампад у образов, когда в лад шёпота старца ожили тени на сумеречных стенах затвора. Долго, долго ждал князь, не нарушая общения старца с Силами Небесными.

Старец с трудом поднялся, опираясь руками на колени, и повернулся к князю:

– На речке Окаянне, – сказал старец, – душой видел я сейчас сечу великую у белых шатров, да невиданных коней рогатых, но не единорогов. Спешу, князь, на ту речку к бою у царицы, у Сердца, помоги выручить посольство. И будет тебе слава великая.

Изумился князь такому откровенному прозрению. И сказал: – Вот Мать Наша Пресвятая! – повернулся Изяслав к иконам и земно поклонился образу. – А вот я, грешный. Если окажется всё по слову твоему, то дарую обители книгу Евангелие – редкий труд работы самого великомученика Горазда. Я получил это Святое Откровение от деда – Ярослава Мудрого, и в книге той есть пометки первоприсветителей Кирилла и Мефодия, а ещё прабабки всех Рюриковичей – святой Ольги. Евангелие это пребывает теперь в семье брата Всеволода, и учится по нему Божией премудрости племянник Владимир. Но коль велик твой дар предвидения, то ещё теснее будет общение твоё с Богом через неповторимое Евангелие.

Антоний смиренно наклонил голову под старенькой скуфьей:

– Смотри, князь, ты сам свидетельствовал перед Пресветлым образом. А к нам, смиренным, свидетельствовать не надо. Поспешай же на ту речку у Сердца и приведи в монастырь чужеземную царицу. У меня в книжной светёлке есть хартия, где написано о речке Окаянне. Так её нарекли язычники по слову «каять, извиняться». Скажем – покаяться – значит

добровольно открыть сердце. Окаять, то есть просветлить, можно насильно. Вот Святополка князя прозвали наши деды Окайным, потому, что они духом высветили его недобрую сущность. И речку эту зовут Окайной за то, наверное, что некогда очистили её от русалок и леших. И не надо её так больше называть – надо приписать ей христианское имя. Вот впредь и пиши её в документах «У Сердец», у христианских душ то есть. А тут и повод хороший: видимо, пришло время приобщить к вере Христовой ещё один народ – непросвещённый народ пермский. Седлай коней, а я к твоему возвращению открою Христово место под Великую церковь.

Чернец проводил Изяслава до его санок. Когда двинулся к Киеву, то вдруг остановил возницу, указал гридням из караула на квадратное пятно вытаявшей из-под снега земли:

– Никак – по молитве старца место под храм проявилось?

– Куда там, – не согласился десятник. – Монахи, небось, расчистили – торопятся под грядки землю обиходить – за зиму-то оскудел монастырь харчами.

– Ну-ну! – в сомнении покачал головой князь, и снег брызнул из-под копыт соловых из упряжки и коней охраны.

Антоний же предался новой молитве. Он не выходил из затвора всю ночь, и когда утром ударил монастырский колокол, братия увидела его с лицом просветлённым и совсем седой бородой. После литургии Антоний возгласил:

– Ныне, за две недели до Страстной седмицы, было мне видение о Великой церкви. Поди, брат Герасим, к холму, у северной стены монастыря, и глянь – не протаяла ли там земля?

И тут братия неожиданно опустилась на колени:

– Все мы свидетели – протаяла земля на холме, отче! И бурьян сырой прошлогодний щетиной расправился на ней.

– Мы пытались бурьян скосить, а он, что железный, – добавил брат Герасим.

Тогда Антоний сам опустился на колени и перед иконостасом громко возблагодарил Бога.

– Ступайте, – не оглядываясь и не поднимаясь, сказал он, – и бурьяны сами сдадутся вам.

И пока слышал за спиной стук подошв, молился. И вышел из церкви лишь тогда, когда долетел с улицы громкий многократный вопль. Старец вышел на паперть и оттуда увидел, что старые бурьяны на холме сами по себе полыхают яростным огнём, а монахи стоят кругом и ликуют. Антоний успел мельком подумать, что предаваться мирским чувствам – это грех, но тут же сам почувствовал невероятное удовлетворение и искренне возблагодарил Бога.

А потом пришли заботы по строительству. Утром преподобный благословил Богом указанное место и сам измерил его широким золотым поясом, взятым с иконы Спасителя – в тридцать поясов в длину и двадцать в ширину. И вышли землекопы из княжеских сёл, и десятники расставили их с заступами по нужным местам. Первые комья земли полетели с лопат, а преподобный Антоний уже исчислял в своём затворе потребность в кирпиче, слюде и дереве для нового храма и раз за разом справлялся у ризничего – стачали ли ему, Антонию, новую рясу к приезду иноземной царицы Сердце.

...И явилось посольство в святую Лавру. Дивились монахи на двух неведомых зверей – коровы ли тягловые они, або кони рогатые? Олени в нашем тепле совсем сдали, тяжко поводили боками и отказывались есть даже свежее душистое сено с днепровских плавней. Оленей Изяслав в свои киевские конюшни отослать велел, а белого медведя на обозрение выставил. Клетку его подняли на холме у малых пещер и приставили двух монахов, чтоб кормить свежей речной рыбой. Но медведь почти не шевелился в своей решётчатой тюрьме, и видно было, что совсем скоро он издохнет. Приводили ему в компанию бурых двух медведей с бродячими скорморохами – да наши зверюги лишь рычали и скалили пасти на пришельца с севера – не получилось звериной дружбы.

Да...

Зверинец этот развлекал монастырских паломников, а настоятель с князем вели беседы с царицей Сердце. Толмач Изюм от царицы столь дивные слова говорил, что не верилось в их искренность Изяславу:

– Знал я и раньше, что в тех полуночных краях всё в диковинку, да всё ж не верится, что там ночи по полугоду: Господь для всех земель равно поделил день и ночь! Тогда ведь и спать надо по шести месяцев, а как враги налетят? Так сонных и порежут...

Мудрый Антоний молчал, всё выслушал от царицы о благодати её земли и народа, а ещё о бедах и напастях. И сказал, раскрыв перед собой княжеский дар – дивное Евангелие работы великомученика Горазда:

– Есть только один путь к счастью – через веру в Господа нашего Иисуса Христа. Погляди, царица, сколь великолепны наши православные службы, послушай, сколь человеколюбивы наши молитвы, и прими нашу веру. От неё будет народу пермскому спасение и жизнь вечная. И царю твоему Сиду накажи привечать миссионеров православных, ведь хоть сто лет ещё продержись в Биармии язычество, хоть двести, а вера Христова всё равно просияет у пермского народа, ибо сказал Господь: «Но Аз истину вам глаголю: лучше будет вам, да Аз иду к вам».

И во все дни до Страстной седмицы царица с близнецами пребывала на церковной службе. И прониклась царица святыми молитвами, опустила Седа на колени перед алтарём – Гробом Господним – и приняла с сыновьями святое крещение. Нарёк Антоний царицу именем первой русской святой – Ольга, а её сыновей назвал Борисом и Глебом, как первых русских великомучеников.

В обратную дорогу уступил Антоний посольству всю дюжину своих соловых коней – прежний великокняжеский дар. Изяслав же приставил свою охрану, которой надлежало проводить царицу Сердце до самой речки Окаянны и дальше,

мимо земель мордвы и Волжских булгар, за черемисы в самые пределы Биармские. Князь Изяслав написал пограничному Белгородскому воеводе Селезню грамоту: «...у царицы, на речке У Сердец, сделать посольству ход безопасный, да тот брод на Усердце потом запереть накрепко чесноки да летучими заставами...»

Торопилось посольство уйти на север пока ещё стоячими реками. За пять дней прошли от Киева к Белгороду Киевскому, через Хорол, Бел-городу Северскому, и оказались на пепелище: выжгли и вырезали печенег город, пока воевода встречал посольство. Уцелел только обугленный церковный остов, да огонь не достал колеса справедливости на высоком шесте, оно дымилось и поскрипывало на ветру. Теперь ютился Гаврила Селезень в шалаше, а дружина в старых меловых пещерах. Прочитал старый Селезень грамоту, вытер слезу и сказал Изюму:

– Теперь уж нет Бела-города Северского, но ещё дальше отодвинем мы границу назло врагу, а потому не летучей заставой, а всей дружиной станем мы на тех бродах у речки, что великий князь называет Усердцем. Даст Бог – укрепится земля Русская – тогда и Белгород возродится, и люд мирской да служилый вернётся к меловым кручам.

Ещё три дня шли к Окаянне, что теперь стали называть Усердцем. У старого посёлка бродников проводил Селезень посольский караван, протопоп перекрестил его хвост, исчезавший на заснеженном пригорке. Тут, в открытой степи, было ещё по-зимнему холодно, и воевода сказал священнику:

– Ничто. Дон-батюшка, поди, ещё крепко ледовый панцирь держит, а Волгу они перейдут в Болгарии, далеко на севере: она тоже препятствием царице не станет... Эй, десятники! – повернулся он к дружине. – От Тихой Сосны дымком потянуло: никак – печенег старые камыши жгут, проход готовят. Не дремать, караулы ставить. Да поперёк брода, по льду, разверните чесноки – через пару дней железа сами опустятся на дно!

Сам проследил, как из обозных повозок извлекали железные болванки с четырёхугольными шипами – чесноки, как по двое каждую из них растягивали по самому ледяному речному стремени. Знал воевода, что под водой, как ни упади, чесноки всегда будут торчать одним шипом вверх. Для чужой конницы тут теперь – непроходимая преграда.

Воевода с протопопом прошли вдоль пепелища посёлка бродников. Оплавленные медные каганцы, куски линялых шкур да головешки – всё, что осталось от жилищ. Следов оружия нет, да и быть не могло. Бродники – остатки населения хазарского каганата – жили по притокам Дона маленькими мирными колониям – зверя били да ловили рыбу. Со славянами не враждовали, а вот половцы свирепо преследовали бродников, накладывали дань. Селезень раздвинул ногой пепел, наклонился и поднял обожжённую тряпичную куклу:

– Надо бы вернуть сюда бродников, батюшка: с ними и домашний уют вернётся. А пока не получу иных распоряжений из Переяславля, от князя Всеволода, начну возводить городок на Усерде. Да так и назову вот этот холм – Усердский городок. У сердца, значит.

...Одиннадцатый век шумел мартовскими ветрами. У Черниговского князя в хартиях эта речка ещё долго потом звучала отголоском неведомых бедствий – значилась, как Окаянна, а спустя сто лет гениальный певец «Слова о полку Игореве» назовёт её поэтично Каялой. И долго потом историки будут искать её на картах всей Великой Степи, и не смогут найти, а пока эта речка набухла подо льдом у ног Белгородского воеводы Гавриилы Селезняя.

И воевода точно знал, что речка эта будет бежать у Сердец русских, пока эти сердца стучат и пока живёт Отчая Земля.

ОТ КОРНЕЙ «МОСКОВСКОГО ДРЕВА»

Мозаика этого повествования складывалась в картинку исподволь, десятилетиями. Среди прямых документов, искомым к разным сюжетам, иногда мне попадались и косвенные. Я их складывал в отдельные папки и к некоторым никогда не обращался. Иные же использовал в других работах как побочный материал, но всегда держал в памяти каждую бумагу из каждой папки. И когда совершенно неожиданно на почти вымершей сельской улице Верхососенска, в избе забытой людьми и Богом очень уж преклонных лет женщины, увидел единственную тёмную и почти погасшую икону, то сразу вспомнил об одной старой папке. Мы с товарищем попросили образ, чтобы обработать его через компьютер, и я вернул икону. И раскрыл ту самую папку с документами XVII века. И вот что получилось. И если это не бомба, то я ничего не понимаю во взрывчатке!..

* * *

В канун Покрова дня 1649 года царь Алексей Михайлович в Серебряной и Золотой палатах Московского Кремля выбирал подарки для нового турецкого султана Магомета IV: готовилось посольство в Высокую Порту. С услужливой подсказки опального боярина Бориса Морозова государь остановил взор на многих вещах, но великолепно отделанный бронзовый потир отдавать за границу отказался. Более того – велел призвать пред свои очи мастера, расписавшего сосуд.

Мастера привели. Им оказался 23-летний отрок Пимен Фёдоров-Ушаков, служивший знаменщиком в палате. Алексей Михайлович одарил художника золотой монетой чеканки времен Василия Шуйского и перевёл в кремлёвскую артель иконописцев. *(И. Николаевский. Из истории сношения России с Востоком, в половине XVII в. СПб, 1884 г.)*

А когда в 1650 году воевода нового города Верхососенска, Исай Астафьевич Владычин, попросил у правительства и Патриарха новых служебных книг и мастеров-изографов для росписи городских церквей, то государь вспомнил о талантливом юноше. Пимену Ушакову и его младшему брату Анчиферу велели основать в новом городе иконописную школу. (ЦГАДА, фонд 210 Ед.Хр 3917 «Документы, касающиеся управления и состояния городов»)

К концу лета того же 1650 года братья с караваном переселенцев из северных городов, прибыли в Верхососенск. Город тогда представлял из себя «...близ Сосенского лесу острог. А в городе башня проезжая, Царёвские ворота, а на ней караульный шатёр. Ещё башня наугольная четырёхстенная, на башне верх шатровой... башня проезжая, словут Водяные ворота, 4-стенная... А в городе съезжая изба, казенной погреб. Воеводский двор, а в нём счислительная горница. Да для осадного времени клети и анбары всяких жилецких людей. В городе ж колодезь, сруба до воды 12 сажений, а воды в колодезе полсажени с получетью... да кругом города ж и под заповедным лесом слободы жилецких людей». (ЦГАДА, фонд 210, Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола, ед. хр 317, л. 246)

В одной из таких слобод – казачьей – заканчивали тогда возведение церкви Михаила Архангела. Вот с её росписи и велел воевода начинать иконописное дело в Верхососне. Братьев Ушаковых поселили внутри крепости, в воеводском доме. В той самой «счислительной горнице», где молодой дьякон Иеремия обучал детей городского старшины арифметике, изографы устроили свою мастерскую. Братья сразу же разделили обязанности – Анчифер подыскивал доски и готовил левкас: особый меловой состав. Он же варил олифу и тёр особым способом яичный желток для красок. Пимен же подбирал лики и сюжеты для иконостаса.

Молодые изографы ещё не были искусны в своём деле, а поучиться оказалось не у кого. В городе работала перво-

классная артель плотников Морейки Самсонова из Каргополя: они уже возвели семикупольный Троицкий собор внутри крепости, подняли Архангельский храм, готовили брёвна для Ильинской церкви. Храмы они строили по северному канону, подобные архангелогородским и тем, что донныне уцелели в Кижах – многоголовые, с шатровыми куполами. И иконы храмам, и роспись нужны были под стать их великолепию, но достойных художников на Белгородской черте не было: каждый новый город выход из ситуации искал сам. Церкви западного крыла засечной черты – от Коронтаева, через Ахтырку, Хотмыжск и до Карпова расписывали малороссийские изографы, и письмо там в храмах явилось новогреческое, почти светское. Храмы же от Болховой, от Бело-города, через Царёв-Алексеев, Верхососенск, Ольшан, Коротояк, Воронеж и дальше к Козловы, Сокольску и Челновой писали суровые изографы новгородской школы. (С. Медведев. *История церкви... СПб, 1885*)

Они свято чтили канон и продолжали знаменитую школу великих мастеров иконописи Алипия, Парамши и Андрея Рублева. Последователем этой школы ощущал себя и Пимен Фёдоров-Ушаков. В верхососенской счётной горнице он окончательно понял, что канон не сковывает художника, а просто задаёт рамки дозволенного. Внутри же канона молодой изограф чувствовал себя свободнее от доски к доске. Лики изпод его кисти выходили всё чище и одухотворённее, становились явлениями духовной жизни и 8 сентября 1651 года он отправляет на Москву патриарху Никону письмо с просьбой «...благославить мя, недостойного раба Божьего Симонку, сына Фетки, Ушакова к смиренному подвигу написания лика Богоматерь «Знамение», тако ж Володимерская сиречь Древо Московского государства Архангельскому верхососенскому приходу и списков с оной по твоему, владыко, слову...». Примечательно, что в тот же день и той же почтой брат Пимена

Анчифер «бил челом» тому же Борису Ивановичу Морозову, ещё не ведая, вышел ли тот уже из-под опалы:

«...некие люди несведущие самописом иконы малюют и на посадах зельем меняют, нам же, царевым изографам, староста лесной казенной доски шлет со свищами, к росписи негодные, токмо на пробу и наущение... и по тем доскам уроки делаем и людем посацким раздаем бездоходно. (*Барсуков А. Списки и документы городских воевод в XVII столетии. СПб, 1883*)»

Мы не знаем ответа, полученного братьями. Известно лишь, что уже в 1653 году старший брат, именуемый уже во всех документах Симоном Ушаковым, стал мастером росписи в Царской палате. Здесь он дошёл до совершенства «Древо Московского государства» и икону Владимирской Божьей Матери в Грановитой палате написал на уровне своего учителя Андрея Рублева. Симон Ушаков сам стал основателем новой школы. Впрочем, Москва с опаской приняла некоторые работы мастера: он позволил себе вольности внутри канона – игру света и тени, поэтому некоторые деятели церкви и государства считали его первым русским светским живописцем. Однако несомненен вклад Симона Ушакова именно в православную иконографию. Он поднял её до уровня западных мастеров Возрождения. И это сделало все без исключения работы мастера бесценными на всех аукционах и у всех знатоков мира. Анчифер же Фёдоров жил в Верхососне при доме того самого священника Иеремии, настоятеля Троицкого собора, до глубокой старости и похоронен на кладбище в Раздорном в 1692 году. (*ЦГАДА. Фонд 210, е.х. 1615 «Сказки о службе, семейном составе и имущественном положении, поданные в Верхососенске стольнику Сватову»*)

Брат знаменитого изографа до седых волос растирал краски, не поднявшись до уровня мастера. К слову, иконописную школу в Верхососенске так и не завели, иконы в край закупаались в Торжке и Холуе, а церкви расписывали мона-

шеские артели из Оптиной пустыни и нового Иерусалима. И всё-таки...

И всё-таки после большевистского разбоя многие иконы порушенных храмов сохранились в святых углах домов прихожан. Здесь можно видеть удивительные работы безвестных мастеров, и здесь же я нашёл то, с чего начал сей рассказ и от чего упало сердце. В маленькой избушке о двух окнах у бабушки – назовем её бабой Ириной – увидел удивительный тёмный лик Богоматери «Знамение». На чёрной от времени олифе «света» буквально сияют женский и детский лики. Письмо неожиданное, как мы говорим теперь – абсолютно авторская работа. Древнее, вековое письмо. И почти в середине – чудом уцелевший под тонким слоем краски большой сучок. Неужто икона из тех самых досок, «со свищем, к росписи негодным»? Если так, то у бабы Ирины хранится самый первый «корешок» «Древа Московского государства»! Ведь если сравнить верхососенскую Божью Матерь «Знамение» неизвестного автора и «Спас Великий архиерей» (1657) Симона Ушакова из исторического музея, сходство будет очевидным. И если наши предположения верны, и эти иконы отстают одна от другой во времени на 5 лет, то допустить тождество автора можно! Тем более что сейчас есть множество научных способов определить и время написания иконы, и её автора. Хотя лично я ни одному из этих способов не верю, разделяю точку зрения академика-математика Анатолия Фоменко на то, что все эти «научные» анализы и экспертизы не стоят выеденного яйца. Уже в постановке вопроса при этих экспертизах закладывается пристрастный ответ.

И я осторожничаю только потому, что боюсь верить в удачу. И если икона «со свищем» на самом деле написана Сионом Ушаковым, то наш малый Бирюч можно включить в список мировых культурных центров. И уже теперь бесценная икона может приносить баснословные деньги от притока туристов. *In hac spe vivo*. Впрочем...

Впрочем, никому это в наших краях не нужно. И я боюсь, что в один, далеко не прекрасный, день икона эта бесследно исчезнет, как исчезли в последние годы сотни досок из наших церквей. Но может, и на сей раз отведёт беду Божья Матерь «Знамение»?

И впрямь — этой надеждой живу.

«СЕНКЬЮ, МИСТЕР СТЕКЛЬ!»

Разбирая документы Бирюченского дворянского собрания, я натолкнулся на бумаги о связи нашего края с далёкой Аляской. Это оказалось столь интересно, что поиском утраченных связей я посвятил несколько лет. Так родилась эта маленькая повесть.

А

Андреевский флаг свисал безжизненным мокрым полотнищем. Над архипелагом Александра шевелилась низкая облачность. Стоял полный штиль, предбурье, и капитан парусно-парового шлюпа «Предприятие» граф Игнатъев приказал запустить машину. На обвисшие мокрые паруса скоро начала оседать угольная копоть, выталкиваемая котлом из узкой высокой трубы. Механики – пленённые в недавнюю Крымскую кампанию англичане – запустили машину на полную мощь: им не терпелось ступить на американский берег.

Граф Игнатъев застыл на мостике, стараясь не потерять фарватер. Бывалый мореход очень дорожил своим кораблём, ведь в своё время вместе с Отто Евстафьевичем Коцебу он хаживал вокруг света ещё на том, первом «Предприятии», чьё имя и унаследовал новый корабль.

Рейс был обычным, коммерческим. Зафрахтованный купцами Рябушинскими паровик шёл на Аляску за очередной партией пушнины. Среди пассажиров, кроме купеческого приказчика, плыли артисты труппы Иркутского театра, ие-

ромонах Феофан, дюжина неведомых бритых искателей приключений с визгливыми девицами и семеро бородатых раскольников. Последние желали новой жизни в Русской Америке.

И уже совсем рядовым можно было бы считать это плавание, если бы не следовал этим бортом скромный казённый курьер, штабс-ротмистр Константин Мефодьевич Полупанов. Видели иногда мельком лишь его денщика, дюжего солдата Африкана, пробежавшего по палубе с громадным лужёным чайником. Пожалуй, даже капитан не знал о содержимом ротмистрского саквояжа, несмотря на предварительный до-смотр. Иначе учтивость капитана вряд ли распространялась столь далеко, что он всякий раз приглашал офицера в свою каюту к столу. Впрочем, всегда безответно.

Но если бы, в силу своей близости к Богу, иеромонах Феофил смог заглянуть в душу военного курьера Полупанова, то нашёл бы в ней смятение и упадок, ибо совсем не гордыней можно было объяснить скрытное поведение курьера. Ведь в саквояже, опечатанном и закрытом на висячий замок с секретом, были бумаги Канцелярии Его Императорского Величества о продаже Русской Америки молодым и нахальным английским колонистам.

Константин Мефодьевич не был детально знаком с доверенной ему почтой, но в целом содержание её знал. Истинно русский патриот, он не мог понять царского поступка – нелепого на первый взгляд и похожего на оскорбление всех российских предпринимателей, обосновавшихся в Новом Свете. Курьер рад бы выбросить проклятый баул за борт, если бы не был послушным мидовским служащим. И чем ближе подходил паровик к Новоархангельску, тем явственнее вставала перед ротмистром недавняя картина посещения им родительского гнезда в селе Веселом, Воронежской губернии. Воспоминания эти хоть как-то смягчали угнетённое состояние курьера.

Август минувшего, 1866 года, выдался погожим, спелым. В старом барском саду тупо стучали о травяной ковёр краснобокие яблоки. Полосатый шмель, похожий на отцовский колпак, упрямо бился с улицы в стекло. Сам отец, отставной поручик Мефодий Власович, потчевал сына домашними наливками:

– Уже и не чаяли увидеть тебя нынче, – говорил он, раз за разом поправляя халат на узкой волосатой груди. – Дело за тобой государево, это понятно, да ведь и нас, стариков, забывать нельзя.

Только что переступивший родительский порог. Константин слабо оправдывался, враз разомлев от пыльной дороги, жары и материнских пирогов. Он пока не сказал, что отпуску имеет всего три дня, и впереди у него длинная дорога через океан. Не хотел с порога огорчать стариков. Видел, что дома и так не сладко – хозяйство хирело, постройки рушились:

– Крестьяне наши, Костя, уходят. Вместе с землёй уходят. Вот наемни и садовник клин чернозёма выкупил, некому теперь за деревьями приглядывать. Как дал государь людишкам волю, так и пошёл разброд в хозяйстве. Осталось у меня на барщине два десятка временнообязанных крестьян, да и те копят деньжата на выкуп своих наделов.

– Воротился бы ты, сынок, домой насовсем, – просительным тоном сказала мать, ставя на стол вазу с яблоками и поддерживая разговор.

– Не встречай, Ольга Петровна! – старый барин заметил усталость сына и закончил: – Костина судьба на государственной стезе. Отдохни. Сын, а завтра нанесём визит в дворянское собрание.

...Визит этот был обставлен пышно! Ещё бы! Не всякому уезду дано похвастаться своим человеком при особе Государя Императора. По случаю приезда Константина Мефо-

дьевича в собрание съехали все дворяне с жёнами. Встречу провели в зале городской гимназии при стечении почётных граждан, гласных думы, земской интеллигенции. Наш герой даже несколько опешил от такой встречи. Он был посажен за стол президиума на фоне трёхцветного знамени и целый час слушал выступления земляков-дворян, просивших его донести до монарха рассказ об их заботах из-за освобождения крестьян. О том, что нужно строить новую земскую больницу, что...

«Уездные заботы, – с печалью думал про себя Константин Мефодьевич. – Да знали бы земляки, о чём болит голова у императора! Турки вон опять шевелятся, социалисты какие-то объявились, англичане грабят Русскую Америку... До уездной ли библиотеки тут, когда сами же помещики тянут с продажей земли крестьянам, и от этого вспыхивают крестьянские бунты».

Но ничего этого не сказал землякам. Он лишь поблагодарил их за гостеприимство и пообещал все их заботы донести до высокого начальства.

Откланиваясь при расставании, Константин Мефодьевич вынужден был задержаться по просьбе рослого сухого человека с бородкой и в пенсне, который представился учителем естествознания уездного училища:

– Сенатский регистратор Пётр Петрович Ельчанинов, имею честь... Я слышал, вы в скором времени будете в Северной Америке. Не сочли бы вы за труд доставить нам чучело песка с Аляски? Я понимаю, – заторопился учитель, заметив нетерпение офицера, – что это сопряжено с неудобствами. Но ведь многие наши земляки уже помогли кабинету естествознания. Вице-адмирал Филипп Кононович Юдин доставил гагару, действительный член Императорской академии наук Акинфий Елисеевич Азаров пополнил нашу коллекцию чучелами питона и кобры. Перечень не мал, уверяю вас, а вот из-за Полярного круга ничего нет.

– Хорошо, хорошо, – легко согласился Полупанов, – с первой же оказией я перешлю вам песка, коли сам не смогу привезти.

– Премного благодарен! – учитель поклонился, едва не переломившись...

Дома расплакалась матушка, провожая в дорогу, а отец положил в коляску к ногам денщика дорожный саквояж:

– Береги барина, прохвост, потчуй его в дороге сытно и в меру. С Богом!

В

«Стоя в Миннесоте и обращая взор к Северо-Западу, я вижу русского, который озабочен строительством гаваней, поселений и укреплений на оконечности этого континента как аванпостов Санкт-Петербурга, и я могу сказать: «Продолжай строительство аванпостов вдоль всего побережья и даже до ледовитого океана – они тем не менее станут аванпостами моей собственной страны, монументами цивилизации Соединенных Штатов на Северо-Западе». Константин Мефодьевич вспомнил сейчас эти слова дипломата из Вашингтона Вильяма Стюарда, произнесённые им ещё пять лет назад на приёме у Президента при вручении верительных грамот русским послом Эдуардом Стеклем. Тогда откровенные притязания американцев на Аляску явно покоробили российских дипломатов. Сегодня же всё изменилось

Полупанов знал, что сделка уже совершилась. И лишь в 7 миллионов 200 тысяч долларов обошлась она Штатам. Россия же потеряла несоизмеримо больше. Но и сейчас ещё многочисленное население русских фортов и факторий не знает об этой сделке, а ведь все подданные Российское империи подлежат эвакуации уже в этом году.

Константин Мефодьевич понимал, что рано или поздно Аляску Вашингтон попытается бы оттяпать у России. Но, как он думал, – если и продавать, то не за такую же смехотворную

цену! И себя, дипломатического курьера, он нынче почитал за откровенного предателя интересов Родины. И от этого не хотел показываться на людях. Избегал встреч с капитаном.

И ещё он знал, что нынешний рейс «Предприятия» – последний коммерческий рейс россиян в свои владения. Аляска продана со всем движимым и недвижимым имуществом, и её запасы пушнины, что скопились на складах и в факториях, тоже отошли новым хозяевам края. Иссякла река мягкого золота, целых 125 лет обильно и без сбоев пополнявшая казну Российской империи.

А года два назад земляк Константина Мефодьевича, из бирючан, промысловик Сазон Чернобровкин донёс губернатору Русской Америки Дмитрию Петровичу Максудову о богатых золотых россыпях и жилах в отрогах Аляскинского хребта. Строго-настрога запретил вельможа распространять сведения об этом, а само сообщение нарочным курьером отправил в Петербург. И пока лежащее втуне несметное сокровище тоже отходило теперь к Соединённым Штатам. Да мало ли чего получали американцы по этой сделке! А главное – терялась частица русской души, частица могущества державы. Уходила целая эпоха российской истории, и в могильную её яму в числе первых принуждён был бросить ком аляскинской земли Константин Полупанов.

...На виду Новоархангельска туман рассеялся. И город выплыл, как Китеж из небытия. С десятков парусников качивались в гавани. Вдоль неровных улочек на задворках кипела зелень, бабы полоскали бельё на помостках. Изредка, словно нехотя, вякал соборный колокол.

Стоял Петровский пост. Но над трубами домов пластались дымы: хозяйки готовили свои постные обеды.

«Предприятие», никем не встреченное, приткнулось к причалу, несколько раз выдохнуло из трубы дым и притихло. Ухнули в воду якоря. Неторопливые портовые рабочие перекинули на борт трап, и всё многочисленное население

парохода ступило на берег. На борту остались пятеро англичан-механиков под охраной лопухого конопатого солдата с плоскоствольным ружьём.

Пока Полупанов проходил шатким мостком на берег. Африкан уже успел найти подводу. Подпрыгивая на неровностях, крестьянская телега с разбойного вида мужиком скоро мчала чиновника к городскому почтамту.

Солнце окончательно распеленалось, согнав ошмётки туч за сопки. Засиял недалёкий океан, но стоило лишь офицеру отвернуть от воды, как ему тут же показалось, что он очутился в родном городе. Те же дома под гремящими железными крышами купеческих гнёзд. Те же неопределённого вида бродячие собаки на улицах. Длинные лавки у заборов с сидящими на них бабами в расписных понёвах. И даже слюнявый дурак на соборном крыльце очень напоминал знаменитого бирюченского Фильку-вещуна.

Матушка-Расея!

Почтмейстер Гаврилов был непреклонен. Застегнувши сюртук на все пуговицы, он разглаживал свою раздвоенную бороду и твердил, словно заученное:

– Без ведома его высокопревосходительства господина губернатора запускать телеграфную машину не смею.

– Ну так пошлите за губернатором!

Послали. Благо – губернаторский дом в минуте ходьбы. И, пока ждали вельможного разрешения, Полупанов с интересом изучал телеграфный аппарат, блестящий медью и лакированным дубом. Он внушал уважение. Однако было сомнительно, чтобы посредством него можно было говорить с Вашингтоном и Санкт-Петербургом.

– Можно, – подтвердил Гаврилов и почему-то перекрестился: – Господин Стекло уже два раза справлялся о вашем прибытии.

– Так какого же рожна вам ещё надобно, если сам посланник спрашивал?

– Без ведома его высокопревосходительства господина губернатора не велено, – опять уныло затягивал почтмейстер.

Наконец посыльный воротился.

– Сейчас сами изволят, – запыхавшись, сообщил он. Гаврилов выставил посыльного за дверь, подвинул к столу высокое кресло с дубовыми подлокотниками и сдул с него пыль.

Дмитрий Петрович Максutow пожаловал в домашней одежде, без Андреевской ленты. Невысокий, среднего телосложения, он был быстр в движениях, разговорчив:

– С чем пожаловали, сударь? Признаться, не могу понять того интереса, с которым посланник домогается вашего приплытия. Уж не новые ли льготы жалуует нам государь император?

Вопрошая это, губернатор взгромоздился в кресло и велел Гаврилову:

– Готовьтесь телеграфировать посланнику в Вашингтон.

...и вдруг Константин Мефодьевич понял, что губернатор не знает совершенно ничего о продаже Аляски. И ему стало невероятно жалко этого уже далеко не молодого человека, вложившего в некогда дикий край душу и здоровье. Это он способствовал закладке новых поселений и возведению церквей, он с архиереем приводил в православие местные народцы, и теперь по стойбищам и кочевьям всё чаще можно слышать русскую речь и найти малышей с русскими именами. Курьеру стало жалко жену губернатора, принцессу Марию, которая на этой земле стала супругой и матерью. Ведь для их детей Аляска – уже Родина!

И ещё. Полупанова огло сознание собственной вины перед сотнями застигнутых врасплох русских промышленников с их многочисленными домочадцами. Как-то внутренне сжавшись, он передал узкий голубой пакет из баула губернатору.

Привычным жестом, с добродушным выражением лица, Максutow взломал печати. В это время чахоточный телеграфист открыл крышку аппарата и сел на ключ. Электричество

тоненько звякнуло на контактах – связь работала устойчиво.

Максутов развернул лист, и глаза его побежали по белому полю. Он прочёл текст раз, другой... И вдруг, словно увянув, начал шарить рукой у бедра и сползать с кресла. Гаврилов испуганно подхватил губернатора под мышки и гаркнул Полупанову:

– Воды, ротмистр!

Телеграфист оказался расторопнее, он и влил в почерневшие губы вельможи жидкость из глиняной плошки. Максудов пришёл в себя, угрюмо занял прежнее положение:

– Я ведь мог вас сейчас запросто застрелить, господин Полупанов, кабы был при мундире с пистолетом... Вы уж простите старика, но для меня сей императорский указ равен приговору. Не мыслю жизни вне Аляски. Это же профанация: отдавать за бесценок сказочно богатый край!.. Впрочем – на всё монаршая воля. Телеграфист! Делайте своё дело. Добивайте старика-губернатора.

Ключ равнодушно застучал, телеграмма в Вашингтон шла при траурном молчании собравшихся. Наконец текст депеши ушёл по адресу. И через минуту завертелся обратный барабан с белой лентой.

«Максутову. Готовьтесь спуску Российского флага 18 октября сего 1867 года. Стекло», – прочёл телеграфист и подал ленту губернатору. Невидящим взглядом обведя комнату, Максудов прошептал: «...спуску Российского флага...». Добавив ещё что-то, он внезапно собрался и твёрдо заговорил:

– Сейчас конец мая. Сроку нам – четыре месяца. За это время надо собрать наших людей со всей Аляски, зафрахтовать суда для эвакуации. Господин Полупанов, вы можете следовать дальше в Вашингтон, а можете остаться тут в качестве моего чиновника по особым поручениям.

– Я остаюсь, – легко согласился офицер.

– Тогда сегодня же извольте отбыть на материковую часть и снять наших людей с промыслов по Юкону, Каюкуку, опе-

чатайте с полной описью склады и лабазы и всё это по акту передайте американской администрации. В вашем распоряжении парусник «Якут». Возьмите дюжину казаков – и действуйте. К концу сентября жду вас в Новоархангельске.

Г

И уже в этот же день штабс-ротмистр вновь качался на морской волне. Попутный южный ветер торопил корабль, казаки на палубе резались в кости. Африкан пришивал погоны на своём мундире: в канцелярии губернатора был к их приплытию приказ о производстве нижних чинов, в котором значилось, что «рядовой Африкан Мокеев Букатов производится чином в младшие урядники». По такому случаю разошедшимся за игрой служивым он выставил полужбан рому.

Константин Мефодьевич в каюте елозил с капитаном карандашами по карте. Капитан, вояка с обожжённой щекой, совсем недавно участвовал в обороне Петропавловска-на-Камчатке. Он говорил, указывая на устье Юкона:

– Дальше залива поднимусь всего версты на три. Осадка у «Якута» высокая, морская. А в конце августа ждать вас буду в заливе Коцебу (пусть земля будет пухом Отто Евстафьевичу).

Капитан перекрестился и понюхал табаку в расписной миниатюрной шкатулке моржовой кости.

Полупанов согласно кивнул головой. А про себя прикинул, что управиться в три месяца с эвакуацией территории, равной Франции, Англии и Испании вместе взятым, будет ой как непросто! Но капитану сказал:

– На том спасибо. Главное – в срок будьте в условленном месте.

...К Юкону поднимались несколько дней. На всём побережье бушевала зелень. Громадный безлюдный край проплывал за бортом. В проливе у острова Унимак увидели грандиозный лесной пожар. На берегу у кромки воды суетились алеуты, призывно махали руками. Но корабль к берегу

не пристал: забрать всех погорельцев было невозможно, да и время торопило.

Из-за недостатка времени решили выходить на берег у первой же русской фактории, в заливе у устья реки Кускоккуим. Начальник фактории, пехотный капитан Устинов, принял радушно, но разразился страшным матом, когда узнал причину экспедиции Полупанова. Он наотрез отказался дать ей коней для поездки вглубь материка:

– Бери собак! – зло сказал капитан и захлопнул за собой дверь конторы. Через десять минут из окошка её вылетела пустая бутылка, а за нею и хриплая песня:

– Нынче времечко военно,
От покоя удаленно,
С предводителем таким
Воевать всегда хотим!

Старый вояка глушил в вине державное предательство. И уже у следующей фактории, в ста двадцати верстах по реке, Полупанов получил коней. И повозки. И началось печальнее продвижение по краю. Весть о продаже Аляски повсюду воспринималась враждебно. Колонисты снимались с обжитых мест и направлялись в путь, в залив Коцебу, к вместительному «Якуту».

В самом сердце Аляскинского хребта Полупанов и Африкан отклонились от маршрута каравана и подались прямо на север. Еле приметная тропка была столь непригодна для движения, что коней целыми верстами приходилось вести в поводу. Офицер махнул рукой на карту и ориентировался лишь по вершинам сопок. Он ни разу не ходил этой дорогой, но по рассказам того, к кому теперь торопился, узнавал путь.

Через сутки миновали окружённый островерхими лиственницами форт Николаевский. Всполохнутые известием Полупанова николаевцы тоже начали собираться к исходу.

Ещё несколько суток двигались офицер и денщик и наконец вышли на берег студёной, до синевы прозрачной реки.

Она была столь чиста, что в воде легко различались крупные рыбины, стоящие под камнями, мерцали загадочные блёстки. Всего десяток шагов сделал по её каменистому дну Африкан, и выхватил крупный золотой самородок. Солдат было увлёкся, но офицер не велел. Путь ещё не закончен.

Ещё два дня пробирались через завалы и заломы и вышли к крошечному поселению из трёх рубленых изб, лабаза да часовенки. Посередине поляны, на высоченном шесте, едва шевелился российский флаг.

Громадный дымчатый пёс яростно кинулся на пришельцев. На лай из крайней избы вышел до бровей заросший дюжий дядька. Он приставил ладонь ко лбу и долго разглядывал всадников:

– Никак – Константин Мефодьевич? Да уймись ты, Каин, – свои ведь!

Каин виновато тявкнул и завертел хвостом. Хозяин обнял офицера, коротко кивнул денщику. Коней отвёл под навес. Гостей пропустил перед собой в избу.

Это была заимка, на которой уже почти двадцать лет жил земляк Полупанова, некогда бирюченский аптекарь Сазон Чернобровкин. Дворянин, умница, после смерти жены он отказался от света и ушёл в монахи. Десять лет скитался он от пустыни к пустыни, пока не оказался на Аляске. Знание фармакологии помогло ему оценить северные природные богатства, и Сазон окончательно осел здесь. На многие сотни верст. Как лекарь пользовал он больных, и за все эти годы так и не побывал в родных местах. Лишь шесть лет назад в Новоархангельске случайно встретился с земляком, тогда ещё корнетом Полупановым. Сазон к тому времени вернулся в свет и первым сообщил земляку, а заодно и губернатору, об истинном сокровище края – золоте.

И теперь, утоляя голод на новости, он забрасывал земляка вопросами, сокрушался печальным вестям. Потом перешли на новоархангельские дела, а Константин Мефодьевич всё

никак не решался вставить в разговор главное слово. И когда наконец произнёс: «Аляска продана», – Сазон споткнулся на половине своей фразы, покрутил косматой головой и упал на лавку.

– Так что, Сазон Евсеевич, собирайтесь с нами: корабль ждёт.

Сазон ничего не ответил и принялся угрюмо накрывать на стол. Помогала ему смуглая женщина, молчаливая и расторопная:

– Жена, – коротко пояснил Сазон. – В прошлом году напали на заимку индейцы. Ну, пожгли малость, пограбили. Меня подстрелили. Кинули в сарай, а ухаживать за мной её оставили, Павлинку. Конечно, у них её иначе величали, да я сам окрестил её, однако. И обвенчал с собой заодно. Сынок вот у нас, Павел. Спит в зыбке, пострел.

В этот день больше не разговаривали. Но утром, когда Константин Мефодьевич вышел на поляну размяться, к изумлению своему увидел на флагштоке звёздно-полосатый флаг.

– Быстро же ты веру сменил, – упрекнул он Сазона.

– Не веру, – сурово поправил земляк, – всего лишь флаг. Ну – куда я со своей Павлинкой? Она ведь до сих пор слова русского не заучила. А Павлуша?.. Выращу из него старателя, однако.

Делать на заимке было больше нечего. Когда уже оседлали коней, Сазон вынес шкуру изумительного голубого песца:

– Прими в память, Мефодьевич. Не поминайте меня лихом на Святой Руси. А я тут молиться стану за вас со всем вашим потомством.

Грустно было расставание. И весь путь до соединения с основной экспедицией Полупанов молчал. И утешением ему от случившегося был лишь голубой песец, которого офицер решил непременно подарить чудаковатому учителю естествознания.

Расшатанный и скрипучий «Якуть», перегруженный сверх всякой меры, 16 октября бросил якорь на виду у Новоархангельска. Обожжённый солнцем Полупанов поспел к сроку. Все, кто решили вернуться из колонии в Россию, были налицо. Ещё немалое количество судов прибывало в русскую столицу Аляски на вспомогательных судах.

Русский посланник в САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты – так тогда называлась страна) Эдуард Стекль радушно расцеловался с Полупановым:

– Верите ли – все очи проглядел, вас дожидаячись здесь, в Ситке.

– Где-где? – не понял Полупанов.

– А, – махнул рукой посланник, – это Новоархангельск так именуется на американский манер.

– Быстро они себя хозяевами почувствовали!

– Да уж, – согласился Стекль. – И гарнизон свой уже разместили в городе. Такое отребье, доложу я вам!.. И губернатора своего уже назначили. А послезавтра вступят в полное владение Аляской.

...И вот оно пришло – 18 октября 1867 года. У флаштока на городской площади лицом к лицу выстроились два гарнизона солдат. Невдалеке, на дощатом помосте, поддерживая под руку бледную принцессу Марию, стоит русский губернатор Максутов. Рядом в кресле, пыхтя сигарой, ерзает новый американский губернатор. Прочувствованно, со слезой, речь держит государственный секретарь САСШ Вильям Стюард:

– Перед лицом истории я говорю: Аляска попала в хорошие руки. И смею надеяться, что продажа её Россией не осложнит, а лишь укрепит отношения между двумя великими мировыми державами. И сейчас, в эту историческую минуту, я говорю доброе слово человеку, преуспевшему в этой операции. Этот человек – посланник Российского императора Эдуард Стекль. Сенкью, мистер Стекль! Спасибо за Аляску!

Грохнули русские пушки. Начальник Новоархангельского

гарнизона подошёл к мачте и потянул шнур. Дрогнув, трёхцветный флаг медленно поплыл вниз. Соборный хор начал торжественное пение. Солдаты опустили на колено и сняли головные уборы.

Миг – и стройный, чуть развязный начальник американского гарнизона Ситки взметнул в небо звездно-полосатое полотнище. Винчестеры американских солдат трижды кашлянули салютом.

Максутов смахнул слезу и открыл крышку карманных часов.

Часы стояли.

Россияне потянулись к пристани. Но уже через пару минут американские военные начали в открытую грабить их багаж. Русские схватились за ружья. И тогда новый губернатор Аляски выплюнул сигару:

– Пусть убираются без помех, – велел он адъютанту, и тот не без труда установил порядок. Погрузка на суда прошла относительно спокойно. И долго ещё не пожелавшие возвращаться на Родину русские махали с берега платками во след уходящим на запад судам под Андреевскими флагами.

На пароходе «Предприятие» возвращались в Петербург Стекло и Полупанов. Посланник, сложивший свои полномочия в Вашингтоне, спешил за новым назначением. Своему бывшему помощнику он теперь говорил:

– Вы ещё молоды, Константин Мефодьевич, и ожидает вас блестящее будущее. Аттестацию я представлю. А пока заедьте в отпуск, к бабушке – отпуск вы вполне заслужили.

Они стояли на верхней палубе и смотрели на спокойное море – редкий каприз погоды для этого времени года. А внизу, прямо под ними, из иллюминатора доносилась песня:

– С предводителем таким,

Воевать всегда хотим.

За его добры дела

Прокричим ему «Ура!».

Это пьяный капитан Устинов заливал горе. И летела из иллюминатора в океан очередная бутылка из-под виски с пёстрой американской наклейкой.

Д

Лопались на яблонях почки, сады вспыхивали жизнеутверждающим весенним светом. Согбенный батюшка угрюмо встретил у крыльца бричку с сыном, молча впереди него прошёл в кабинет. Сын недоумённо уставился на отца:

– Или ты не рад мне, батюшка?

Старый барин молча сунул руку в ящик бюро и достал затёртую газету:

– Читай, – сунул в руки.

Константин Мефодьевич развернул ещё прошлогодний номер «Воронежских губернских ведомостей»: «Богатейшая провинция Аляска продана Северо-Американским Штатам за символическую цену. К сему прискорбному акту причастен немец, посланник, действительный статский советник Стекло. Бумаги о продаже Аляски доставлены были в Новоархангельск ротмистром Константином Полупановым. Губернатор Аляски Максудов обратился к Е. И. В. с жалобой на самовольные действия и происки Стекла, проводшего эту сделку в обход царского двора. Будем молить Бога, чтобы Государь не оставил святую российскую землю на поругание».

– И что из этого? – не понял Константин Мефодьевич.

– А то! – взвился отец и выхватил газету. – Мне теперь от позора носу высунуть нельзя. Со мной соседи не здороваются! И имение своё я уже продал княгине Юсуповой – съедем с матушкой в Курск, к твоему старшему брату. Он пока родиной не торгует. И тебе совету сей же час отправляться восвояси.

Сунулась было мать защитить сына, но старый барин так прищипнул на неё, что Ольга Петровна поспешно скрылась.

Константин Мефодьевич со злостью впрыгнул в бричку:
– Гони в уезд! – велел Африкану.

И надо же было случиться, что угодил как раз на заседание городской думы! И едва лишь ротмистр вошёл в залу и поприветствовал гласных, как те гуськом потянулись мимо него к выходу. Земляки не признавали Константина Мефодьевича за своего! Офицер попытался было объяснить с городским головой, но тот лишь сомкнул пухлые руки за спиной и поспешил скрыться.

Удивил и учитель Ельчанинов. Сухо поздоровавшись с ротмистром, он отказался принять шкуру песца. Дескать, у них уже есть чучело из Сибири, ничуть не хуже.

Константин Мефодьевич махнул на всё рукой и зашагал по улице, перекинув песца через плечо. Шёл он, не зная куда, и скоро оказался у городского собора. На крыльце храма дремал нищий Филька-вещун. При виде офицера он шевельнулся и заверещал на всю площадь:

– Будь ты проклят, Каин! Да падёт гнев Господень на твоё волосатое темя!

Константин Мефодьевич молча накинул на плечи нищего своего великолепного песца и ступил под своды храма. Молился истово и долго и отбыл в столицу, так не заглянув больше к родителям.

Уже ближе к вечеру Африкан обернулся с козел к барину и с сожалением сказал, не глядя потянув коней кнутом:

– А зря я, вашбродь, не остался на заимке у того медведя Сазона Чернобровкина!

«Я тоже зря не остался» – подумал офицер и задремал.

– Но, милыя! – гаркнул Африкан. Кони припустили, оставляя позади вёрсты необозримой империи, ещё недавно чуть не опоясывавшей мир.

ОХОТНИКИ ЗА ЦЕППЕЛИНАМИ

Первый свой сентябрьский урок в 1914 учитель естествознания Захар Платонович Ряполов начал с демонстрации огромной карты Российской империи. Стриженная паства Подсереденского начального училища внимательно следила за кончиком указки, которой остробородый щеголеватый учитель водил вдоль линии фронта:

– Германия и Австро-Венгрия уже потеснены на некоторых участках. Дивизии генерала Самсонова громят их сейчас в Восточной Пруссии. (В село ещё не пришли газеты с вестью о катастрофе Самсонова под Сольдау). Высок боевой дух царских войск, которые обязательно добьются победы над супостатом, И ваши отцы и братья под знаменами нашей армии непременно сокрушат германцев и австрияков.

– Господин учитель, – подал голос Ванюшка Литовкин. – Вы-то почему не на фронте?

Учитель опустил указку, на минуту задумался. Как объяснить этому десятилетнему мальцу, почему его отец, Степан Афанасьевич, в первый же день войны получил повестку, а он, здоровый сорокалетний мужчина, остался дома? Объяснения, что его возраст не подлежит призыву, тут вряд ли уместны...

– Видишь ли, Ваня, – сказал учитель. – Я своё отвоевал в японскую кампанию, в Манжурии. Твой отец ведь в то время был дома?

Мальчик согласно кивнул. Но чувствовал учитель, что его слова мало кого убедили в классе. И тогда он взялся за эту тему с другой стороны.

– Сегодняшняя русская армия, – заговорил учитель, опустившись на стул, – совсем не та, что была ещё девять лет назад. Сегодня у нас есть целые боевые части аэропланов, громадные морские крепости – дредноуты, подводные лод-

ки. Поэтому нынешняя война – это война техники, в которой люди лишь управляют умными машинами. И вот я, ваш учитель, хоть и не нахожусь нынче на фронте, но сделал уже многое для победы. Вы спросите – как это? И я отвечу, что до того как стать учителем, я проработал на Русско-Балтийском заводе, где собирают боевые аэропланы, и ещё учился в городе Севастополе на боевого пилота. И хоть воевать в небе мне не пришлось, но я, можно сказать, тоже участвовал в обеспечении армии самолётами. И если государь призовет, то я вновь вернусь на службу. Однако надеюсь, что война закончится раньше, чем возникнет необходимость в призыве на фронт моего, 1874 года рождения, резервистов...

Но напрасными оказались надежды учителя. В апреле 1916 года Бирюченский воинский начальник вызвал его в призывную комиссию. Подполковник Троицкий, высоченный военный с пышными бакенбардами, показал Захару Платоновичу телеграмму:

– Извольте видеть, распоряжением шефа русской авиации, великого князя Александра Михайловича, вы подлежите призыву на фронт с одновременным присвоением вам чина вольноопределяющегося. Поэтому я не буду записывать вас в эшелон новобранцев, а рекомендую самостоятельно отбыть в Севастополь, в лётную школу. Там формируется ваша часть. С Богом, господин вольноопределяющийся.

Через час в цейхгаузе Захар Платонович получил солдатскую форму с нашивками, отличающими её носителя от рядовых, а вахмистр цейхгауза прогудел:

– Господин вольноопределяющийся, вашему чину не положено иметь бороды и усов. Извольте к цирюльнику...

Так и отбыл Захар Платонович Ряполов к месту назначения бритым, в солдатской форме. Уже в вагоне, закрывшись в теплушке проводника, подгонял под свою фигуру гимнастёрку и брюки. На вокзале в Севастополе из вагона уже вышел аккуратный военный. Взяв извозчика, попросил отвезти

себя в Мамашанскую долину, на речку Кача, где располагался учебный аэродром.

Полковник Стоматьев, начальник школы, принял сухо. Но когда узнал, что вольноопределяющийся Ряполов имеет диплом пилота-авиатора Императорского авиаклуба, то расплылся в улыбке:

– Голубчик, это же совсем другое дело! Сейчас я вас познакомлю со штабс-капитаном Евграфом Николаевичем Крутением. Знаете его?.. Ну, тем более! Так вот, Евграф Николаевич уже сбил на фронте четыре немецких аэроплана, а сейчас набирает экипаж для воздушной крепости – самолёта «Илья Муромец». Вам, право, повезло, вольноопределяющийся!

Штабс-капитан Крутень с прищуром осмотрел Захара Платоновича, потом достал записную книжку, полистал её:

– Старший урядник Ряполов?.. Это с вами, батенька, в 1909 году мы едва не столкнулись над Финским заливом? Вы ещё летели на «моране»? Ух, и зол же я был на вас... Впрочем, мы тогда сделали неверный разворот через крыло, и я уж грешным делом считал, что такой пилот долго не пролетает. Рад, что ошибся.

Крутень подобрал в экипаж «Ильи Муромца» ещё шестерых молодых расторопных парней. Правда, летать до того им не приходилось.

– Не беда, – успокаивал их офицер, – ваше дело уметь стрелять да метать бомбы. Самолётом будем управлять мы с вольноопределяющимися.

С сим и отбыли на фронт. Летели на новеньком четырёхмоторном самолете. Оба лётчика знали, что в мире ещё нет подобных крылатых машин, способных поднять на борт до 90 килограммов взрывчатки. Устойчивая и в меру комфортабельная машина оторвалась от лётного поля училища 2 мая, и уже вечером опустилась на поле киевского аэроклуба. Здесь располагался штаб великого князя Александра Михайловича и формировались лётные команды. Два дня «Илья Муромец»

Крутеня простоял на запасной полосе. Пилот и штурман Ряполов в город не ушли, время праздну не проводили. Изучали машину, проверяли её, делали замечания техникам аэроклуба. Те в сотый раз отвечали Крутеню:

– И это уже подтянули, ваше благородие... И лонжероны проверили... Так точно, и растяжки отрегулировали!

Вечером 4 мая лётный состав собрали в помещении аэроклуба. Сам великий князь, видный красивый мужчина в полевой форме, знакомил пилотов с фронтовой обстановкой.

– Войска измотаны позиционной войной, – приятным баритоном гудел он, – но летом фронт двинется. Пока это, естественно, не подлежит огласке, но чтобы провести подготовку к наступлению в тайне, мы должны нейтрализовать разведку противника. И если её лазутчиками на земле занимается главный штаб, то воздушные шпионы – целиком на нашей совести. И здесь особую роль мы отводим самолётам типа «Илья Муромец» и «Русский витязь». Их командиров я попрошу остаться после общего собрания офицеров.

И спустя час, когда пилоты истребительных машин ушли, великий князь продолжил для оставшихся:

– В целях разведки противник использует дирижабли типа «Цеппелин». Это циклопические сооружения, представляющие из себя начинённую водородом сигарообразную оболочку и подвесную вместительную кабину с двигателем. В воздухе дирижабль, в силу его предельного оснащения пулемётами, практически неуязвим. И с земли мы пока не можем с ним эффективно бороться из-за отсутствия орудий вертикального обстрела. Поэтому вся надежда – на авиацию. Сразу скажу, что государь император обещал каждый уничтоженный цеппелин отмечать орденами для господ офицеров и Георгиевскими крестами для нижних чинов. Словом, вы и будете заниматься охотой за дирижаблями. А теперь, господа, потрудитесь выслушать приказ о вашей росписи по армиям и корпусам.

* * *

12 мая 1916 года «Илья Муромец» штабс-капитана Крутеня приземлился на лётном поле аэродрома под Черновцами. Коноводы подвели битюгов, чтобы отбуксировать самолёт к месту стоянки, и тут Ряполов окликнул высокого светлоголого урядника:

– Никак Степан Афанасьевич?! Да не отмахивайся ты – это действительно я – учитель Ряполов. Ты что, служишь тут?

Вместо ответа Степан Литовкин крепко пожал Ряполову руку, распустил кисет. Когда закурили, сказал:

– Я тут аэродромной конюшней командую. Десять человек в подчинении да сорок лошадей. Вчера ночью обстреляли нас с дирижабля, двух битюгов покалечили, да аэроплан спалили.

– Ночью? – удивился Ряполов. – А как же они видят?

– Прожекторами светят. И ведь повадились, подлецы: как полночь, так тут как тут. Сейчас, чуete – ветерок с запада тянет? Так они идут без шума, двигателей не запускают. Небось, и нынче прилетят.

С новостью этой Ряполов сразу же поделился с командиром. Тот призадумался.

– Ночью мы летать, увы, не можем. Так что выкиньте из головы, вольноопределяющийся, самое эту мысль. А самолёт надо увести с поля и получше замаскировать. Сами же поподробнее узнаем, где у немцев стоят их причальные мачты и разгромим дирижабли днём в ближайшее время. Такой мой приказ, и я от него не отступлюсь.

* * *

Но отступиться Крутеню пришлось. Уже вечером этого же дня он вызвал к себе в палатку Ряполова. На удивление вольноопределяющегося штабс-капитан говорил тщательно пакуя свой чемодан:

– Вот – уезжаю немедленно в Москву для тренировок на новых аппаратах-истребителях. Вместе с прапорщиком Ар-

цеуловым получили такой приказ. Знаете Константина Константиновича?.. Ну, ничего, ещё узнаете. Да, «Илью Муромца» оставляю на вас. Полетайте с недельку осторожненько, попривыкните к аппарату. Я уже попросил начальника штаба не давать вам пока боевых заданий. Помню ведь, что у вас разворот через крыло неважно выходит... Ну, давайте на прощанье поднимем стаканы!

* * *

Так, в одночасье из штурмана вольноопределяющийся Ряполов оказался пилотом. Выйдя от Крутеня, он распорядился укатить самолёт с лётного поля под сень небольшой рощицы. Потом в свою палатку пригласил Степана Литовкина. Тот явился, неся за пазухой ясно выпирающую бутылку:

– Вообще-то хмельное у нас запрещено, – улыбнулся он, – ну да тут удочки взял, айда на Прут, там во-от такие лещи водятся! Посидим, да ещё ужин неплохой состряпаем.

По тому, какие у Степана Афанасьевича были снасти, в нём сразу угадывался испытанный рыболов. Дома, на Тихой Сосне, он имел свою лодку, привязанную в Малобыково у свояка в огороде. Закидушки, верши, саки да удилица с крутушками – всё это он имел и здесь. Теперь Степан нёс на плече два длиннющих удилица, на леске каждой поблёскивали по целой гирлянде крючков.

На подходе к реке остановились, пропуская колонну забайкальских казаков. Те гарцевали, в такт приподнимаясь в сёдлах, и лихо пели, разом втыкая в небо кончики пик. Высокий тенор-запевала петухом выводил:

– Речка наша быстрая
Текла-текла, текла,
Всё шире разливалась,
Как матушка Москва.

Тут же вся колонна рвала припевом воздух:

– Ура-ура-ура,
Полк песенку поёт,
Через речку быструю
Вновь конница плывёт!

Пыль густо висела над казачьими сотнями, делая их пёстрые значки и вымпелы на пиках совершенно серыми.

Колонна прошла, оставив на большаке кучи дымящегося конского навоза. Но ещё долго в зыбком предзакатном небе звенел голос запевалы:

– А рядом Анка-Анечка
Весёлая была,
Всю роту рассмешила,
Наутро умерла!

Степан Афанасьевич вновь кинул на плечи удочки, которые во время прохождения казаков держал у ноги, и только сказал:

– Сила-а-а...

–Ура-ура-ура,
Полк песенку поёт,
Через речку быструю
Вновь конница плывёт!

Словно подтверждая слова урядника, мощно донеслось от ушедшего войска.

...А потом они сидели у костра, пили можжевеловую настойку и вспоминали, вспоминали, вспоминали... Стемнело.

– Ванюшка мой будет голова, – твердил Степан Афанасьевич. – Колёса такие соорудил, что верхом на них ездит. Лиса-

пед, твердит, называется. А чего ж вы так поздно женились, Захар Платонович?

– Судьба, брат: то служба, то учёба – всё было недосуг. А теперь вот супругу оставил беременной. Условились: коли что со мной случится, то сына Филиппом назовёт. В честь деда – гренадёра генерала Гурко. Был такой на Балканской войне.

И тут оба разом увидели, как с неба, вытекая из яркой точки, словно световая спица, в землю упёрлась яркая полоса.

— Цеппелин, — почему-то шепотом сказал Степан и тут же вскочил, словно подброшенный недалёким взрывом. Дирижабль начал бомбить лётное поле. И пока урядник и вольноопределяющийся добежали до палаток аэродрома, луч прожектора погас, унеся тёмный небесный силуэт в сторону. А на поле горели два «нююпора», только накануне полученные в часть.

* * *

Утром вольноопределяющийся Ряполов был в палатке начальника штаба. Моложавый полковник пригласил его сесть, предложил стакан чаю:

– Штабс-капитан Крутень просил подержать вас недельку в резерве, чтобы вы привыкли к аппарату и небу. Но у меня, Захар Платонович, этой недели нету. Если мы не разгромим этот чёртов дирижабль, то нам будет скоро вообще не на чем летать. База нашего цеппелина расположена под Раховом, извольте взглянуть на карту. Каждый день наши авиаторы пытаются прорваться туда, но у австрийцев сильна зенитная артиллерия. Мало того, что мы теряем аэропланы от пиратских ночных набегов, ещё и днём гибнут лётчики на подступах к их лётному полю. Единственная возможность снять этого мерзавца с неба – подстеречь его на выходе из зоны обстрела их зениток, ведь цеппелин используется и в дневных операциях. Посему, господин вольноопределяющийся, сейчас же

снимите с самолёта всё лишнее, загрузите его канистрами с бензином и барражируйте по линии Сучава–Сторожинец–Коломыя. Учтите, что на пулемётный выстрел дирижабль вас не подпустит. Посему вооружитесь лёгкой пушкой и бейте его издали. К слову: на пилотской корзине нашего разбойника ясно читается надпись готикой «Фердинанд».

Самолёт заправили «под завязку». Напихали во все отсеки канистр с горючим, на переднюю открытую площадку установили лёгкую пехотную пушку. Штурмана у Ряполова не было, и из всего экипажа он один мог вести самолёт. Стрелки заняли свои места, техники ушли к моторам.

Взлетели. Самолёт «Илья Муромец» был совершенно уникальной конструкцией. Гигантская фанерная птица-биплан выглядела чем-то вроде летающего барака. Громадные размеры позволяли ходить по нему, как по казарме, а перед пилотской кабиной была открытая площадка, с которой широко открывались окрестности. Это был настоящий небесный грузовик. Но его внешняя неуклюжесть являлась обманчивой. Конструктор Игорь Иванович Сикорский создал его именно как боевую машину, многоцелевой аэроплан, небесный танк. Истребитель мог взять «Илью Муромца» разве что тараном, и зенитки, даже пробив плоскости, не выводили самолёт из боя: на своих громадных крыльях он легко планировал.

Но самолёт вольноопределяющегося Ряполова, начинённый горючим, был легко уязвим. Ведь достаточно одной пули в канистру, и последствия не надо предугадывать. Поэтому командир велел всем членам экипажа постоянно вертеть головами: не прозевать австрийских самолётов.

...Летели. Земля легко проворачивалась под аэропланом, горбясь у горизонта цепью Карпат. У Коломыи повернули на юг, поплыли к Сторожинцу. Внизу, словно серные головки, брошенные на горячую плиту, вспыхивали снарядные разрывы. У дубового леса лагерем стояла вчерашняя казачья дивизия, а её разъезды виднелись в разных местах впереди

русских окопов... У Сучавы легли на правое крыло, вновь лова стрелкой компаса север.

Дирижабль увидели внезапно. Крупная голубая сигара, почти слившись с небом, скользила в сторону Черновиц. Возможно, наши авиаторы и не заметили бы небесного пловца, если бы дирижабль не начал стрелять первым. Троссирующая нить крупнокалиберного пулемёта запульсировала у самого носа самолёта, потом, сделав круг, ткнулась в обшивку хвостового оперения. Оттуда потянуло дымком, пилот бросил машину вниз, и тут же стрелки аэроплана в два пулемёта застрочили в сторону дирижабля. Но тот поспешно уходил, сияя на солнце блестящим диском пропеллера. «Илья Муромец» лёг на курс следом за цеппелином, но дирижабль открыл столь плотный огонь, что самолёт пришлось придержать. Тогда ударила пушка «Ильи Муромца». Попасть в воздушного пирата, увы, не удалось. Дирижабль ушёл за линию фронта и оставил о себе на память лишь название. «Нахтигаль» – выведено было белой краской на его синей кабине. Это был не тот аппарат.

...А ночью вновь пожаловал «Фердинанд». По нему палили из винтовок и пистолетов, пытались повернуть жерлом кверху мортиру. Но дирижабль ушёл, повредив продовольственный склад и в щепки разнеся блок дощатых отхожих мест. Остатки ночи солдаты тушили огонь, кривясь от тяжёлого духа, шедшего от развороченных ям.

В десятом часу утра вестовой принёс сообщение в штаб авиаотряда о том, что минувшей ночью австрийский дирижабль разбомбил на станции санитарный состав и выбросил баллоны с газом зарин. Погибли несколько сотен человек. Ряполов узнал обо всём этом, со злостью садясь в пилотское кресло перед патрулированием на прежнем маршруте.

«Илья Муромец» улетел. Но если бы командир авиаотряда подполковник Терещенко мог проследить за его дальнейшим маршрутом, то мало что понял бы. Потому что аэроплан

через полчаса после взлёта опустился на выгоне у селения Залешики. Пилот развернул машину точно против ветра и выключил мотор.

– Отдыхай, ребята! – велел Ряполов экипажу, а сам достал карту-двухвёрстку. И начал буквально ползать по ней карандашом, стараясь накрепко запомнить наземные ориентиры. Особенно внимательно Захар Платонович изучал подступы к своему аэродрому. Ведь то, что он задумал, не допускало вероятность ошибки.

И поднял он воздушный корабль в небо уже в сумерки. Он понимал, что подполковник Терещенко уже очень волнуется, ведь по прикидкам подполковника, горячее в самолёте давно кончилось...

Солнце уже упало за Карпаты, затемнённые сёла и фольварки просматривались внизу тёмными пятнами. «Илья Муромец» медленно плыл над Прутом в надежде увидеть в небе «Фердинанда».

* * *

А по взлётной полосе аэродрома нервно прохаживался подполковник Терещенко, бессмысленно поглядывая на циферблат наручных часов. Он уже раскаивался что, вопреки воле Крутеня, доверил боевой самолёт необстрелянному «вольноперу». Наверняка сбили его, иначе бы давно вернулся.

И тут внимание подполковника привлекла солдатская тень с громадным мешком на спине. Тень кралась по кромке лётного поля к рулётной дорожке.

– Стоять! – рявкнул подполковник, и тень уронила мешок. Подполковник несколькими прыжками нагнал тёмного незнакомца и схватил его за гимнастерку:

– Стоять, шельма, а то застрелю!

И когда запыхавшийся офицер поставил солдата «во фунт», тот чётко произнёс:

– Извиняюсь, ваше высокоблагородие, но я исполняю приказ вольноопределяющегося Ряполова!

– Кто таков, шельма?!

– Старший урядник Литовкин! По приказу вольноопределяющегося Ряполова велено сразу после пролёта австрийского дирижабля разложить на земле знак «Г» из простыней, чтобы аэроплан мог сесть.

– Так значит... Ряполов решил дожидаться в небе дирижабля?

– Так точно, ваше высокоблагородие!

Подполковник застегнул кобуру и несколько раз прошёлся мимо солдата. Потом велел:

– Выполнять приказание пилота. Но пока дирижабля нет – шагом марш в палатку!

Подполковник перекипел в душе, пока прохаживался вдоль полосы. Теперь он одобрял поступок «вольнопера». Ведь сам отдать приказ на его ночной вылет подполковник не мог, а сбить дирижабль днём – пустая затея.

И ещё подполковник сразу понял, что воздушный бой произойти может только над лётным полем, ведь именно здесь дирижабль обнаруживает себя, включая прожекторы. Значит, с минуты на минуту в небе разыграется трагедия.

И впрямь, он уже различал вдалеке ровное гудение моторов «Ильи Муромца». Словно невидимый гигантский шмель летал где-то в округе, не приближаясь, впрочем, к аэродрому. «Соображает, что близко подлетать нельзя, иначе «Фердинанд» услышит!» – отметил про себя Терещенко.

* * *

Коротка майская ночь. Уже занималась заря на востоке, но ещё не погасла на западе. Вот на всё тускнеющем фоне и заметил Ряполов хищное тело «Фердинанда». Из-за безветрия сегодня тот довольно быстро шёл на двигателях, держа курс на русский аэродром. Впрыснув своим моторам большую дозу бензина, Ряполов резко двинул самолёт навстречу дирижаблю. Бить решил наверняка: с самой короткой дистанции.

А цеппелин, надвинувшись на город, заглушил моторы. К аэродрому он подходил по инерции. Вскоре его яркий луч за-

танцевал по земле, освещая лежащие на земле кресты аэропланов, крыши конюшни, купола палаток. Но, видимо на дирижабле услышали рёв шумящих самолётных моторов, потому что слепящий столб света метнулся по небу и стал резать его в разных направлениях. «Илья Муромец» был уже в сотне метров, когда резкий свет прожектора ударил в глаза пилоту, ослепил его стрелков.

– Огонь! – отчаянно крикнул пилот, и самолёт начал вытряхивать из себя по светящемуся лучу прожектора содержимое пулемётных магазинов. Прикрывая глаза рукой, артиллерист на носу дёрнул шнур орудия и упал рядом.

И в тот же миг, делая тусклым даже свет прожектора, в небе вспыхнул огромный огненный факел. Мощно вспучившись, горящая начинка дирижабля осветила реку, лес, недалёкий город, лётное поле и мечущихся по нему людей. Но за миг до взрыва цеппелин успел пустить по лучу прожектора несколько очередей, сразив артиллериста у пушки и угодив двумя пулями в грудь пилота. Ряполова отбросило на спинку кресла, он на миг потерял сознание. Лишь безотчётным усилием воли удержал штурвал, не дав самолёту завалиться на крыло. Он глянул вниз, и в отсвете летящих на землю пламенеющих частей дирижабля увидел, как шустрые солдатские фигурки растягивают на полосе громадной буквой «Т» белые полотнища. «Не подвёл, земляк, сделал, как надо!» – улыбнулся сквозь силу Ряполов, заводя самолёт с одним горящим двигателем на посадочную полосу. Самолёт коснулся земли, побежал, наматывая на колёса простыни, и остановился, завалившись левой стороной в воронку из-под разлетевшейся тут тремя минутами раньше вдребезги корзины дирижабля. Потерявшего ещё раз сознание пилота извлекли из кабины, едва разжав на штурвале его закостеневшие пальцы. Он не видел, как затушили мотор, как сняли с пушки мёртвого артиллериста, не чувствовал, как подполковник Терещенко поцеловал его в лоб, сказав:

– Спасибо, герой...

А потом урядник Степан Литовкин гнал двуколку с лучшими своими жеребцами в город, где целую ночь не отходил от хирургической палаты в госпитале. И заснул тут же, у двери, лишь пожилой фельдшер в халате с красными пятнами сказал ему:

– Кризис миновал, выживет.

* * *

Французский журнал «Аэрофиль», июль 1916 года. «Нам телеграфируют из Петрограда, что русский авиатор Ряполов уничтожил ещё один дирижабль австрийских войск. Это не вызывало бы интереса, если бы не шла речь о ночном бое. Сомнителен факт использования тяжёлого русского аэроплана «Илья Муромец» в тёмное время суток. Если же эта телеграмма верна, то фамилия русского лётчика прапорщика Ряполова достойна быть поставленной в ряд лучших авиаторов Антанты».

Эту заметку уже в сентябре в харьковском госпитале дал Ряполову нашедший его Крутень. Тепло обняв, Евграф Николаевич признал, что был неправ, усомнившись в лётных способностях Ряполова.

– Кстати! – Крутень раскрыл чемодан, достал плоскую голубую коробочку: — По поручению великого князя Александра Михайловича я передаю вам крест Святого Георгия IV степени. Награда солдатская, потому что вы в момент совершения подвига ещё не были представлены к офицерскому чину. Примите, Захар Платонович, заслужили.

Врачебная комиссия уже в октябре начисто списала прапорщика Ряполова с военной службы. Через неделю он, исхудалый и постаревший, появился на окраине Подсереднего. Стоял бесснежный морозный день. Захар Платонович шёл от дома к дому, здоровался со встречными сельчанами, де-

лился с мужиками папиросами. И уже почти у школьного порога его настиг непонятный деревянный стук. Захар Платонович обернулся и увидел мальчугана в валенках и зипуне, который лихо катил на деревянном самокате, ловко объезжая мёрзлые кочки.

– Ваня Литовкин? – угадал учитель.

– Он самый! – лихо ответил наездник. Остановившись рядом, утёр нос рукавом зипуна и спросил:

– Батьку на войне не видели, господин учитель?.. Он у генерала Брусилова воевал, да вот с июня не пишет нам с маманей.

Но Степан Афанасьевич Литовкин так и не вернулся с войны. И сам Захар Платонович прожил на пенсии всего несколько месяцев – умер от туберкулеза в марте следующего, 1917 года. Его жена с маленьким сыном Филиппом уехала куда-то к родственникам, и нахлынувшие революционные события стёрли из сознания земляков память о Георгиевском кавалере – замечательном русском авиаторе Захаре Ряполове. Старики говорят, что ещё в пятидесятые годы прошлого века на сельском кладбище можно было найти его могилу.

ВОЙНА С ПОЛИКАНИЕЙ

*Я родился.
ан, глядь, – а кругом-то планета
чужая...
Я невольно влеком
по законам
кривых перспектив.
Не желавший отведать искусств
ни ада, ни рая,
Сразу
в то и другое
На вашей Земле
угодил...*

Из «Моления» Даниила Заточника

1

Будильник резко вспорол сознание. Ещё не раскрыв глаз и морщась, Президент нашарил рукой на тумбочке кнопку механического петуха и оборвал болезненный звук. Мозг под остатками волос и капроновой сеточкой вокруг головы мягко шевельнулся, всколыхнув первую мысль. Мысль эта напомнила Президенту вчерашний вечер и поздний приём в его дворце. Слово «приём» отозвалось особой надсадной болью и памятью о далёкой юности, когда нынешний владыка шестой части мира дергал рычагами колхозного трактора и любил прикладываться к рюмке. Но тут же уже не просто мысль, а целая зрительная картинка расцвела под черепной коробкой и высветила громадный зал под ослепительными люстрами, элегантную публику. Посол Поликании держит тюльпанчик высокого фужера и горячо заверяет Президен-

та в дружбе и добрососедстве двух великих держав. «Наши общие успехи в космосе, – утверждает посол, – являются залог благополучия наших народов. Уверен, что общая космическая база на Марсе поможет обеим странам обеспечить потребность в рении и осмии, без которых совокупная военная мощь наших ядерных арсеналов может оказаться слабее, чем у противников из Соединённой Американской Коморры». Почти насильно влила в Президента порядочный фужер «на брудершафт» посол Изгонии София Раиль, настаивавшая на скорейшем узаконивании безвизового режима между двумя странами, негодница...

Собственно, ещё отходя ко сну и с трудом обводя осоловелыми глазами свою холостяцкую квартиру, Президент уже морщился от боли в голове. «Скверно, брат. Пора избавиться от плебейской привычки мешать пиво и бренди». Ему ещё хватил сил накрутить пружину механического будильника. Очень жаль, что боль не оставила и поутру. «Лечиться рюмкой не стану, анальгин пить не буду!» – решил Президент и открыл глаза. Он опустил ноги в полосатых брюках пижамы, пошарил правой ступней под кроватью. Тапочек не достал. Видимо, забились дальше, вглубь. Открыл глаза и увидел будильник на тумбочке.

Это был не его будильник. С тумбочки на Президента нагло паялилось мигающее электрическое табло. «Накручу коменданту за своеволие! Старый будильник поднимал меня с постели и в деревне, и в студенческие годы. И когда послом был в Американской Коморре – туда его тоже аккредитовал, как друга... Значит – пока я спал – ко мне входили без разрешения. «Бар-р-р-дак!»». Рука потянулась к круглой красной кнопке вызова коменданта на телефонном столике. Подушечка пальца почувствовала неладное уже по сопротивлению кнопки. Глянул мельком и ещё больше разозлился: кнопка за ночь из красной и круглой обернулась зелёной

и квадратной. Да и в комнате плавал еле обозначенный запах сигар, хотя Президент на полнотел не терпел табачного дыма... Что-то как-то не по резьбе, как говаривал некогда токарь дядя Мишуха в их тракторном отряде, начинался новый день у Президента. А если ещё учесть, что надо поделкатнее выпроводить из соседней спальни Сонечку Раиль...

Мягко уплыла в сторону створка двери и порог переступил адъютант. Он ещё не заговорил, лишь раскрыл на левой руке большую коричневую папку с документами, а у Президента от удивления едва не отвисла челюсть. Ещё вчера майор, ныне адъютант щеголял полковничьими погонами:

– Это каким же макаром, – осадил Президент офицера, – вы за ночь перескочили через воинское звание?

Невозмутимый адъютант из-под стопки документов в папке ловко извлёк самый нижний и развернул перед Президентом, строевым шагом подойдя к постели:

– Приказом Верховного Главнокомандующего от 17 января сего года за особое отличие мне присвоено внеочередное звание.

И впрямь – на приказе Президент увидел собственную подпись под гербовой печатью. «Совсем плохо. Провалы в памяти – это звоночек. Подленький, нехороший. Дальше нельзя пить ничего, крепче ряженки».

– Что там за ночь стряслось, докладывайте, майор.

Адъютант невозмутимо проглотил «майора» и буквально оглушил Президента:

– Ночью враг в очередной раз подверг бомбардировке город и морскую базу Югостополь. К счастью, Ваша супруга с детьми не пострадала, зона санаториев налётом не затронута.

– Ка-акая супруга! – подпрыгнул на краю кровати Президент и невольно проследил за направлением взгляда адъютанта. Тот нагло гонял на скулах желваки, вперив глаза в портрет на стене. «Вчера тут никакого портрета не было!». Нынче с цветной картинкой на Президента весело глядела...

Сонечка Раиль. К плечам её льнули два курчавых мальчугана. Но мысль о невесте откуда свалившейся за ночь жене с детьми уже подпирала другая, страшная:

– Мы что – воюем?!

– Осмелюсь напомнить, – офицер зашевелил в папке бумаги, ища теперь новые первоочередные (понял, что Президент пока плохо соображает), – наши войска второй месяц отражают нападение армии Поликании. Дело худо – занята значительная часть наших западных областей. Сегодня состоится решающее заседание Генштаба, назначенное вами на 10 часов. Машина уже у подъезда, Владимир Дмитриевич.

Адъютант оставил на прикроватном столике раскрытую папку и без разрешения вышел, беззвучно задвинув за собой створку двери. Забывший о головной боли, Президент в полтора прыжка пересёк комнату и влетел в соседнюю спальню. Аккуратно заправленная нетронутая кровать подсказала верную мысль: никто на ней нынешней ночью не спал.

– Бред, бред. Бред! Война с Поликанией – это самоубийство! Я ж не сумасшедший...

И тут внезапно Президент вспомнил, что нечто подобное с его сознанием уже случалось. Давно, ещё в бытность молодым колхозным трактористом, Володька Тропинин ночью пахал зябь. К утру выполнил две нормы и с рассветом, едва не засыпая на ходу от усталости, давал отчёт подъехавшему на мотоцикле нормировщику. Говорил, а по лицу мужчины видел, что говорит что-то не так. И впрямь – после отчёта нормировщик взял парня под руку и подвёл к кромке поля: «Ну и где, – спросил он, широко поводя рукой, – результат? Ты что – проспал всю ночь?». Володька глянул на только что возделанное им поле и ахнул: от края и до края оно щетинилось нетронутой стернёй. От ночной работы не осталось и следа. Нормировщик тогда постукал пальцем по топливному баку загнанного за ночь железного коня и многозначительно пообещал: «А за сворованную солярку заплатишь». Тогда

так и не понял тракторист, на каком же поле он вкалывал до ломоты в лопатках.

И вот теперь. Бумаги в папке были железно убедительны: страна Президента без его ведома находилась в состоянии войны с Поликанией. Сводки с фронтов, документы о снабжении войск, списки на награждение погибших офицеров и генералов, указ о внеплановой мобилизации. И нелепое требование министра сельского хозяйства о дополнительных объёмах семян и горючего для обеспечения сева в Брынской области. «Дур-рак! Область оккупирована, а он на другой планете живёт. Сместить его к чёртовой матери...». К президенту волнами возвращалась жизненная энергия, он привычным жестом поправил на запястье Браслет Управления Ядерным Арсеналом и пошёл в душ.

Через несколько минут Президент легко сбежал по ступенькам крыльца и сел на заднее сидение услужливо распахнутого перед ним длиннющего лимузина. Машина мягко заурчала и ужом выползла на проспект Мира.

2

Пожилой водитель Корнеевич был единственным близким человеком Президента. Они ехали по жизни вместе ещё с колхозного прошлого, и Президент не видел на месте личного шофёра никого другого. Когда устроился поудобнее на сиденье, почувствовал в ногах что-то лишнее. Глянул через крутое пузо: на полке из-под туфель выглядывали ночные тапочки. Чёрт знает почему они оказались в салоне, а не в спальне.

– Корнеич, ты сегодня на меня не удивляйся, если я ляпну чего-то невпопад. Скажи честно – мы воюем с Поликанией?

От неожиданности Корнеевич резко ударил по педалям: лимузин запнулся и шарахнулся в сторону. Водитель шумно отдышался и отёр взмокший лоб тыльной стороной ладони:

– Ну-у... это... Нельзя ж так шутить с утра. У меня в Поликании младшая внучка Дашенька на инструктора по альпинизму учится. Коза...

Он включил передачу и резко вклинился в дорожный поток. С тех пор, как высшие чиновники и сам Президент отказались от синих мигалок на крыше, в поведении Кореевича ничего не изменилось: он по-прежнему вёл себя хозяином на дороге. Не реагируя на отчаянные сигналы, он по встречной полосе обошёл гробоподобный внедорожник и занял крайнюю левую полосу:

– Я вот только у киоска читал главную газету Поликании «Глобэл», так они там на первой полосе твой портрет тиснули. И статейку при ней: «Наш добрый сосед отказывается от третьего президентского срока». Что ты! – водитель отёр правым боком наглый внедорожник, пытавшийся прорваться «поперёд батьки», как говорил в таких случаях Корнеевич, и продолжил: – Тебя, Володя, во всём мире уважают и хотят, чтобы ты подольше оставался нашим Президентом. А Поликания – наш первый друг, да куда ей воевать: без нашей нефти их королю на дрова перейти придётся. Что ты!

Президент потоптался по тапочкам и опять осторожно спросил:

– А... Югостополь разве не бомбили ночью?

Он не успел сказать последнее слово, как лимузин снова чуть не вышел из-под воли водителя. Мимо и слева от водителя чёрной молнией проскользнул навязчивый внедорожник. Корнеевич отёр новую порцию пота со лба и недоуменно повернулся к пассажиру:

– Я ж почти старик, нельзя со мной так. У меня ж в Югостополе вторая внучка, Юлечка, инструктором по альпинизму работает. Коза... Ничего с твоим Югостополем не случилось, весна там, люди работают и дурачатся. Вот получу отгулы – и сам рвану к морю и в горы.

Он вновь резко разогнал машину и скоро лимузин проскользнул через Боровицкие ворота Кремля. Президент лишь успел заметить, что часовыми нынче стоят вместо сержантов два армейских лейтенанта.

Корнеевич досадливо скривился, припарковав машину к заднему буферу чёрного внедорожника. Из наглой тёмной машины чёрным вороном выбрался сам Его святейшество Микула, Патриарх Всея Евразии. Президент подождал, пока сумрачные крылья одеяний первосвященника скроются за парадными дверьми, и пошёл следом. Патриарха гарант Конституции явно недолюбливал.

3

С первых же шагов по широкому ковру лестницы Дворца Президент почувствовал суровый дух воюющей столицы. Вчера ещё яркие светильники по стенам нынче были задрапированы в прозрачные зелёные колпаки. Прямо со стены между этажами на Президента уставился с портрета его двойник в парадной генеральской форме. Вчера ещё президент на портрете козырял шароварами и расшитой народной рубашкой. Через каждые десять ступенек лестницы справа и слева истуканами стояли караульные в лейтенантской полевой форме. Снаружи утробно и траурно донёсся звон башенных курантов: девять часов, начало нового трудового дня.

Часовой старший лейтенант (обычно тут стоял прапорщик) взял под козырёк и молча распахнул перед Президентом двери. Владимир Дмитриевич Тропинин вошёл в главный кабинет страны.

И сразу же понял, что верно оценить происходящее времени у него нет. Во всю длину гигантского полированного стола сидел полный армейский генералитет с министром обороны Маршалом Аникеевым («Вчера он ещё был генерал-полковником... Впрочем, они все за ночь «подросли» на

два воинских звания. С ума схожу, ёлки-метёлки! И Корнеич тоже надул меня, заботливый мой – воюем ведь!») Президент энергично сел на своё место и швырнул перед собой папку, полученную час назад от адъютанта.

– Ну-с, господа. С чего начнём?

Маршал Аникеев поднялся, тяжело отдуваясь и опершись на стол. Он сказал, пересиливая зажим давившей его астмы:

– Предлагаю провести армейскую операцию по вызволению с оккупированной территории вашей семьи, господин президент. Для этого на столичном аэродроме уже подготовлен транспортный самолёт с группой обеспечения операции. Об этом подробнее отчитается начальник оперативного отдела генштаба генерал-майор Кусков. («Это что за гусь? Батюшки – ещё недавно он был милицейским подполковником в моём родном райцентре! Это когда же я перетянул его в столицу, уголовного?») И пока Кусков вставал, Президент осадил его:

– Отставить операцию. Садитесь, э... подполковник. А я в первую очередь попрошу обрисовать оперативную обстановку на театре военных действий начальника генштаба генерал-лейтенанта Багринцева...

По тому, как по кабинету прошелестел недоумённый говорок, Президент понял, что сморозил какую-то глупость. И впрямь, поднявшийся на его слова военачальник совсем не походил на привычного главного генштабиста. За столом стояла, теребя в пальцах странички блокнота, военная женщина. В ней Президент с изумлением узнал вчерашнего губернатора Югостополя Мелентину Матфеус. Она нервно тронула высокую холёную причёску и проговорила низко, по-мужски:

– Начальник генштаба генерал армии Матфеус, с вашего позволения...

Она нервно пожевала губы и внезапно визгливо полупрокричала:

– Да бомбить их надо! Ядерными зарядами бомбить! Иначе завтра их передовые дивизии окажутся на окраинах столицы.

Через весь стол змейкой проскользнул её взгляд к запястью Президента с Браслетом Управления Ядерным Арсеналом. И все генералы проследили за этой змейкой. Мелентина Матфеус облизала враз пересохшие губы и замерла в ожидании отклика Президента.

– Неужели всё так плохо? – осторожно спросил Верховный Главнокомандующий.

Поднялся совсем уж незнакомый человек с погонами генерал-полковника, назвался Начальником Политуправления. Сказал, слегка заикаясь:

– Выр... выражу общ-щее мнение, если ск-кажу, что в-весь истеблишмент («любимое слово сказал без запинки!») х-хотел бы в-видеть в-в-вы-ас Пре-президентом тр-тр...тр- т...

– Третьего срока! – мужским голосом подсказала начальник Генштаба.

– Третьего срока, – без нажима закончил заика и добавил. – В-вот свежая газета П-поликации «Глобэл». Он-ни вас б-б-боятся! «Т-третий срок п-президента Троп-пинина – см-см-смерть для П-поликации!» – п-пишут они. Л-личный состав ар-армии уповае на яд-ядерный удар по врагу.

Генерал сел. Пока он заикался, Президент узнал в генерале вчерашнего начальника столичной канализации со странной фамилией Басалай. Повнимательнее присмотревшись, Президент с изумлением угадал в нынешнем генералитете вчерашних неудачников из разных государственных учреждений. Бездельники, взяточники, угодники. Неужели он сам утвердил их на хлебных должностях защитников отечества? Вот так провалы в памяти!

«Впрочем, если дела столь плохи, то ястребы станут настаивать на ядерном ударе. Но ведь Корнеич утверждает, что

никакой войны нет. И если я шмякну на Поликанию атомную бомбу, то в ответ получу такую же оплеуху. *Similia similibus curantur*, как говаривали латиняне». И Президент хотел подвести итог:

– У Поликании тоже есть ядерное оружие. Тут надо семь раз отмерить...

– Да к-к-когда м-мерить-то? – взвизгнул Басалай. – У нас выборы на н-носу! Вы х-хотите, чтоб-б-бы к-коммунисты с-сли-ли нас в к-канал-лизац-цию?!

– Лучше ядерный удар, и по противнику, и по воле избирателей, – добавила по-мужски Мелентина из Генштаба.

Но Президент веско ударил ладонью по столу:

– Решение принимаю я! И считаю, что такой удар преждевременен. Совещание закончено – разойтись!

Однако команда Верховного зависла в воздухе. Ни один из генералов даже не шевельнулся. Они враз словно забыли о Президенте, начали разговаривать между собой, всё больше распаясь и махая руками. Президент понял, что эти люди вопрос о ядерном ударе по Поликании уже решили положительно. Однако Браслет Управления оставался на запястье Гаранта, и Владимир Тропинин оставил кабинет с ульем гудящих в нём воинственных генералов. А сумасшествие своё он решил проверить у Власа Силуянова.

4

По дороге за город за спиной Корнеевича Президент впервые осознанно вернулся к воспоминанию, которого постоянно избегал. Дело в том, что Президент совсем не помнил, как он, собственно, сделался Президентом. Это был даже не провал в памяти – это было хуже. Для такого провала и места не было: 17 октября восемь лет назад Владимир Дмитриевич Тропинин на своём «седьмом» жигулёнке выехал по хуторской дороге в тракторный отряд, где работал бригадиром, а

приехал уже в Кремль на лимузине сразу Президентом ядерной державы. И выдвижение на пост, и предвыборная кампания – всё осталось за рамками сознания. Хотя позже он смотрел хронику, поднимал газеты и документы, и вся эта масса информации подтверждала, что на протяжении целого года он – Владимир Дмитриевич Тропинин – ходил по лезвию острого опасной выборной кампании. Вот повторные выборы он помнит почасово – тут уже осложнений не случилось: за четыре года бывший колхозный бригадир сумел сломать хребет самостоятельности всей оппозиции и слева, и справа. И безвольная эта масса привыкла жить на готовом – ей удобно оказалось жировать за спиной жёсткого Президента. И за это своё благополучие она готова даже развязать войну.

Словом – у Президента был теперь стопудовый повод навестить колдуна Власа Силуянова. С этим атеистическим волхвом Президента познакомил всё тот же Корнеевич. Однажды после особенно обильного кремлёвского приёма и сопутствовавшего ему возлияния гарант чуть не умер на сидении лимузина. Тогда шофёр погнал машину прямо в дебри владимирских лесов и на руках вынес седока к замшелой землянке. Вышел здоровый дядька лет шестидесяти, стриженный под горшок. В длиннополом сюртуке и плотных полосатых штанах, босой. Он только приложил громадную, в трещинах, ладонь к голове болящего – и тот сразу заснул сном младенца. Через пару часов такого богатырского сна Президент проснулся совершенно здоровым. Вот тогда-то впервые за свою жизнь Владимир Тропинин пообщался с по-настоящему самостоятельным человеком. А самостоятельность Власа Силуянова – так он назвался – содержалась во всём его естестве. В жизни, обустройстве, манере поведения. Главное же – философия Власа не укладывалась ни в одну известную школу мировой мысли. Его парадоксальность резонировала с окружающим пространством и позволяла колдуну в окружающей среде влиять на это про-

странство. Поэтому снятие похмельного синдрома для Власа было делом плёвым. Он тогда же почти на пальцах объяснил Президенту кажущуюся раздвоенность его личности и посоветовал напрочь отмести все сомнения в легитимности избрания:

– Все мы ходим в окружении своих копий, – сказал тогда Влас. – Это тебе только кажется, что ты сейчас со мной тут разговоры разговариваешь. А я тебе скажу, что ещё сейчас тебя, а вернее, твой мыслеобраз, насилуют в дебатах депутаты парламента Поликании. И учти – их вольное обращение с твоим информационным двойником непременно скажется на тебе материальном. Они ведь вызывают на дипломатический конфликт именно тебя, а не твою волновую копию. А теперь представь, что сейчас твой мыслеобраз вожделеет какая-нибудь госпожа посол, и через эту волновую фикцию она непременно доберётся и до самого тела.

– Ну, с подобной теорией я давно знаком – всё это укладывается в прокрустово ложе квантовой физики, где объект является одновременно собственно самим объектом и в то же время – информацией о себе самом... – пытался вставить слово Президент, но Влас протестующе вонзил в небо перст:

– Именно прокрустово! Твоя квантовая теория признаёт наличие информационных двойников только у реально существующих, как их вы называете – корпускулярных структур. Я же знаю, что это неверно. В вашем случае изображение в зеркале возможно лишь тогда, когда перед ним появляется материальный объект. В моём знании – изображение возможно от воздействия на зеркало мысли.

– Это как? – попытался понять Президент.

– А очень просто! Ну вот, хоть Господь Бог, например.

– Но вы же называете себя атеистом!

– Не перебивай. Я в том смысле атеист, что знаю – никакого такого старика с белой бородой на облаке нет в природе. А есть и в природе, и в сознании миллионов людей образ этого

старика, в том числе и в виде бородатого деда. И попробуйте сказать, что Бога нет, если он ЕСТЬ в сознании хотя бы одной забитой жизнью старухи! Или Печорин, например, вкупе с Остапом Бендером, у которых нет и не было телесного прообраза... А ведь это выходит за рамки квантовой физики! Более того – возможны бесчисленные волновые копии не только отдельных материальных объектов, но и целых миров.

– Требую разъяснения!

– Да сколько угодно! Вот лично ты в зримом мире оставался простым колхозным бригадиром, а обитатели некоего мысленного информационного мира в это время выбрали тебя Президентом. Затем эти миры поменялись местами – колхозная страна стала для тебя мысленным прошлым, а та, в которой ты вошёл на престол – зримым, корпускулярным миром.

– И долго мне так суждено мигрировать? – переспросил Президент. Влас подумал с минуту и махнул рукой:

– Беда не в том, что ты способен порхать между мирами – это с каждым из нас происходит постоянно – беда в том, что тебе дана власть на уничтожение обоих этих миров. Ведь, если перед зеркалом уничтожить объект, то исчезнет и его изображение. На тебе – особый знак, и завладеть им хотят очень многие!

С тех пор Президент несколько раз побывал у Власа, хотя всякий раз возвращался со всё большими сомнениями. Оставалась в колдуне некая особая сущность, ускользавшая от собеседника. Однако он снимал похмелье, и поэтому длинный лимузин президента время от времени появлялся во владимирском лесу.

Теперь был как раз тот случай. Ломило в башке и после вчерашнего приёма, и от событий дня, и от недавнего общения с генералами. Корнеевич, лавируя в рытвинах и пропуская пробегающие перед капотом деревья, говорил через плечо:

– Слетаю в воскресенье в Югостополь. Там нарисовалась интересная экскурсия на вершину Ай-Петри. Внучка зовёт.

Коза... Давай вместе, Володя, а то ты заработался... И вообще – жениться тебе пора... да хотя бы вот на той самой Сонечке в ранге посла – она за тобой шлейфом следует... А ещё лучше – на любой моей племяннице.

Президент тронул пальцами виски и почти простонал:

– Ну – не надо на большую мозоль... Не пропусти лучше поворота к землянке...

– Не беспокойся, господин Президент!... Вот раздвоенный дуб, вот последний поворот направо... Опа! – Корневич даже выпустил руль и указал пальцем в правый угол лобового стекла. – А нас уже опередили!

Президент с усилием приподнялся с ушедшего под ним на ухабине сидения и увидел впереди, перед землянкой, большой чёрный внедорожник. «Какой-то чёрт принёс к атеисту Власу Патриарха Всея Евразии Микулу?» У Президента запыл запущенный зуб и, кабы не война с Поликанией, он велел бы повернуть обратно.

5

Они сидели вокруг одноногого столика на пеньках – Патриарх, как ворон, разметав чёрные крылья, и Влас, вроде воробья, в своём сюртуке. Спорили, но примолкли, когда подошёл президент. Прогнувшись рукой за спину, Влас извлёк из ниоткуда треногую табуретку и новый гость тоже присел. Патриарх, набычившись, свирепо резал зрачками из узеньких отверстий на заросшем лице всю поляну, а Влас легко сказал:

– Вот, владыка не ко мне приехал, а к тебе, Президент. Я, признаться, как увидел его гроб на колесах, то подумал, что его на богословский спор потянуло... Нужен ему Бог, как зайцу курево. А кстати, – именно попы используют мыслеобраз Бога на всю катушку. Как они ему прикажут, так Он и поступает, ибо сотворили Бога по образу своему. Думал, – Патриарх об этом со мною поспорит. Нет, говорит, не за тем

приехал, – дождусь Гаранта и воздействую. И деньги мне давал, чтобы я тебе подсказал хлопнуть бомбой по Поликании.

Президент плотнее придавил табуретку – ножки мягко вошли в грунт по самые перемычки – и сердечно спросил Патриарха:

– Вам-то зачем война, владыка? Сказано ведь – не убий...

Патриарх встрепенулся и движение волнами пошло по его крыльям. Ещё миг – и он накроет своей тенью поляну. Не накрыл, но скрипуче и назидательно заговорил:

– Вы в Кремле избегаете встречи. Вот и вынужден поджидать тут. Во спасение державы. Во утверждение истиной веры в народах Поликании...

– Посредством атомной бомбы?

– Сказано: судить буду всякого по делам его!

– Чем же они вам так не угодили?

Патриарх немного успокоился и буркнул:

– Не мне, а вам, Владимир Дмитриевич...

Президент впервые с интересом посмотрел на монашествового:

– Мне-то как раз соседняя страна ничем не досаждала, – начал он, но Патриарх властно («Что-то даёт ему силу говорить со мной, как с мальчишкой») одёрнул Президента.

– Поликания нанесла вам личное оскорбление: не далее как час назад в Югостополе взята в заложники ваша жена София Лазаревна со чадами.

– Но я не женат! – отчаянно прокричал Президент.

Патриарх скорбно и устало указал Власу рукой на гаранта конституции:

– Прости ему, Господи, ибо не ведает, что несёт нам тут в своём безумии. Хоть бы вы, Влас Андронович, вразумили ваше неверующие чадо. Сказано ведь в Писании: что соединено Богом, не может быть разъединено человеком. Вот уж впрямь страдалец: ему дали оплеуху по левой щеке, а он подставляет правую!

И резко повернувшись к Президенту, Патриарх попросту заорал ему в лицо:

– Бомбой их, негодяев, бомбой, пока они не зарезали твою бабу с детьми!

«Точно – генералы дали ему полномочия сломать меня – отсюда такая смелость. Однако и я не лыком шит: пока Браслет Управления у меня – они бессильны».

– Да я холост, и никакой войны с Поликанией в природе не существует!

– Этого не подтвердит никто, – укоризненно начал Микула, но Президент резко перебил:

– Нет, есть кто подтвердит. Вот колдун Влас подтвердит. Мой шофёр Корнеич подтвердит. В машине газета «Глобэл» осталась – она тоже подтвердит. Едемте в столицу – и всякий нормальный человек на улице подтвердит! Мне что? – всех этих людей подводить под ответный ядерный удар! Ради вашей призрачной религиозной миссии и ради подконтрольных рынков сбыта для наших толстосумов!.. Слуга покорный! Я приехал в эту чащобу за духовной опорой, а нашёл ещё большие сомнения. Влас, Влас – как же ты меня обманул в моих ожиданиях!

Резко поднявшись – табуретка косо выдернулась из грунта – Президент аршинными шагами метнулся к машине. Сизо пыхнув дымком, машина резко взяла и скрылась за деревьями. Ворон и воробей у пенька ещё с минуту посидели молча, и ворон сказал:

– Сухие крошки на твоём столе, брат. А на моём пития и яства в изобилии. У меня же питаются многие, и ныне кесарь не отворотится от стола моего к твоему скудному, и потому воля земного владыки да в моём доме куётся.

С тем и отбыл с поляны в своём мрачном автоэкипаже. А Влас той же жёсткой ладонью смахнул со стола остатки хлеба и метнул их в широко раскрытый рот. Пережевал и сказал, глядя на захмаревшее небо:

– Труды наши праведные питают нас... Не подавился бы ты, владыка, дармовыми многими яствами.

6

Корнеевич гнал лимузин на предельной скорости. Президент велел немедленно привести себя в посольство Изгонии. Только Сонечка Раиль могла объяснить раздвоившемуся в сознании Президенту, кто она – его жена или господин посол? Отсюда должно проистекать решение – бомбить Поликанию или считать её верной союзницей в противостоянии Соединённой Комморе.

– Включи-ка, брат, радио! – попросил Президент, и сейчас же динамик начал рассказывать о ходе полевых работ, о строительстве высокогорного лыжного катка и о том, что верный Конституции, Президент Тропинин не выдвигает своей кандидатуры на незаконный третий срок. Радио вещало в режиме совершенно мирного времени и лишь сообщение из той самой Северной Америки тревожило: там поставили на вооружение совершенно секретные дисколёты с неограниченным радиусом полётов. Зато Поликания закупила у нас серию новейших военных вертолётов и «...готова стать надёжной преградой на пути возможного продвижения войск Комморы на восток».

Президент явно почувствовал, как Браслет Управления стал жечь запястье. Он с трудом гасил в себе желание снять его и выбросить в приоткрытое окно. Корнеевич же весело болтал, строя планы на свои весёлые выходные. Для него не было вопроса: счастливая страна со своим счастливым президентом жила под мирным небом и гарантом этому миру был пассажир на заднем сидении лимузина. Только жаль, конечно, что седок отказывается от третьего президентского срока, однако:

– Какие наши годы, Володя! Да мы через один президентский прыжок вернёмся в Кремль, ещё и женимся к тому ж.

Да вот хоть на моей третьей племяннице – на Аннушке. Она у меня в министерстве туризма альпийским отделом ведаёт! Коза...

Машина ввернулась в столичную улицу и уверенно обошла справа большой чёрный внедорожник. Через двадцать минут президентский лимузин проскользнул в створки ворот посольства Государства Изгония.

Сама госпожа посол, в приличествующем случае строгом женском костюме, приняла высокого гостя. Чёрные ребята из службы протокола провели их в залу для приёмов, и хозяйка с гостем уселись в роскошные расчехлённые кресла напротив друг друга. Привыкшие быть всегда при госпоже посол и при этом почти незаметные люди наполнили их фужеры, и хозяйка приёма лукаво подняла свой:

– Всегда рада видеть руководителя великой державы в стенах посольства. Это свидетельствует о духе дружбы и сотрудничества между нашими народами!

Она внезапно понизила голос и зашептала, зажимая рот и лучась сияющими глазами:

– Володька... ты восхитителен! Такой ночи, как нынешняя, у меня в жизни не бывало... Я всё ещё не отошла от твоих ласк и поцелуев!

Она убрала от губ ладонь и громко официально продолжила:

– Правительство Изгонии всегда находится на вашей стороне в глобальном споре с Соединённой Коморрой. Вы можете рассчитывать на нашу помощь во всех сферах нашего сотрудничества... – И опять – шёпотом: – Я сумасшедшая, да?

Президент поглядел сквозь фужер на просвет и ответил:

– Да нет... Это я сумасшедший. У нас ведь двое детей, не так ли?

Теперь на свой фужер посмотрела госпожа посол. Горькая складка отметилась в уголке её рта:

– Увы, Володя. Медики сказали, что насладиться счастьем матери мне не дано – я бесплодна от рождения. Может, – она

посерьёзна и плотнее уселась в кресле, – от этого я и пускаюсь с тобой во все тяжкие. Такая жена, как я, никому не принесёт счастья. А уж тебе, молодому и здоровому, – тем более. Однако я хотела поговорить о поставках оборудования для нашего подводного флота, – снова перешла на деловой тон госпожа посол, но Президент поднялся и вышел вон, оборвав аудиенцию.

Он теперь твёрдо понял, что никакой войны нет. Представление о ней – это фантом, мыслеобраз. И другой фантом – волновая сущность его генералов – требует нанести по настоящей Поликании настоящий ядерный удар. То есть чудовищный мыслеобраз войны вырывается в реальную жизнь. И граница этих двух миров сошлась с сокрушительной силой его Браслета. Говоря языком физиков – перевести беду из волновой сущности в корпускулярную – было теперь в его и только в его власти. Он, колхозный бригадир Володька Тропинин, становился единственным гарантом мира. И слава Богу, что ему в последний момент хватило сил вернуться к реальности. «Да, – окончательно определился он, – никакой войны нет. А чтобы впредь не сходить с ума – надо жениться. Но только не на бездетной Сонечке... Да вот хоть на одной из племянниц Корнеича. А что – девки деревенские, сочные, плодовые. Да и никакие злодеи на них не польстятся».

Окончательно выздоровев, в хорошем настроении Президент опустился на заднее сидение лимузина. Корнеич отсутствовал, – видимо, отлучился за газетами. Президент ногой отодвинул в сторонку вездесущие комнатные тапочки на полке и слегка задремал, откинув голову. Наглый взъерошенный воробей с той стороны стекла старался достать клювом до остатков торта на задней панели.

Разбудил его эфирный шорох и треск. Президент встрепнулся и услышал из динамика, подключённого к шофёрскому мобильному телефону отчаянный женский голос:

– Дядька, это твоя племянница Юля! У нас тут в Югостополе чёрт-те что творится – альпийские стрелки из Поликании расстреливают город из орудий, а нашу группу альпинистов взяли в заложники! Алле, алле! Дядька – они пять миллионов выкупа за меня требуют, гады! Дядька... дядька, ну подними ты трубку!.. Козёл.

И телефон замолчал. Даже не мысль, а какая-то волна коснулась сознания: «Надо срочно справиться о других племянницах Корнеича – вдруг всё-таки не всё так безнадежно?». Но волна бесследно отхлынула, и мысль о гудящей над его страной войне враз придавила к сиденью. Президент въевшись уменьшился в размере, а всю машину заполонил серый сумрак. Браслет передал руку и буквально прожигал кость. Володька Тропинин рывком открыл дверь, чтобы убежать. Но дверь раскрылась лишь частью, упершись в препятствие. Президент лишь глянул на это препятствие – и его отбросило назад, к комнатным тапочкам.

Больной зуб воспламенил челюсть, и жар кинулся в мозг, расколов голову надвое.

Выйти ему мешал большой чёрный внедорожник.

Март – май 08, г. Бирюч

ПОДРЫГНИ, ДРУЖОК

*«Законы их немногочисленны, кратки, ясны.
А обвинительные приговоры являются
истинными и верными... и воспринимаются
как нечто приятное...»*

*Томмазо Кампанелла
«ГОРОД СОЛНЦА»*

Семь лет я ездил по миру в поисках истины. И вот оказался у границ Вольной Республики Сво. На въездной арке гранёной готикой теснилась странная надпись «! Страну нашу в пожаловать добро». Тут поднялся перед моей каретой обычный полосатый шлагбаум и на той стороне встретил меня высокий гренадер в роскошных рыжих усах. При всей монументальности он шёл ко мне легко, едва касаясь земли. Я выбрался из коляски и предстал перед стражем, снизу вверх заглядывая ему в усы. Гренадер повертел в руках мои дорожные бумаги и неожиданно велел:

– А ну – подпрыгни, дружок!

За семь лет путешествий я привык к разным встречам на границах. Но такой нелепой команды не слышал ни разу. Я перемялся с ноги на ногу, и страж вернул мне бумаги, шевельнув при этом усами:

– В силу последнего указа президента Вольной Республики Сво Его Ослепительного Сиятельства Диделя Кроткого (страж при этих словах вытянул руки по швам и буквально завис над землей) вам, Ксений Пилигрим, запрещён въезд в нашу страну.

– Но я ведь не давал повода... – хотелось вставить слово. Однако пограничник с вершины своего роста и зависания назидательно, словно диктор радио, просветил меня:

– Не далее как завтра Его Ослепительное Сиятельство, президент Вольной Республики Сво, Дидель Кроткий подписал указ об отмене Закона всемирного тяготения. И теперь всякий, кто твёрдо ходит по земле, является нарушителем указа и государственным преступником. В страну не велено пускать иноземцев, пренебрегших указом. Вот вас, например.

– Но я же не знал!..

– Нормы международного права, которые свято чтутся в нашей стране, при незнании закона не освобождают от ответственности, – всё так же голосом динамика произнёс страж, но я вцепился ему в рукав, не без труда притянув к поверхности:

– А если я на землях республики Сво не буду выходить из кареты, а просто проеду насквозь до следующей страны?

Гренадер просунул руку в глубочайший карман своих шаровар и извлек оттуда старомодный большой мобильник. Долго набирал номер и долго советовался с неведомым собеседником. Потом таким же змеевидным движением руки засунул аппарат в карман и сказал:

– Поскольку лошадь – существо неразумное и неспособное к постижению гениального смысла указов Его Ослепительного Сиятельства, президента Диделя Кроткого, то требовать от неё их выполнения нелепо. Вы можете въехать на территорию нашей страны при условии подчинения указу, либо вам запрещается покидать карету под угрозой немедленного ареста. Нельзя давать дурного примера подданным Его Ослепительного сиятельства, добровольно отказавшимся от земного тяготения. Теперь всякий добропорядочный член общества обязан перемещаться, не касаясь земли. В этом полёте есть неподдельное счастье человека и исполнение его вековой мечты о свободе, – вещал усатый динамик и в конце речи посадил ко мне в карету юного офицера в тревожной жёлтой форме. Его тоже словно несло над землёй. Офицерику провожала востроглазая девочка-подросток в мальчишьем костюме.

Мне показалось – мой страж по влюблённому расстался с ней. Как мне объяснили – офицерик приставлен следить за мной и беречь меня от дорожных случайностей.

Напоследок гренадер небрежно перебрал в руках нехитрую мою поклажу, перелистал Книгу былин из неё:

– Подстрекательских страниц нет?

– Но это же вековая мудрость – инкунабула!..

Слово на стража подействовало, и он широким жестом распахнул перед нами пространство. И мы поскакали вглубь страны Сво.

Удивительно, но сразу за заставой мы увидели много конных экипажей, которые парили над землёй вместе с седоками и впряжёнными в них лошадьми. Офицерик пояснил, что так перемещаются особо приближенные к президенту чиновники и военные. Их преданность Диделю Кроткому так велика, что передаётся даже неразумным лошадям.

– Но это же глупо, – сказал я. – Нельзя законы природы отменять административными указами!

Офицерик лукаво поглядел на меня и указал за окошко, на городскую площадь. Мы как раз проезжали по небольшому городу. Там летучая солдатская команда раскладывала по лавкам голых горожан, пойманных с утра ходящими по земле. После порки им наливали по плошке водки и заставляли подпрыгнуть. Тех, кто зависал над землей, – отпускали, а остальных...

– Отправят в каменоломни на перевоспитание, – просветил меня мой страж. И гордо добавил: – В нашей республике нет недостатка в монолитных глыбах. Из них мы строим всё – даже конюшни. Наша страна – самая каменная из всех стран!

Мы поспешали дальше. Рядом с коляской, мельтеша спицами, катилась её горбатая тень. За окошком проплывали села и города, и повсюду реяли кумачовые транспаранты. На них в разных сочетания топорщились слова «Сво Республика...», «Сво президент...», «...народ Сво!».

Мои дюжие кони влачили повозку к самой столице – городу Свободенштейну. Мой юный попутчик по ходу движения всё больше раскрепощался, и я уже видел в нём либерала. Со смешками в ладонь страж рассказал, что раньше их страна называлась Свобода, но с приходом к власти президента Диделя она распалась на две части, враждебные одна другой. Дидель Кроткий сумел превратить Сво в военный лагерь, а государство Бода остаётся отсталой крестьянской страной. На границе постоянно случаются стычки, и Дидель Кроткий дал слово посадить в президентское кресло Боды своего брата Хиделя с тем, чтобы вновь объединить некогда единые земли. Это надо сделать непременно, потому что в Боду потоками бегут граждане Сво, недовольные Диделем. Они накапливаются за кордоном и представляют угрозу режиму Сво.

Всё это офицерик мне поведал, будто газетную статью прочёл. Он, по всему судя, ещё присматривался ко мне, остерегался говорить всё то, что думал.

Где-то за полдень на узкой лесной дороге нас остановил здоровенный дядька с топором серповидного лезвия. Он выбрал из бороды рыбью кость и велел мне, когда я разминался на затекших ногах:

– Ну-ка, подпрыгни, дружок.

Я замер в недоумении. Что за «народный контроль» – добровольное подспорье власти? Неужели меня на каждом шагу станут пытаться на лояльность все, кому не лень? Офицерик выбрался из кареты вслед за мной, по-дружески хлопал мужика по плечу:

– Не трогай чужеземца – ему наши законы не писаны.

И, повернувшись ко мне:

– Разбойники нам подвернулись. Вот вы подпрыгнули бы, да зависли в воздухе – он бы вам головушку снёс. А пока пойдёте в чашу, к костру – лихие люди нас хлебом попотчуют.

Вот те раз! А я уж думал, что в вольной стране Сво все послушны своему президенту. А офицерик хорош: он держал-

ся столь панибратски с мужиком, что я увидел в нём явного яковинца. Это подтвердилось и в стороне от дороги, куда мы прошли сквозь чащу. Горел большущий костер, вокруг него возлежала дюжина крепких бородатых мужчин. Но жарили на вертеле не дичь, а громадную рыбину. Тут же отщипывали от неё куски и совали в волосатые пасти. Чуть в сторонке набивала порохом стволы мушкетов та самая востроглазая девка, что я заметил ещё на пограничной заставе. Как она оказалась в лесу раньше нас – осталось загадкой. Появление офицера мужики встретили приветливым гулом. Девушка оставила мушкеты и поцеловала юношу в щёку.

В сторонке, под деревом, сидел повязанный по рукам и ногам генерал. Явно пленный, из тех, что не признают земного тяготения. Но теперь он плотно давил широким задом лесную поляну и плакал. Он даже порывался разжалобить офицера, но тот словно не замечал своего прямого начальника. Мужик указал топором на генерала и сказал:

– Перевезём его в страну Бода и оттуда обменяем на наших братьев в каменоломне.

– А если он улетит? – любопытствовал я. – Ведь генерал исповедует закон антигравитации!

– Это он перед президентом такой храбрый, – ответил разбойник, – а на нашей поляне и на него глупые законы не действуют.

Нас угостили рыбой, и мы уехали. Офицерик совсем раскрылся и уже не остерегался меня. Мы безмятежно катились по просторам Сво, где вдоль обочин брели нищие и в небе между птицами мелькали тучные чиновники с портфелями под мышками. Офицерик всё это порицал последними словами, но я спросил:

– Почему вы решили, что я ваш, что я противник президента Диделя? Я совсем не на стороне разбойников и оппозиции. Моё дело – пересечь Сво без ущерба и достичь пределов Боды. Моя цель – найти истину, а не борьба за чью-

то свободу. Пока предел мечтаний – побеседовать с президентом Диделем Кротким. У меня к нему есть верительное письмо от Папы Римского.

Мой юный спутник посмотрел на меня угасшим взглядом и сказал:

– Была у моих друзей надежда, что вы поведаете миру о рабской жизни в стране Сво. Жаль, что вы совершенно бессердечный пилигрим. Что ж – можете прямо сейчас лететь на приём к Диделю. Лишь признайте правомерность его закона об антигравитации – и вы взовьётесь к небесам. Кстати, это как раз вовремя: мы подъезжаем к полноводной реке, через неё теперь как раз разбирают мост.

– Это зачем? – не понял я. Мы и впрямь остановились у переправы, которую стремительно разбирали мокрые сапёры. Стоя в воде, они отламывали и спускали в поток бревна старинного моста.

– Затем, – горько ответил офицерик, – чтобы в столицу прибывали только по воздуху. А на такое способны лишь верно-подданные граждане или гости. Вот как вы, например, – добавил он с издёвкой.

Как-то так уже получилось, что мой офицерик из провожатого превратился в некоего наставника, морального водителя. Такое положение надо было менять. Восстанавливая status quo, я сказал с нажимом:

– Я в инсургенты не записывался, но и Диделю прислуживать не намерен. И даже если бы захотел принять его глупый закон, то взлететь уж никак не смог бы: стать рабом не могу. А вот как перебраться через реку – это ваша забота, уж коли я вверен вашему державному попечению.

Страж принял мои объяснения, и тут же ответил;

– Я тоже твёрдо стою на земле. А вот переправиться в столицу нам поможет вот тот петух, что подлетает сейчас к переправе. Видите жирное тело над деревьями?

Да, я видел. Невероятно грузный чиновник с крокодиловым портфелем, прижатым обеими руками к груди, медленно парил над прибрежными вербами, явно метя за реку, к видимой уже на том берегу столице. Офицер сделал ладони рупором и прокричал в его сторону:

– Именем вольной республики Сво! Повелеваю немедля предстать пред лицом служителя закона!

Летающий дернулся, словно пронзенный электротоком, и послушно приземлился перед нами. Офицерик распахнул дверцу, и чиновник опустился на сидение рядом со мной. Был он счастлив и румян, дышал одеколоном и водкой. На бритой до синевы его щеке дрожала прозрачная капелька пота. Меня он не замечал, перед офицером благоговел.

– Ты, кусок сала, – велел чиновнику офицерик, – обязан сопровождать меня и важного государственного гостя ко двору президента...

Чиновник согласно кивнул головой, икнул, и капелька скатилась по его щеке. И тут же на её месте оказалась точно такая же. Он ещё плотнее прижал портфель, закатил глаза, и... Наша карета легко оторвалась от прибрежной луговины. Сила чиновного ража превозмогла силу земного тяготения. Река обвалилась далеко вниз и обернулась ломаной голубой лентой. Наша карета теперь являла собой странный летательный аппарат с несущей её изнутри фигурой шарачиновника. Я жадно глядел вниз, в окно. Там разворачивалась под нами карта-план республики Сво в натуральную величину, по которой мы скользили над сеткой невидимых меридианов. Быстро проскальзывали кварталы городов в кольцах крепостных стен, утлые деревеньки с ломаными зубами полуразрушенных храмов, жёсткие пояса железных дорог. Офицерик уверил, что на дорогах железные шпалы уже давно заменены деревянными, потому что всё железо объявлено стратегическим сырьём и находится в личном ведении президента. Как, впрочем, и колёса паровозов и ко-

стыли на шпалах. Как я понял, всё по линии министерства путей сообщения у них теперь держится на клею.

Неожиданно громадная тень накрыла наш экипаж и жирный чиновник даже вроде потек от страха, столь странный и непривычный звук издавала эта тень. Офицерик остался спокойным и пояснил, что нас поверху обогнал единственный военный транспортный самолёт, задействованный исключительно доставкой гаванских сигар для президента Дидея, на которые тот нещадно падок. А поскольку самолёт целиком деревянный от поршней до амортизаторов колёс, то и звук издаёт непонятный и устрашающий.

А внизу уже разворачивалась панорама столицы. Свободенштейн из-под облаков выглядел хоть и игрушечным, но всё равно внушительным городом. Пятиугольный, словно Пентагон, он холмился внутри ломаного кольца четырёх – одна в другой – белокаменных крепостных колец, на кои через промежутки нанизаны коробки сторожевых башен, отмеченных угловатыми тенями. Между стенами тянулись рокадные дороги, по дорогам сновали деревянные грузовики с дровяным дымом выхлопных труб. На главной городской площади стояло боевое каре, сверху выглядевшее ромбом. Внутри каре торчал столб, повторённый на земле тенью буквой «Г», доносилась дробь барабанов и краснели колпаки двух палачей.

Там кого-то казнили.

Но удовлетворить своё любопытство я не смог: послушный воле инструкций чиновник опустил карету с иностранцем прямо у здания таможенного департамента. И опять кольнула меня нелепая надпись на фронтоне «!Червь ты законом пред». Здесь чиновник ужом проскользнул в дверь кареты – и был таков. На выбравшегося наружу офицерика поспешивший к нам наряд не обратил внимания, а мне велел раскрыть походный баул. Я умоляюще поглядел на офицерика – он пожал плечами и отвернулся.

– Так на границе проверяли уже... – было хотел я урезонить таможенников, но их главный, точная копия гоголевского городского, едва касаясь земли подметками зеркально надраенных сапог, уже листал мою книгу былин. Я уже собрался было сказать волшебное слово «инкунабула», как держиморда уверенно приподнял меня за треснувший воротник и понес перед собой в помещение таможни. Я бултыхал ногами, будто прихваченный за загривок щенок. Держиморда так и пронёс меня по узкому гулкому коридору, свободной рукой отпёр квадратную кованую дверь сбоку и швырнул меня на гнилую соломенную подстилку.

Я оказался в тюрьме вольной республики Сво.

Солому точили наглые мыши, а сырость мне противопоказана. Я и из своей северной страны уехал ещё затем, чтобы прогреться на югах, а тут – на тебе – промозглая темница! Слово «сво» мне захотелось продолжить, как брань по адресу таможни, я уже и начал, и тут из тёмного узла раздался простуженный сиплый голос:

– Не советую поминать всеу нашу вольную страну. Тут, сын мой, и стены уши имеют.

Я присмотрелся. Измождённый человек, прикованный к стене, сидел на грязной тряпке. Тяжкие кандалы лежали по его рукам и ногам. На чёрном его лице горели огненные глаза, а из-под кудлатой бороды выглядывал нижний конец наперсного креста.

– Вы... священник? – осторожно спросил я.

– Последний! – торжественно поднял узник кверху палец, загремев железам. – Я последний поп, которого президент Дидель показал по телевизору!

– Так почему же сидите в таком случае?

– А он показал меня против моей воли в этих вот ризах, – святой отец шевельнулся, и железный грохот волной прошёл по его телу. – Теперь требует принародного отречения.

– Иначе?

– Смертная казнь через откусывание головы.

Мне сделалось дурно. Я, видимо, потерял сознание, потому что вернуло меня к жизни осязаемое битье по щекам. Я раскрыл глаза и от вида бывшего меня едва не обвалился опять в счастливое состояние: это был еще один узник, страшно заросший и изможденный до овражных складок на лице. На нем не висели железа, и это позволило ему спереди подмышки привалить меня к стенке каземата. Узник негромко заговорил, играя рельефом лица:

– Через четверть часа меня уведут на казнь – на площадь, поди, уж и зевак согнали. Вы последний из живых, с кем мне осталось общаться. Это лишает меня выбора, поэтому я доверяю вам страшную государственную тайну...

– Вы кто?.. – начал я постепенно возвращаться к жизни. Мой невольный нянька присел рядом и принялся яростно растирать на запястьях пунцовые полосы – следы от кандалов. И заговорил в такт растиранию нервно, с наслаждением:

– Я недавний узник президентских каменоломен. В некогда единой стране Свобода меня звали горный инженер Кандид, и я был министром природных запасов. Но Дидель захватил власть. Мы, повстанцы, тогда скрылись в отвалившейся части Бода, но тамошние власти, с подачи предателя, на кого и не подумаешь, выдали нас Диделю в обмен на нефтеставки. Так участники сопротивления оказались в каменоломнях.

Инженер Кандид потянулся к ногам и уже как бы из-под бороды, массируя низ голеней, продолжил:

– И вот там я однажды нашёл удивительную жилу с камнем, почти совершенно невесомым. Я разложил пудовый булыжник на волокна и увидел, что каждое отдельное волокно висит в пространстве. Как раз в момент эксперимента на вышке у охранника зазвонил мобильный телефон, и все эти волокна под воздействием возникшего магнитного поля тут же устремились вверх. Я сразу понял выгоду от открытия.

Ночью мы собрались на тайный совет и решили бежать из каменоломен по воздуху, вшив для подвижности по нитке минерала себе в одежды. Но тот же предатель, на кого и не подумаешь, выдал нас опять, и утром моих товарищей казнили страшно: их подвесили за талию, как бы давая возможность вдоволь полетать. Друзья в конвульсиях умирали по нескольку суток. Но поскольку предатель не знал тонкостей работы с волшебной нитью, то таможенники Диделя, а они тут лютее полицейских, принялись из меня выколачивать методику использования странного камня. И хотя я им ничего не сказал, учёные президента сами додумались в одну ночь вшить в новые мундиры военных и виц-мундиры чиновников каменную нить. В одно утро всю эту рать переделали, а президент тут же издал Указ об отмене земного тяготения. Сами того не ведая, ретивые исполнители монаршей воли стали невольными исполнителями указа. А все остальные – бунтарями, которых следует сечь и которых теперь секут по всей Сво. Остатки оппозиции истекают кровью под розгами.

– Но почему – воля монаршая? – не понял я. Ответил мне, громыхнув плечом, священник от стенки:

– Потому, что наш президент несменяем. Дидель, захватив столицу, доходчиво объяснил миру, что противиться его власти может только сумасшедший, и потому любые выборы аргіогі дадут ему стопроцентную поддержку. И, чтобы не тратить попусту народные деньги, всякие выборы отменены.

– Сейчас в президенты страны Бода Дидель готовит своего брата Хиделя. Я боюсь, что в одну далеко не прекрасную ночь они опустят на соседнюю столицу воздушную рать своих головорезов, – продолжил дальше инженер Кандид. – Поэтому назову вам длину радиоволны, которая нейтрализует антигравитацию волшебной нити. Вы просто обязаны в кратчайший срок доставить информацию хотя бы к ближайшему пограничному посту Боды. Тогда главнокомандующий Боды сможет одним нажатием кнопки на радиостанции низ-

вергнуть наземь всю эту летучую рать. Тешу себя надеждой, что освобождение Сво придёт к нам из Боды и не случится обратного закабаления.

– Но почему вы мне доверяете? – попытался я охладить откровения инженера Кандида. Он словно запнулся на полуслове и спросил, согнав брови к переносице:

– А действительно – кто вы такой?

Я коротко поведал предысторию своего появления в темнице, и теперь уже священник высказал любопытство:

– Какую, вы говорите, книгу изъяли у вас таможенники? ...Былины!.. Ну, батенька! – всплеснул он руками, породив целую россыпь кандальных звуков, – тогда у вас нет шансов выйти отсюда живым.

– Но почему? – в два голоса спросили мы с инженером Кандидом.

– Там наверняка есть былина о Святогоре и тяге земной. Это абсолютное подстрекательство и агитация, ибо в стране Сво тяга земная отменена.

Крыть было нечем. Я понял, что влип серьёзно. И ждала меня за государственное преступление казнь по любому из принятых в Сво вариантов.

Я обратился к священнику:

– Батюшка, в чём, по-вашему, истина?

Железный узник ничего не успел ответить. Проскрежетала дверь и страж, перебирая ключи на огромном кольце, равнодушно прогундосил:

– Государственный преступник инженер Кандид приглашается на собственную казнь...

Инженер Кандид поднялся, распрямился, пригладил волосы на голове и бороду, подмигнул мне и прошептал на ухо:

– А весточка такая – 8,96 ZWWW 99.

– Но я ничего в этом не соображаю! – в отчаянии так же тихо ответил я.

– А и не надо соображать – просто запомните, – громко ответил приговорённый и весело обратился к стражу: – А если я на твоё приглашение отвечу отказом?

– Да что ты говоришь! – дежурно рассмеялся страж. – А тебя там уже гости заждались.

– Ну – за ради дорогих гостей следует поспешать на почестен пир. Так, кажется, в ваших былинах пишут? – глянул смертник на меня весёлыми глазами и легко пошёл за дверь впереди стража. Священник правой рукой вослед ему наложил громыхающий крест.

Мы подавленно помолчали.

– В чём истина, спрашиваете? – ожил священник, согнав с меня дремоту. – А вот я не знаю! К примеру: то, что нашего друга Кандида сейчас повесят – это правда. Но есть ли в этом истина?

– Выходит, правда и истина – не одно и то же?

– Выходит...

– То есть – когда ваш Бог говорит, что он не в силе, а в правде – он отвергает от себя истину?

– Нет, Он просто не отождествляет себя с истиной. Он выше. Он её гарант. Он говорит: я дверь – войдите в меня и познаете истину и истина сделает вас свободными.

– То есть – если я, закоренелый атеист, сейчас уверую и войду в указанную Христом дверь, то стану свободным от этих каменных стен?.. Нет, вы скажите!

– Но вы же не уверовали...

Я поднялся от стены и торжественно и широко перекрестился. Потом сказал, почти пробогохульствовав:

– Господи Иисусе Христе! Я вхожу в распростертую тобой дверь, и если ты даруешь мне свободу – останусь твоим самым верным адептом.

Священник глядел на меня почти с ужасом:

– Но разве можно ставить условия Богу?! – прошептал он, сразу утратив ко мне интерес.

И тут же загромыхал наружный засов, и в открытую дверь, буквально всколыхнув воздух, ворвался мой спутник-офицерик. Мелко перебирая ногами в дюйме от земли, он восторженно заверещал, ликуя:

– Вы свободны, Ксений, потому что Институт Обратного времени не нашёл крамолы в Книге былин. Ещё больше – вас ждёт приём у Его ослепительного сиятельства президента Диделя, да будет его жизнь бесконечной, – поубавив пыл и обшарив глазами камеру, закончил он. Старого священника при этой сцене начала бить крупная дрожь. Но удивительно – железа на нём вели себя смирно. Вошёл страж и буквально вытолкал нас с офицериком наружу.

Моя карета стояла наготове. Делом минуты было разместиться на привычном сидении у окна. Спутник по привычке опустился напротив. Кони тронули, и я потянул руку к занавеске окна.

– Не надо, – мягко остановил офицерик. Я повиновался.

Несколько минут мы ехали, ощущая задами жесткое постукивание деревянных колес по булыжной мостовой. Офицерик внезапно сказал:

– Теперь можно.

Я отдернул шторку. И прямо перед собой увидел вознесённый к небу столб виселицы, на перекладине-глаголи, которой висел, на манер птицы, распластав в просторе руки и ноги, подвешенный за талию инженер Кандид. Вокруг него в воздухе ещё летали два палача и несколько перемигивавшихся вспышками аппаратов фотокорреспондентов. Офицерик потянулся к моему окошку и сам задернул шторку.

– Что же произошло за время моего заточения? – спросил я.

Как-то монотонно и по казенному он заговорил:

– Согласно Уставу карантинной службы, я обязан обеспечивать вашу безопасность и защищать в случае несчастий. Это дало мне право изъять предмет вашей компромета-

ции – Книгу былин – у таможни и обратиться за экспертизой в Институт Обратного Времени...

– Это что ещё за чудо? – переспросил я. Офицерик обвёл пальцем в перчатке по периметру кабины и приложил его к губам. Тогда я сказал, что мне нужно проветриться.

Мы вышли вон.

Мы стояли теперь на маленькой городской площади у церкви с косо заколоченными окнами и выбитой дверью. На колокольне золотились городские часы, но – странное дело – секундная стрелка на них бежала против солнца. Две рваные собаки перестали драться и уселись у наших ног, преданно заглядывая в глаза. Офицерик цыкнул. Собаки отбежали и так же ожидающе завертели хвостами в пяти шагах.

– У нас в Сво, – начал спутник, – все живут, убеждённые в том, что движутся не от рождения к смерти, а наоборот. То бишь, по недавнему Указу президента «О Поголовном Счастье», каждый гражданин страны час от часу молодеет. А теорию эту ему подкинул профессор Примус, директор Института Обратной Лингвистики. Он утверждает, что истинно свободная страна, каковой является Сво, не может двигаться в губительном общемировом потоке. Мы идём своим путём, поэтому у нас невозможны кризисы. И время у нас не прибывает, а убывает. Мы стремимся к тому, чтобы насовсем освободиться от диктата времени, добиться полного его уничтожения. Тогда страна Сво и президент Дидель возвратятся в вечность, то есть станут жить вечно.

Я мельком взглянул на колокольню. Действительно – моё присутствие на городской площади сократилось уже на пять минут. Вечность явно приближалась.

– Красиво, – согласился я. И тут же воскликнул: – Но это же бред!.. За неведение нельзя бросать в тюрьму.

– Но этот же бред, – подхватил офицерик, – помог вам выбраться на свободу!

Я с интересом глянул на спасителя:

– Поясните.

– Извольте!. – офицерик мельком глянул в личико зазвонившего мобильника и, коротко тюкнув пальцем, убил его.

– Нас торопят... Так извольте. Профессор Примус ещё до восшествия Диделя создал Институт Прямого Времени, суть изысканий изложив в стихотворной форме. Мы учили этот философский перл Примуса ещё в школе:

Есть в слове «время» точный корень «вре» –

Оно во всём и зыбко и неверно,

Оно со мной схватилося,

Наверно,

как с противуборцем на ковре.

Царит в нём «мя», как в «знамя» или в «племя»,

И если верно ты его прочтёшь,

То в целом это сочетание – «вре» «мя»

Познаешь, как «торжественную ложь».

Примус уже тогда не хотел видеть себя простым смертным. Он стремился сразиться со временем, опрокинуть его. И написал по этому поводу много научных работ. Но Диделю труды Примуса не понравились. Тогда Примус совершил гениальный ход – он обратил вспять не только время, но и язык, науку лингвистику. Он стал публиковать свои труды, так сказать, задом наперёд. Более того – он основал Институт Обратной лингвистики, где начал революционные, по своему, переводы классики. Короче говоря – он переводит с немецкого на немецкий, с китайского на китайский, с русского на русский!..

– Однако?!

– Да очень просто. Прочтите Пушкина, например.

Я откашлялся и вспомнил:

У Лукоморья дуб зелёный,

Златая цепь на дубе том...

– Достаточно, – остановил меня юноша. – А мы в школе учили эти же строки в переводе института Примуса на обратный русский:

Зелёный дуб Лукоморья у,
Том дубе на цепь золотая.

Ну, и так далее. И вот в таком духе нынче у нас переводятся все книги мира. Да и свои тоже. И надписи, и реклама у нас пишется в обратной последовательности.

– Так вот откуда...

– Отсюда, отсюда. И на выездной государственной арке, и на таможенном департаменте. Вы ещё наших газет не читали! И сия державная нелепость спасла нынче вас. Ведь что прочёл таможенник в Книге былин, написанных нормальным языком:

– А действительно, что?

– «... тяги земной тут не ведати,
Сумочку со тягою тут не прятати».

– Ну и что? – почти прокричал я.

Офицерик укоризненно покачал головой:

– А где изволите тягу земную ведати-прятати? Она ведь вне закона.

До меня начало доходить. Я осторожно переспросил:

– А... в обратном прочтении?

– Именно! – воскликнул мой ангел. – в обратном прочтении вся крамола остаётся за границей:

«ведати не тут земной тяги...

Прятати не тут тягою со сумочку».

Вы вне подозрений! Правда – Книгу былин пришлось оставить Примусу для перевода. Отсюда вывод – следует поспешать, ибо чёрт знает, чего он ещё напереводит из неё. Всё

это я сказал, чтобы вооружить вас перед встречей с президентом... Не удивляйтесь, если ненароком увидите во дворце уже известную вам особу женского пола.

Он немного помялся, словно решаясь на что-то, и решился:

– В случае провала нашего общего дела или перед лицом смерти мы с ней дали слово выстрелить каждый в себя... Кстати – чего это меня всё время подмывает оторваться от земли?

Он первым открыл дверцу, пропуская меня внутрь.

За четверть часа до этого мы подъехали к президентскому дворцу, а за полчаса я попал в Хрустальную палату. Два гигантских гренадера открыли передо мной створки великих ворот – и я оказался на чистейшем зеркальном полу, опрокинутый по отношению к себе самому. Я шёл, точно впечатывая ботинки в подмётки своего двойника снизу и глядел к горизонту залы. Там, разделённые линией пола, стояли основанием к основанию четыре одинаковых золотых трона, на которых задом к заду сидели четыре совершенно одинаковых человека с коронами на головах. Над коронами висели два лозунга, читавшиеся во всех перспективах как «Времени превыше власть». Подошед ближе, я увидел, что люди на троне различаются: у того, что справа, был только правый ус, у того, что слева – только левый. Классически правильные, лишённые особенностей лица. У каждого уса торчало по незажжённой гаванской сигаре. Такое впечатление, что если убрать те части лица, что без усов, то две оставшиеся слепятся в один безукоризненный портрет. За их спинами, попирая собственные отражения, стояли приближённые. Профессора Примуса я не знал, но один из них, с лицом, напоминавшим носом копчик между ягодичными складками-щеками, вполне тянул на образ этого научного работника. Да и моя Книга былин торчала у него подмышкой. Клянусь мамой, но мне показалось, что за спинами придворных промелькнула фигурка той самой девочки-подростка, что уже встречалась мне в самых неожиданных местах и питала страсть к моему офицеру. Парный

президент даже не открыл рта, а зала заполнилась державной тирадой, звучавшей непонятно откуда:

– Мы рады, что вы завтра прибыли в нашу страну, чтобы покинуть её уже вчера. Мы верим, что ваш учёный ум поможет вам рассказать в иных странах о нашей счастливой республике. Мы верим, что ваш рассказ укажет народам мира короткий путь к процветанию и бессмертию. Мы верим, что папа Римский искренен в своём послании, переданном с вами. Мы верим, что Бога нет, но признательны понтифику за внимание: оно легализует нашу власть в глазах всего мира. Мы знаем истину, которая недоступна вам, путник: она в нас, президенте Сво, и всякий, следующий нашим путём, становится свободным. Мы верим, что уже вчера соседняя республика Бода последует примеру республики Сво и соединится с нами в братских объятиях. Мы верим, что вы станете тому свидетелем и потому даруем вам проездные документы до самой страны Бода и даже сквозь неё...

Голос стал как бы удаляться и свет в зале тускнеть. Скоро все поглотил сумрак, и моя тень подо мною стала тёмно-матовой. Пятясь задом, я вышел за великие ворота. Мой офицерик подхватил меня под руку и увлёк вон из дворца, из-под мёртвых взоров бесчисленных караульных.

– Почему их двое? – спросил я.

– Они братья-близнецы – Дидель и Хидель. Говорят, что даже их мать-соправительница различает сыновей лишь по усам. Поэтому и покушаться на них почти бессмысленно – неизвестно, кто главный темнила в стране. А вот Боду они вполне могут захватить. Нам нужно скакать всю ночь, чтобы к рассвету достигнуть границы. Боюсь, что Примус попытается задержать вас, когда долистает Книгу до былины о Хотене Блудовиче: там ведь жиголо, как я помню, к концу повествования старится. Это же прямой намёк на президента – тут подвешиванием за талию не отделаться! Ваше спасение – только в Бодe.

Мы торопились. Мы очень торопились. В каком-то городе офицерик купил свежую газету. Полистал и выбросил в окно: из новостей следовало, что Дидель вот-вот объявит войну Боду. Ближе к вечеру над нами косяком протянулись в небе в сторону границы дивизии свежеемундированных военных. Потом туда же тёмной тенью проскользил громадный деревянный самолёт, а на всех железнодорожных переездах мы подолгу стояли, пропуская скользившие на деревянных рельсах сколоченные из морёного дуба составы.

И чем дальше мы уезжали от Свободенштейна, тем больше меня охватывало беспокойство. Я чувствовал себя Астольфом де Кюстином, выставленным из России в 1839 году сразу по приезду в неё. Словно кто-то неведомый жёсткой ладонью выталкивал меня из Сво. Вот я уже и скакал, как угорелый, и по небу летал, и в тюрьме смерти дожидался, и высочайшей аудиенции удостоился, – а к искомой мною цели и тут не приблизился. Несомненно – город Каменной Свободы хранил множество истин, а я вот с каждым часом удаляюсь от него.

...Да полно-то – так ли уж обо мне заботится мой офицерик? С чего бы это он старался сделать так, чтобы я проскользнул сквозь страну, как намыленный? И даже если офицерик искренен и заговорщики впрямь заботятся обо мне – то что мне до того?

И я велел повернуть карету.

Офицерик забранился, плюнул на пол и вышел вон. Потом он легко поднялся над землёй, устремился ввысь и построился в арьергард плившей в сторону Боды воздушной армады.

И тут же из близлежавшего леска показалась странная процессия. Впереди всех шествовал повязанный по рукам недавний генерал, в спину ему топором с серповидным лезвием упирал знакомый разбойник, и вся ватага валежных бунтарей явно шествовала в сторону Боды. Видимо, грани-

ца уже недалеко. Разбойники деловито под узцы развернули мою карету, рядом со мной опустили на скамейку пленного генерала, атаман сел напротив – и судьба сама повлачила меня в сторону Боды. Я смирился.

А собственно, что я теряю, оставляя Сво? Теряю риск быть арестованным, вероятность навсегда остаться в этой нелепой стране, а истины так и не найти. А что в перспективе? Через час в Боду я сообщу кому надо радиокод нейтрализации летучей армии Диделя, затем в мировых изданиях расскажу о страшном режиме в вольной республике Сво и это поспособствует свержению жестоких братьев. Хотя и это не приблизит меня к истине.

Я заглянул в сумрачное лицо атамана. Он дремал, но на мой голос живо дернулся тотчас же:

– В чём истина, отец?

– В топоре, – слёту ответил разбойник, опять погружаясь в сон.

Мне стало скучно. Вот уж верно – сколько людей – столько истин. У священника одна. У президента – другая, у атамана – третья. Спроси я сейчас у своих лошадей – они четвертую укажут: в овсе. Не сглупил ли я, отыскивая её в иных землях и людях, а не в себе самом?

Коляска дернулась и остановилась. Разбойник размежил глаза:

– Ступайте к пограничному посту, – велел он мне. – Разведайте – не легла ли уже Бода под Сво? Если Дидель ещё не захватил соседей, то дайте нам знать, и мы перейдём границу под защиту законов Боды. Если нет – выстрелите хотя бы в воздух, – он сунул мне в руку большущий пистолет со стволом-раструбом и вытолкнул из кареты.

И что мне оставалось?

И я пошёл к полосатой будке пограничного поста Боды. Но за полсотни шагов стал свидетелем страшной сцены: я увидел своего офицера и давнишнюю девушку-подрост-

ка, которые стояли обнявшись и приложив к вискам по пистолету. Я хотел окликнуть их, но в ту же секунду хрустнул выстрел.

Офицерик подрезанным аксельбантом повис на руках у девушки. Он застрелился. У той, на кого и не подумаешь, в стволе, видимо, был холостой заряд.

На выстрел из будки вышел начальник пограничного наряда. Он сразу увидел меня и поманил пальцем. Когда я подошёл, офицер страны Бода, похожий на таможенного держиморду, коротко велел мне:

– Ну-ка, подпрыгни, дружок!..

* * *

... послушайте: а может, истина в том, чтобы не рвать свободу на части?

г. Бирюч, август – декабрь 2008 г.

ГОСПОДЬ ОШИБАЕТСЯ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

*Господь ошибается по воскресеньям
(QUOD SCRIPSI, SCRIPSI)*

А

В последней четверти XXI века почти все городское население России обитало в маленьких личных хуторах. Жители Новониколаевска, Одессы и Клайпеды, Петербурга и Звёздного городка слетались на своих автобабочках в мегаполисы лишь ради службы и работы. К тому времени всеобщее потепление климата сделало некогда суровое северное полушарие почти райским для существования местом. На Таймыре

вызрели гигантские арбузы. Вдоль поймы Колымы росли абрикосовые деревья, а в придонских и приднепровских степях широко культивировались рис и кустарники колы. Под давлением миллиардов людей из других мест планеты страна задыхалась от перенаселения. И потому, в могуществе своём, позволила себе основать микрогорода на орбите. Там, по эллипсам вокруг шарика, крутились обитаемые модули, где жили уже целые поколения людей, никогда не бывавших на твёрдой Земле. Космическая цивилизация – вот что выдавил из себя парниковый эффект на планете.

Заботы о хлебе насущном вынудили людей почти совсем прекратить войны. И теперь в Африке и Австралии, в Индокитае было гораздо больше людей с протянутой для милостыни рукой, чем людей с автоматами. Казалось, Господь совсем отвернулся от высокомерных и чванливых англосаксов, ещё недавно едва не заболтавших своим языком все иные наречия мира. Китай, как треснувшее зеркало, раскололся на мандариновые княжества, где каждый пытался вырастить свою щепотку рисовых семян лишь для себя. Глохли и зарастали травой дороги к храмам и пагодам, трескались от жары статуи слепоглазого Будды в дацанах, никто не взывал к небу в оставленных мечетях, а колокольный звон можно было услышать лишь тут, на вольготных просторах русской Евразии.

Б

Новый орбитальный поселок «Дивногорье» наматывал лишь первые тысячи оборотов вокруг Земли. Сюда ежедневно причаливали грузовые корабли. И юркие монтажники неумоимо надстраивали к основному модулю всё новые и новые блоки. Руководитель проекта и поселковый голова Иван Егоза едва успевал давать распоряжения и в который раз умолял Центр управления полётами не направлять пока к «Дивногорью» новых колонистов.

– Мы ведь условились, – сердито кричал он в микрофон, видя перед собой на мониторе брудастое лицо Монарха, – что для эксперимента ограничимся пока четвёркой космонавтов. Завтра я отправлю на основную базу ненужных теперь монтажников, а мы, четверо, займёмся напрямую экспериментом. Лишние люди нам только помешают.

– Но ведь, – не соглашался Монарх, – нам тоже необходимо переселять на орбиту уже подготовленных колонистов. Ваше «Дивногорье» – слишком лакомый кусок для того, чтобы там жить всего вчетвером. А условия задуманного эксперимента никак не ограничивают число его участников. Поэтому, полковник, потеснитесь, и примите ещё десятерых. Четырнадцать человек для такого посёлка, как ваш, я полагаю, – самое верное количество. Всё, до связи.

Лицо Монарха на мониторе дернулось и исчезло. Иван Егоза крутнулся на привинченном стульчике вокруг своей оси и чертыхнулся:

– Тоже мне специалист... У нас воды, провианта, воздуха всего на четверых на год, а он мне навязывает ещё кучу народа. Без меня тринадцать человек!

– Как апостолы, – отозвался от соседнего пульта врач экспедиции Эммануил Крыж.

– Что? – не понял командир, переспросив.

– Командир легко засмеялся и сказал:

– Да какой из меня Христос, хоть я командир! Видишь вот, даже отстоять свою точку зрения не сумел. Готовь, доктор, свои лекарские средства к приёму новичков. Они ведь, пока попривыкнут, много чего тут запачкают.

– Командир нажал кнопку общей связи и сказал:

«Слушать всем. Нынче в «Дивногорье» прибывает команда из десяти человек. Завтра ждём грузовой корабль «Прогресс» с оборудованием, необходимым для эксперимента. Эксперимент назначаю на послезавтра в точке экватора над Атлантическим океаном. Всем отдыхать.

И щёлкнул кнопкой выключателя громкой связи.

В

Ракета с плавучего космодрома «Бирюч» уходит прямо в зенит, к солнцу. Десять космонавтов, вдавленные в кресла, через силу шутили, преодолевая гравитацию. Все они были молодыми крепкими парнями, специалистами чуть ли не по всем земным специальностям сразу. Можно сказать, что если бы знания этой десятки разместить на файлах главного компьютера орбитального посёлка «Дивногорье», то они охватили бы, пожалуй, всю многовековую историю человечества. Юристы, журналисты, геологи, теологи, натуралисты, живописцы, эстеты, гуманитарии, математики и т. д. и т. п. И это было справедливо, ведь все они отправлялись в космос для участия в эксперименте, которого ещё не знала наука.

Изначально, ещё при разработке эксперимента, учёные Земли надеялись обойтись силами всего четырёх человек. Но Монарх, ознакомившись с условиями предстоящих работ, распорядился значительно расширить группу. «Но тогда, – пытались возразить Монарху, – на «Дивногорье» не хватит запасов жизнеобеспечения на год». Монарх же резонно заметил, что при увеличении числа участников время эксперимента удастся значительно сократить и дополнительных запасов не понадобится.

Не стану перечислять всех прибывших – утомительно это, да и запомнить нелегко. Просто прошу учесть – на станцию летели ещё десять настоящих учёных, умников без всякой иронии.

Г

Полковник Иван Егоза дал команду на стыковку, когда посланец «Бирюча» уже наблюдался визуально. Это была довольно внушительная машина, размером где-то с семиэтажное здание. И немудрено, ведь именно на ней располагалась основная энергетическая установка для эксперимента.

– Неплохо было бы, – заметил врач Крыж, – если бы у них ещё и личные каюты были в их же модуле. Мы тут уже как-то пообвыкли вчетвером.

– Не робейте, Эммануил, – успокоил командир, – у нас в бассейном модуле места на сотню человек. Пусть побарахтаются в волнах... Внимание! Инженер стыковку перевести в автоматический режим.

Громадный модуль белым рафинадным куском ворочался в солнечных лучах, медленно приближаясь к поселению. Стенки его, бывшие заодно и солнечными батареями, уже хорошо различались чёткими рифлёными узорами. И Егоза невесть почему подумал о них: «Как армейские письма».

Но уже ощутимый толчок подсказал командиру, что модуль пристыковался, а рябь, пробежавшая по приборной панели волны электрических глазков, – о том, что стыковка прошла успешно.

Предстояло встречать гостей, и Егоза распорядился включить карантинную систему переходного отсека.

Д

В столице России городе Архангельске заседал в открытом режиме Всемирный учётный совет Академии. Здесь, на необъятном мониторе во всю стену, хорошо был виден весь процесс стыковки в космосе, и председатель совета академик Молчанов нервничал, замечая мелкие погрешности стыковки. Ложечка тоненько звякала в стакане с чаем в руке академика.

– Да успокойтесь вы, Владимир Ефимович, – учёный секретарь Евгений Дубравный опустил в высокий стакан с минеральной водой зашипевшую таблетку и подал председателю взамен чая. – Всё идёт штатно, тем более что установку на земле мы многожды проверяли, как часики работает!

– Часики. – недовольно пробурчал Молчанов и добавил: – А вдруг в невесомости возникнут осложнения с кристаллическим таймером? Чёрт его знает, как поведут там себя эти часы после перегрузки при старте?

– Да нормально поведут, – Дубравный и сам нервничал, ведь именно таймер и был его личным детищем.

Четырнадцать улыбающихся физиономий глядели теперь с экрана, приветливо шевеля ладонями, и учёные услышали отчёт командира Центра управления полётами:

– Состыковались штатно. Все здоровы, претензий нет.

– Поздравляю с успешным началом эксперимента, – руководитель ЦУПа генерал Вигура из Звёздного городка переключился на Архангельск: – У вас есть что добавить, господин Молчанов?

Академик поздоровался с космонавтами:

– Дело, которое вам доверено, пока ещё не опробовано даже на Земле, хотя в теории испытано не один раз. Всех вас знаю лично и верю, что эксперимент удастся, – эфир внезапно хрустнул, и голос академика покрыл хриплый бас Монарха:

– На земле продолжается неконтролируемое потепление климата. Уже лет через двадцать она станет практически непригодной для жизни. Ваш эксперимент, друзья мои, я напомним, направлен на то, чтобы вернуть Земле холод позднего ледникового периода. Кристаллические таймеры, в которых я ничего не смыслю, но верю нашим учёным – помогут вернуть в верхние слои атмосферы давно прошедшие времена. Я, конечно, не Господь Бог, а только Монарх, но именно на меня легла высшая ответственность. Тут многие, – Монарх многозначительно помолчал, зная, что его слова слышит сейчас почти весь мир, – за такие поползновения принимают меня за дьявола. Пусть так. В таком случае мы с вами сейчас перепишем многие страницы истории. И пусть скептики назовут их Евангелием от Лукавого, главное – чтобы задуманное спасло жизнь на нашей планете. Дерзайте, ребята, и да хранит вас Бог.

С тем же эфирным хрустом Монарх отключился от связи, и академик Молчанов приступил к консультациям с экипажем по поводу предстоящего действия.

Монарх знал, что говорил, когда обращался к экипажу и ко всему миру. На его рабочем столе лежали распечатки о запасах продовольствия и питьевой воды на ближайший месяц. Они говорили о полной катастрофе для всей остальной планеты, кроме России и Канады. Кормить десять миллиардов негров, полинезийцев, китайцев, арабов и еще невесть кого уже практически нечем, и завтра эти голодные орды выплеснутся на русские просторы. Только похолодание могло остановить разрастание пустынь и гибельное буйство джунглей между южными и северными пятидесятыми широтами.

Спасти мир могло или чудо вроде второго пришествия Христа, или положительные результаты космического эксперимента академика Молчанова. Именно эти мизерно малые сроки до всемирного бунта и побудили Монарха ускорить проект и включить в него новых людей. И теперь он велел приготовить свои покои для глубокого и долгого сна, чтобы завтра в прямом режиме наблюдать небывалый поединок человека со временем.

Секретарь подал Монарху крупную мягкую пилюлю. И владыка полумира уснул так глубоко, как только может пожелать себе лишь человек, решившийся переписать Евангелие.

Ночь на орбите – это просто так называется. Вся многотонная рукотворная масса бешено вращается по вытянутому кругу, каждый час встречая новый восход солнца. И хоть Егоза объявил общий отбой на целых десять часов, сам он не мог отойти в сон. Грандиозность предстоящего эксперимента давила на сознание почти физически, и полковник чувствовал стук своего сердца где-то на краешках челюстей, под ушами. Он знал, что одновременно с «Дивногорьем» на околоземной орбите мигают мириадами огней десятки разных космических кораблей и долговременных поселений. Вот и сейчас, на фоне Тибета хорошо виден многомодульный бессрочный комплекс «Белгород». Там вахтенным офи-

цером служит сын полковника. Буквально на одной орбите с «Дивногорьем», но на расстоянии в тысячу километров лежит настоящий космический город «Кологрив». Оттуда только что звонила сестра. Беспокоится...

Беспокоится вся земля и весь Космос. Пожалуй, спокойным сейчас во всей Вселенной оставался лишь мёртвый орбитальный конгломерат «Курск», который перестал отвечать на все запросы и аппаратура которого сообщала о гибели всего населения комплекса. За зловещими заботами по всеобщему выживанию Земле пока некогда было разбираться с бедой на «Курске», и он проплывал теперь давящей громадой в прямой видимости от иллюминаторов «Дивногорья». И ещё давно не было сведения от межпланетного корабля «Вавилон», летящего теперь за пределами Солнечной системы. Он ушёл в поисках пригодных для жизни планет и, кажется, навсегда затерялся в глубинах непознанного.

Полковник Егоза раскусил вязкую таблетку снотворного и скоро забылся с угасающей мыслью о том, что уже через несколько часов к «Дивногорью» причалит грузовик «Прогресс» с оборудованием и приборами жизнеобеспечения для прибывшей нынче десятки.

«Апостолы», – почему-то пробежало в его сумеречном мозгу, а потом армейские письма стенок орбитального модуля завертелись в хороводе, увлекая за собой мягко засопевшего поселкового голову.

Ж

Этот лилового отлива аппарат звонил в спальне Монарха до того лишь несколько раз. И сегодня, стоило ему лишь тренькнуть, враз вспотевший Монарх сорвал с рычага трубку. И услышал голос того, кто мог позволить себе называть на «ты» всех земных владык:

– Спишь, Владислав Мефодьевич? Ладно, не сопи так, самому тяжело. Планету, брат, переделывать совсем непросто.

– Но ведь... кх-х-х... не планету, князь, а всего лишь верхние слои атмосферы, – попытался вставить Монарх. Говоривший на том конце провода расхохотался:

– Так это ещё страшнее, ведь небеса – прерогатива самого Господа. Со мною ты можешь ещё сговориться, а вот Он не позволит тебе вторгаться в свою епархию. Что, совсем худо, Мефодьич?

– Спрашиваете... Границы трещат – не могу сдержать голодные толпы.

– Думаешь усидеть на своём сундуке с сибирскими самоцветами? Держись, Монарх, я полностью тебя поддерживаю, хотя, боюсь, крышку всё равно сорвет.

– Где ж выход-то?

– Спихватился он! Можно ведь было понять всё это ещё сто лет назад. Да и тогда, две с лишним тысячи лет назад всё могло бы обернуться иначе.

– За ту древность я не в ответе.

– Врешь! – резко не согласились в трубке. – Все вы в ответе за содеянное на Земле вашими руками. Теперь норовите исправить положение с помощью чуда? Будет вам чудо.

Трубка помолчала. Монарх осторожно, чтобы не проснулась спящая рядом жена, спросил.

– Вы вторгнетесь в эксперимент?

– Уже.

– А... Он?

В трубке послышался тяжёлый вздох.

– Боюсь, и Он тоже... Кстати, Владислав Мефодьевич, не вздумай дать отбой эксперименту: космонавты Ивана Егозы уже начали его. Мне доложили, и грузовой «Прогресс» к ним уже полетел. Так что фитиль запылен – будем теперь вместе ждать взрыва. Кстати, уж коли не рискуешь ко мне звонить, говори сразу – есть какие недосказанности между нами?

Монарх сел на кровати. Переложил трубку к другому уху и сунул ноги в шлёпанцы:

- Скажите, князь, гибель «Курска» – это с вашего ведома?
- Да господь с тобой, Монарх! Я ж говорю: небо – не моя епархия. Это уж Он сам подсуетился, как говорится.
- Но ведь подготовку к эксперименту мы до последнего держали в секрете!
- Нет ничего тайного, что не стало бы явным, – процитировал собеседник Экклезиаста, и трубка коротко захрюкала.

3

И брызнуло солнце нового витка в иллюминаторы. Низко прогудел зуммер общего будильника, команда привычно занялась утренним туалетом. Хотя никто не был уверен в том, что этот туалет для них – не последний.

– Прорвёмся! – уверенно хмыкал про себя врач Крыж, скобля бритвой верхнюю губу. Иван Егоза на беговой дорожке играл эспандером, и несколько минут потом слышалось общее сопение да покрякивание. Лишь майор Пётр Веретенников сидел прямо на полу, перелистывая толстую зелёную кипу.

– Что читаем? – полюбопытствовал кто-то из новичков.

– «Литературные воспоминания» Ивана Ивановича Панаева, – коротко ответил майор и захлопнул книгу.

Экипаж входил в форму перед началом небывалого. Невидимый динамик из-под панели приборов гулко сказал:

– Это ЦУП. Доброе утро, друзья. Сводка новостей для любопытных на седьмом экране. Хотя сводка, мягко говоря, хреновая – лучше перед началом большого дела её не читать. Через полчаса встречайте «Прогресс», и после этого переходим на режим постоянной связи. Вместе с вами на связи все орбитальные станции, все станции наземного слежения, все обсерватории мира, и мы по-прежнему пытаемся нащупать в пространстве межзвёздный корабль «Верхожанск». Пытаемся оживить и вашего соседа – «Курск», но пока безуспешно.

– Словом, – голосом генерала Вигуры продолжил ЦУП, – с внешним миром вас связывает ещё всего один час. Потом вы остаетесь один на один со временем и пространством.

Полковник, Монарх попросил ещё раз спросить вас: вы и ваши люди готовы к риску?

– Генерал, иначе какого хрена мы крутились бы тут, как нечто в проруби! Ну, даже если отвечу «не готовы», ничего ведь не изменится, верно?

Экипаж услышал смех в ЦУПе. Заулыбались сами космонавты. Сейчас, на грани реальности, команде могла сойти с рук любая дерзость, любая выходка. Просто обречённая Земля уже стерпела бы даже оскорбление. Генерал же добродушно хохотнул:

– Иного ответа я и не ожидал, Монарху доложу о готовности экипажа. Кстати, Иван Платонович, уж коли времени осталось совсем ничего, советую вам не складывать яйца в одну корзину.

– Не понял? – переспросил Егоза.

– Ну-у... то есть в экспериментальный модуль входите все. Кто-нибудь останьтесь во внешнем модуле.

Полковник Егоза на минутку запнулся и переспросил:

– Вы приказываете мне выйти из опыта? Я прошу официального приказа от Монарха.

Известный всей планете хриплый голос отозвался сразу. Видимо, Монарх во время разговора сидел у микрофона:

– Изволь. Полковнику Егозе официально приказываю выйти из эксперимента и переместиться в служебный модуль сразу после приёма «Прогресса». Эксперимент изнутри возглавит полковник медицинской службы Эммануил Крыж. Не слышу ответа!

– Есть выйти из эксперимента. Полковник Егоза.

– Есть возглавить эксперимент. Полковник Крыж.

Центр управления полётами умолк, и теперь подключился столичный учёный совет. Академик Молчанов говорил непривычно напористо, почти по-юношески чистым голосом. Ощущалось, что его окрыляет дело всей жизни, воплощающееся на глазах.

– Вам, братцы, поручено спасти нашу планету, – слышно было, как позвякивала ложечка в его стакане с чаем, – и я рад, что стал последним человеком на Земле, который с особым удовольствием говорит: ни пуха, ни пера!

– К чёрту, – услышали на Земле голом полковника Крыжа, голос равнодушный и усталый.

И все экраны на планете подернула рябь отключившегося эфира. Орбитальный комплекс «Дивногорье» входил в эксперимент.

И

Полковник Егоза автоматом пристыковал «Прогресс», и космонавты открыли его переходной люк. Туда нырнул первым майор Пётр Веретенников, и в тот же миг из чрева грузовика послышалось удивлённое:

– Ё-мое!..

В люке показалось обескураженное лицо майора, и он с трудом протаскил у себя под животом тюк непонятного тряпья.

– И всё... – сказал при этом Пётр, – и до экипажа целую минуту доходило, что больше в грузовике ничего нет.

– А оборудование?! – дико закричал Егоза, за шиворот вытягивая майора. Сам вплыл в грузовик, и отборная русская матерщина гулко разнеслась по всему комплексу.

Полковник выплыл из грузовика и включил тумблер связи. Лицо его полыхало от возмущения, но Эммануил Крыж остудил командирский пыл:

– Связи уже нет, ведь комплекс вошёл в режим эксперимента. Да чёрт с ними, с вещами и оборудованием: всё это вспомогательная дребедень, обойдёмся своими силами.

Полковник Егоза поостыл, ткнул ногой ворох тряпок из «Прогресса». Все с интересом глядели как он брезгливо поднял двумя пальцами нечто, и оно безжизненно обвисло в его руках на манер бродяжьего рубища. Он взялся за другую тряпку. То же самое. Космонавты последовали примеру ко-

мандира, и скоро у всех в руках были эти поношенные тоги. На полу теперь лежал лишь длинный посох с изогнутой сучковатой ручкой.

Молчание длилось долго.

– Как это понимать? – полковник егоза поднял глаза на Крыжа. Гаденькая мыслишка шевельнулась в душе командира. – Ты, врач, причём врач самого Монарха в недалёком прошлом, с самого начала знал о подвохе? Это входит в программу эксперимента?

– Да ничего я не знаю! – вспыхнул Крыж. – Я только знаю, что о времени участники эксперимента должны через полчаса быть в научном отсеке. Давайте успокоимся и станем вести себя так, как предписано учёными.

– Успокоимся... – пробурчал командир и опустился в кресло. – А почему этих драных хитонов только тринадцать? Я не в счёт, что ли? Мало ли, что участвую в эксперименте! Хорошо, друзья, с этой минуты командир у вас врач Крыж. Приступим к работе, помоляся!..

К

Полковник Крыж пропустил перед собой в люк экспериментального отсека всех двенадцать участников. Вошёл сам и заdraил за собой переходной люк.

Полковник Егоза со своего командирского пульта начал разворачивать комплекс в исходную позицию. На секунду блиставшее прямо в глаза солнце затмил силуэт мёртвого «Курска». Полковник с отчаянной решимостью нажал кнопку радиовызова «Курска» и услышал ответ. Но в эту секунду на приборной доске цокнул сигнал научного отсека, готового к обратному отсчёту времени до эксперимента. Полковник вставил ключ в отверстие и решительно повернул его.

И... ничего не произошло. Комплекс плыл как раз над Европой. Егоза хорошо видел внизу береговой обреза Средизем-

ного моря, потом словно под нож ему ушёл Париж, как торт, разрезанный тонкими линиями улиц. Скоро из-за горизонта выплыла Прага, спустя минуту полковник узнал родной Киев. Над планетой густо летали самолёты, и отсюда почему-то особенно различимы были не они сами, а турбулентные завихрения за их хвостами. Словно мелкие буравчики вворачивались в воздух, но орбитальный комплекс быстро обгонял их, и казалось, что самолёты просто свободно висят над Землёй.

Всё как всегда. Лишь непривычно гнетущая тишина эфира да этот загадочный «Курск» за бортом. Уже над тибетским плоскогорьем под собой увидел остатки последней американской орбитальной станции, почти год сходившей с орбиты. Скоро она сгорит в атмосфере, и в мире не останется ничего от совсем ещё недавно самой могущественной державы – США. Да и выгоревший на солнце Китай тоже давно отказался от космоса. Почти все десять миллиардов его ртов сейчас незаконно жили в русской Сибири, сделав край самым густонаселённым на планете. Им уже не хватало капусты и брюквы, которую выращивали на Новой Земле, и Егоза, пожалуй, впервой преклонился перед талантом академика Молчанова, придумавшего этот небывалый эксперимент. Если он удастся, то уже через пару десятков лет на Земле всё вернется «на круги своя», и в родном Киеве можно будет выкорчевать все пальмы и опять разводить каштаны.

«Дивногорье» величественно проплывало над Тихим океаном. Сейчас, как знал полковник, внизу появятся каменные громады пустых городов запада Америки, потом он увидит Чикаго и пройдёт над знойным и громадным Мемфисом. Воон, уже показались хребты Кордельеров.

Судя по времени, можно поговорить с экспериментальным отсеком. Егоза включил связь.

- Полковник Крыж!
- Здесь.
- Живы – здоровы?

– Вашими молитвами. Установку включил согласно инструкции две минуты назад. Если Молчанов всё верно рассчитал, то холодный воздух средневековья уже хлынул в тропики. Мы сумели открыть этот канал, командир. Сейчас посмотрим, как изменится планета.

– Да уж, – согласился командир. – Там, за хребтом, штат Юта. Это сегодня – почти пустыня. Командир смотрел в люк, ожидая появления привычного городского пейзажа. Но...

– Крыж, я не ослеп?

– Командир. Я тоже не вижу привычной Юты... А где Чикаго, где громадный город Чикаго?! Только голая степь.

– Зеленая степь, Крыж! Никакой пустыни!

– Да, но ведь и ни одного города внизу... Кстати, на самом краешке горизонта какое-то поселение. Видите, командир?

Егоза пересел к оку телескопа, повернул его и ахнул.

– Индейцы... вигвамы... Кино снимают никак?

«Дивногорье» в безмолвии экипажа проплыл над сушей ещё несколько минут. Все видели, что суша совершенно изменилась.

– Командир, по расписанию над Атлантикой мы выходим из эксперимента. Мне кажется, что мы и так напустили на Землю такого холода, что там всё изменилось.

– Да, конечно, – согласился командир. – Отрывайте люки, давайте соединяться в командирском отсеке. Тем более интересно посмотреть, что же стало с Сахарой.

Скоро полковник Крыж был у командирского пульта. Они посмотрели на циферблат часов. До связи с ЦУПом оставалось четыре минуты. Связь включили.

В эфире стояла полная тишина. Планка настройки пробежалась по шкале, но «Дивногорье» не услышало ни одного космического соседа, ни одной наземной станции.

– Пётр Семенович, – попросил полковник майора Веретенникова, – оставьте, наконец, своего Панаева! Вы радист, поколдуйте-ка у приёмников.

Майор отложил книгу и пробежался пальцами по клавишам настройки. Глазами указал на часы: время связи с ЦУПом, Егоза склонился над микрофонами и внятно сказал:

– Я «Дивногорье», я «Дивногорье», эксперимент завершён. Вы слышите нас?

Земля ответила гробовым молчанием. Хотя все понимали – приёмники исправны. Над Азорскими островами бушевала гроза, и её разряды сухо отдавались в динамиках станции.

Глянули на Землю. С Сахарой всё было в порядке – ярко-жёлтая пустыня. А вот Египет отдавал буйной зеленью, и только пирамиды одиночно торчали в долине Нила, в некогда густозастроенном краю.

На Святой Земле сверху тоже ничего не было заметно. Лишь увеличив картинку, различили жалкие постройки с плоскими крышами, небольшую группку хижин на месте Иерусалима и совершенно почти незаселённое иранское нагорье.

Слово «катастрофа» было произнесено на борту лишь когда экипаж убедился, что в космосе нет больше ни одного искусственного объекта. «Дивногорье» было тут в полном одиночестве, как соринка в глазу Господа. Экипаж скоро понял свою обречённость. Подполковник Вениамин Юдин, в прошлом историк, горько подытожил:

– Поздравляю вас, господа: мы с этим экспериментом вывалились в средневековье – в лучшем случае. Хотя, судя по тому, что на месте Ташкента мы видим лишь одиночные постройки без продуманной планировки, я думаю: на Земле у нас где-то перелом нашей и не нашей эр. Видимо, самое начало первого тысячелетия.

– От Рождества Христова? – машинально спросил Егоза и тут же добавил: – Нас слишком много на корабле, чтобы прожить тут долго. Просил ведь не увеличивать экипаж!

– Всё равно долго не протянули бы, – успокоил Крыж и сказал: – У нас есть спускаемый аппарат на двенадцать чело-

век. Если выкинуть какое-нибудь оборудование, опуститься смогут тринадцать. Нас четырнадцать. Один останется на орбите, а остальные на Земле – и прокормимся. Но время что-нибудь придумать ещё есть.

Унылое молчание скрасили обычным обедом, хотя ели теперь всё до последней крошки. Мозги у всех скрипели на пределе, и люди лишь морщились, когда из-за громады мёртвого «Курска» за иллюминаторами внезапно выскакивало солнце, враз помолодевшее на две тысячи лет.

Л

Тревога на земле достигла предела, когда все ясно поняли: «Дивногорье» и безмолвный «Курск» бесследно исчезли с орбиты. Все радиостанции мира на разные лады пытались обнаружить космические объекты, но эфир не выдавал вызывных экспериментаторов.

– Может быть, – спрашивал Монарх Молчанова в прямом эфире, – так должно быть? Может, они находятся во временном канале, через который вот-вот хлынет оздоровительный холод?..

– Я не знаю, – честно признался учёный, и ложечка в его стакане предательски звенела. Точно так же, как в минуты недавнего торжества учёного.

Все метеорологические станции планеты до сотых долей градуса измеряли температуру, но она показывала, что тепло прибывает по прогрессирующей, хотя замечены отдалённые признаки того, что внешняя оболочка атмосферы нагреваться перестала. Монарх, враз постаревший и ссутулившийся, сказал на всю планету:

– Я признаю крах эксперимента и потому подаю в отставку. Пусть всё завершается по воле Божией.

Это вызвало в мире ещё больший хаос. Пограничные части, до того ещё державшие границы России, теперь оставили

позиции. Яхты самых влиятельных людей мира прорывались сквозь почти огненный пояс экватора к Антарктиде, где обосновались остатки Соединенных Штатов Америки. Каждая сотка сопки на земле Франца-Иосифа стоила теперь не денег, а жизнью тех, кто не успел перебраться на север, где на самом полюсе русский авианосец «Святой Георгий» с несколькими учёными Звёздного городка.

Все видели, что Земля задыхается и умирает.

И единственной надеждой её оставался теперь... нет, не канувшее «Дивногорье» и не затерянный в пространстве «Вавилон».

Ночью бывший Монарх почувствовал, что умирает. Он хотел позвать жену и уже потянулся к кнопке звонка, но рука коснулась трубки неожиданно зазвонившего зелёного аппарата. За пятидесятилетнюю бытность у власти Монарх ни разу не поднимал этой трубки. И теперь она показалась ему приятно прохладной, и он почувствовал прилив сил:

Голос был ровный, без нажима и укора:

– Владислав Мефодьевич, как же вы так опростоволосились с экспедицией?

Ужас сковал члены Монарха, и он несколько мгновений не мог прийти в себя. Ужасно было не только то, что заговорил зелёный аппарат, а то, что заговорил он страшно знакомым голосом. Монарх прокашлялся и прохрипел в трубку:

– Ос... кх-кх... осечка вышла, Господи! Что-то недорасчитали.

– Да у вас всегда так, – отозвалась трубка, и опять от звуков знакомого голоса у монарха по телу пробежали мурашки. – Хотите как лучше, а получается, как всегда.

– Но ведь мы старались. Старались спасти Землю! Тут допустимы непредвиденные ошибки.

– Нет! – категорически ответила трубка. – Это не ошибка. Вы две тысячи лет всё делаете наобум, через пень колоду. Потому и загнали Землю в такую ситуацию, из какой не ви-

дите выхода. Дьявол вас водит за руку, а слово Истина застил золотой идол. Вы изначально стали на кривую дорожку, распяв две тысячи лет не того, кто пришёл искупить ваши грехи.

– Как не того? – опешил монарх.

– А как вы сейчас решились вторгнуться в механизм мироздания? У вас же всё так: ложный спасатель кричит: «Я вижу берег!» – и вы толпой бросаетесь за ним в пучину. Другой идиот кричит: «Распни его!» – и вы вешаете на крест первого попавшегося.

– Так меня на свете две тысячи лет назад ещё не было!

– Не было? – язвительно потянул голос, и его знакомые нотки словно сковали члены Монарха. – А я полагал, что до вас лично хотя бы к старости дошло понимание того, что человек всевременен. Вы изначально богоподобны, Владислав Мефодьевич, и потому наравне с Богом обязаны отвечать за всё, творимое вокруг независимо от времени. Или вы подумайте, что за эксперимент с «Дивногорьем», за глумление над временем и природой с вас не спросится? Увы, я с вас лично, как и с прародителя Адама, всё спрошу.

– Так что же делать?

– Не знаю!..

Помолчали, молчание это тоже напоминало Монарху присутствие в комнате очень знакомого человека. А тут ещё запахи медицинских склянок, блик настольной лампы. Монарх словно почувствовал недавнее присутствие в спальне доктора. И опять голос, этот знакомый равнодушный голос:

– Хорошо, я вмещаюсь, хотя мне за это может влететь от Отца. Вам же теперь остаётся лишь молиться и не мешать ходу событий.

И Монарх забыл о том, что собрался умирать. И когда на том конце провода словно по привычке спросили: «Как нынче самочувствие, Владислав Мефодьевич?», Монарх узнал голос собеседника.

Это был голос его недавнего персонального врача, а ныне участника эксперимента Эммануила Крыжа.

М

Когда на «Дивногорье» закончилась вода, решение экипаж уже принял: тринадцать человек опускаются на Землю, один остаётся на орбите. Этим одним и по личному желанию, и по жребию стал полковник Иван Егоза. Он отправлял друзей вниз. А сам до окончания дней оставался Робинзоном пустой орбиты. Ну а поскольку на Земле был первый век христианской веры, то экипаж, как экипировку, взял с собой в спускаемую капсулу и злополучные хитоны из «Прогресса». Эммануил Крыж втянул за собой ещё и посох, и экипаж задрал изнутри люк спускаемого аппарата.

Скорее машинально, чем соображая что-то, обречённый Егоза дал команду на спуск, и капсула мягко откололась от орбитального комплекса. Егоза следил за её падением долго, пока она перегоревшей звёздочкой не исчезла где-то над Синайским полуостровом.

И тогда командир раскупорил бутылку коньяка. Включил диск с народной песней лихого «Камаринского мужика» и перевёл звук на мощный передатчик станции. Потом через горлышко выпил всю бутылку и, уже засыпая, уронил посудину себе под ноги, прямо у командирского кресла.

Он спал долго и не видел, как на пульте дальней связи снова и снова высвечивался вызов на разговор. Он спал пьяный, а невидимый абонент с настойчивостью автомата вызывал «Дивногорье».

В ответ на «Вавилоне», за пределами Солнечной системы, слышали только залихватское:

– Ах, ты, сукин сын, комаринский мужик,
Он бежит себе, по улице бежит,
Он бежит, бежит, по...ердывает,
Рубашонку поддёргивает.

Н

– Каковы! – оглядел Крыж товарищей, когда они, скинув комбинезоны, облачились в свои хитоны. Сам Крыж взял посох и сказал: – Друзья мои, идём к Иерусалиму. Я думаю, в дорожном рубище мы не обратим на себя особого внимания.

Из парашютного судна сделали себе торбы, набили их консервами и двинулись на восток. Впереди полковник Крыж с посохом. За ним – майор Веретенников, с зелёной книгой под мышкой, дальше все остальные.

Через неделю пастух на склоне холма под Иерусалимом увидел странную вереницу людей в дорожном платье. Вечерний сумрак не позволил пастуху разглядеть их получше, но он знал, что где-то поблизости бродит именуемый себя Царем Иудейским Иисус и двенадцать его учеников. Пастух знал, что в пасхальный день город приготовился к почестям встречать Иисуса.

Ещё пастух знал, что за поимку Иисуса прокуратор Понтий Пилат обещал хорошую награду. Не далее как сегодня утром отец говорил пастуху:

– Мордохей, ежели таки увидишь в пригороде ту святую шайку, так сразу шепни мне. Я уже присмотрел новую отару у пройдохи-мытаря и сразу куплю её с тех прокураторских денег. Да не зевай, дурак, пока другие не перехватили халяву!

Позабыв про отару, пастух двинулся вслед за путниками и проследил их до самой двери полуразваленной хижины. В щели между камнями стены он увидел, как пришельцы поскидывали дорожные мешки. «Значит, вечерять собрались», подумал он и побежал в город, к отцовскому дому.

О

Путники расположились на ночлег в заброшенном полуразваленном хлеву. Вениамин Юдин из складок хитона достал складной нож и вспорол четыре банки консервов.

– Пищу надо беречь, – он облизал лезвие и наколот на него коричневый кусочек тушёнки. Съел с аппетитом и, когда к ужину приступили все, спросил у Крыжа:

– И что дальше, командир? Так до окончания дней будем бродить по Палестине? Мы, люди, наделённые знаниями двух тысячелетий, не сможем найти возможность вернуться в своё время и на своё «Дивногорье»?

Крыж отхлебнул из пластикового пакета манговый сок, завинтил крышечку и сунул банку в мешок. Он отер уже достаточно выросшие усы и бороду и ответил:

– Не бередите мне рану, подполковник. Я иногда думаю, что всё происходящее – нелепый сон. Впрочем, как и вся наша авантюра с изменением климата. Мир, космос – это творение Бога, а мы попытались поправить мироздание. И вот результат!

– «Кто сеял зло – себя не утешай: неотвратим твой страшный урожай», – продекламировал вдруг Петр Веретенников, захлопывая зелёную книгу, и пояснил: – В механизм мироздания мы вторглись уже тогда, когда наш предок первый раз использовал каменный топор, а потом пошло-поехало: станки, машины, ракеты, фреон, Нобелевские премии, летание на манер ангелов, – и мы до неузнаваемости искорёжили замысел Божий. Тут неудивительно, что время прогнулось, и мы вывалились в его воронку, как слепые детёныши из чрева цивилизации.

– Это как раз и понятно, – поднял руку подполковник Юдин. – Но как вести себя дальше? Мы за неделю пути избежали встреч с местными жителями, но так продолжаться долго не может. Кто помнит, на каком языке говорит здешний мир? Как мы законтактируем с его обитателями?

– Тут всё более-менее ясно, – командир подложил мешок под голову и прилёг, блаженно вытянув ноги. – И евреи, и арабы говорят сейчас по-арамейски. Я сам – польский еврей, и потому вполне смогу изъясняться с местным населением...

И потом, господа, мне кажется, наши разговоры ни к чему не приведут, пока там, на «Дивногорье», командир не придумает, как вернуть нас в наш XXI век, а посему предлагают спать и ждать, когда зазвонит мой мобильный телефон, что связывает нас со станцией. Тушите фонарь, подполковник.

И они заснули. И лишь звёзды, колотым сахаром сверкавшие в небе, видели, что на противоположной стороне холма, в такой же хижине, в это время ужинали ещё тринадцать человек. Они тоже были в хитонах, бородах, и среди них был некто с посохом, зеркально похожий на полковника Крыжа.

И волей случая стало так, что стайка людей из города, предводительствуемая пастухом Мордохеем, напала на то строение, где отдыхали наши космонавты. Их встряхнули сонных, повязали им руки под локоть, майору Петру сунули его книгу. И погнали к городским воротам.

П

Иерусалим принимал многочисленных паломников по случаю Пасхи. Они ручейками стекались с предгорий и долин, и римская стража у ворот пропускала беспрепятственно всех, кто спешил на праздник. Громадный центурион в медных доспехах и с изуродованным лицом, равнодушно следил за тем, как толпа горожан высыпала навстречу верующим, и скоро тут, у ворот, образовалось несметное сборище.

– Грядет Иисус, Царь Иудейский, – кричали они, и даже не заметили наших пленников, окружённых группой захвативших их фарисеев. И пока город ликовал в ожидании Учителя, полковника и его людей провели прямо к прокуратору.

Понтий Пилат, по описанию точно такой, каким увидел его ещё писатель Михаил Булгаков, встретил пленников на террасе своего роскошного дворца. Пощипывая между ушей громадную собаку, он коротко спросил у стоящего чуть в сторонке от товарищей Вениамина Юдина:

– Ты учитель этих людей?

Юдин, ничего не понявший, покрутил головой и развел руками. Странник из-за стены больно ударил его рукояткой меча между лопаток, и подполковник упал прямо к ногам своего командира. Тогда Пилат обратился к полковнику:

– Твоё имя, странник?

– Меня зовут Эммануил.

И тот час же из-за спины стоящего поодаль первосвященника выскочил толкователь Писания и быстро заговорил, изгибаясь перед сановником:

– Всё сходится, прокуратор! Ибо пророк Исайя ещё триста лет назад писал: родится от Девы некто именем Эммануил и будет он править миром. Этот человек, прокуратор, – прямая угроза власти кесаря. Распни его!

– Распни его! – крикнули все первосвященники и иудеи, стоявшие на террасе и поодаль.

– Распни его! – словно подстрекаемая кем-то, рывкнула на улице толпа, скоро весь город каждым строением и каждым кварталом кричал:

– Распни его!

...И тут весь ужас происходящего дошёл до полковника Крыжа. И тоже вспомнил он приведённые толкователем строки Библии. И понял, что Иерусалим принимает его за Иисуса Христа, и осознал, какой конец ему уготован.

– Но я не Иисус! – прокричал он, сопротивляясь стражникам, который по мановению прокуратора поставили на колени его и людей, – вы совершаете роковую ошибку.

– А кто спорит! Ты не Иисус, ты Эммануил, и как раз ты нам нужен. Вернее, совсем не нужен. Распять его! – гаркнул теперь прокуратор, и Крыжа выхватили из толпы космонавтов.

Его повели по городу, и толпа кидала в него камни. Он шёл мимо группы путников из тринадцати человек и ослика при них, которые с недоумением глядели на происходящее.

И с пронзительной сердечной болью Крыж увидел среди них одного, лицом зеркально похожего на себя. Он хотел крикнуть, что видит настоящего мессию, но опять получил удар в спину и завалился на мостовую.

Его, одинокого, кинули на подстилку в темницу, развязали руки и дали плошку с похлёбкой. Крыж с трудом понимал происходящее, и в этом бредовом настоящем он с трудом уловил зуммер своего сотового телефона. Не веря себе, Крыж разбитой в кровь ладонью прижал аппарат к уху:

– Эммануил Иосифович! Ну, слава Богу, – до боли знакомый голос полковника Егозы звучал для пленника небесной музыкой. – А я звоню-звоню!

– Полковник! – закричал Крыж, подпрыгнув от радости. – Спасайте меня, иначе полный каюк!

И Крыж выложил Егозе всё о сложившейся ситуации. Егоза переваривал информацию не больше минуты.

– А экипаж где?

– Не знаю. Боюсь, что товарищей больше не увижу.

Егоза мягко кашлянул в микрофон и сказал:

– Значит, согласно Писанию, тебя распнут сегодня на кресте. Ну то, что проткнут гвоздями руки, – это излечимо. Плохо то, что стражник вонзит копьё в сердце. Но вы же врач, крыж, придумайте что-нибудь на этот случай. Откажитесь от чаши, всё равно она с уксусом будет. Словом, выкручивайтесь. А когда вас перенесут в пещеру, как покойника, я и опущусь рядом на «Курске» – я нашёл исправный двухместный аппарат для взлёта и посадки, за сутки подготовлю его к полету. Словом, не робей, казак, атаманом будешь. До связи, береги батарейки телефона.

Крыж спрятал аппарат в складки хитона. И принялся с аппетитом хлебать из плошки, потому что силы ему были нужны перенести грядущие Христовы муки.

Напрасно Иуда из Кариот распинался перед прокуратором, доказывая, что стражники взяли к распятию совсем не того, кого надо. Прокуратор, сидя за столом из большой мраморной плиты, высасывал мозг из берцовой коровьей кости и пятый раз повторял одно и то же:

– Твоего учителя зовут Иисус?.. Ну а мы взяли Эммануила. Ты читал пророка Исаяю? Он же не глупее тебя был, урка ты иерусалимская. Получил свои тридцать монет серебром – и молчи в тряпочку, пока самого не забили камнями... Центурион! Распят ли уже в числе разбойников некто именем Эммануил?

– Да за милую душу, игемон! Чудак он превеликий: я ему вместо уксусу чашу с вином подавал – так он отказался. Ну пришлось ткнуть ему копьём под сосок. Вроде успокоился, бедолага.

– Вроде или точно?

– Да точно, игемон. Там его ещё эти бабы беспутные омыли, в пещеру на плоском нагорье определили. В воскресенье и схоронят новопреставленного Эммануила.

И центурион ловко подхватив брошенную ему кость, всосался в неё с другой стороны.

Иуда понуро вышел вон. Он проскользнул по улице мимо увитой плющом каменной стены и вошёл в полутёмную комнату неприметной каменной хижины. Учтиво поклонился хозяину – человеку в чёрной тоге с малиновым поясом. Тот пронзительно глянул на Иуду и гулко расхохотался:

– Что, брат Иуда, вся Библия к чёрту! Не того, говоришь, распяли? Ну попробую исправить оплошность иудеев.

И хозяин поднял трубку ярко-лилового аппарата, что стоял на малахитовой подставке прямо у кресла чёрного человека в тоге:

– Спишь, Владислав Мефодьевич? – спросил он и, при-

крыв трубку рукой, ладонью велел Иуде выйти за порог. – Ладно, не сопи так – самому тошно, – услышал Иуда, с пустой головой выходя на улицу. Чёрный говорил в трубку и видел в дверной проём спину Иуды, который двинулся к Гефсиманскому саду.

С

Крыж очнулся от того, что кто-то тербил его за плечо. Обвёл болезненным взглядом своды пещеры и сел со стоном. Рядом стоял некто, как две капли похожий на самого полковника. В таком же хитоне, с бородой и измождённым лицом. Это его Крыж со спутниками видел накануне подъезжающим к Иерусалиму на ослике. – Ты Иисус? – стараясь сдержать боль в груди, спросил полковник.

– Да, я Иисус, – ответил тог голосом самого Крыжа и мягко улыбнулся: – Бывают же такие совпадения. Ты, полковник, на все сто процентов создан по образу и подобию Божию.

– За то и страдаю?

– Разве это страдание, полковник! Представь себе, какие страдания предстоят мне на ближайшие две тысячи лет, ведь из-за тебя все на Земле пойдёт через пень-колоду.

– Так я ведь не просил меня распинать, – скривился от боли Крыж. – И ты хорош, Боже, не мог объяснить Пилату, кто есть кто!

Иисус опять горько улыбнулся:

– Как ему объяснить, что пророк Исая ошибся, нарекая меня Эммануилом? Не внял прокуратор моим доводам, хотя я долго с ним беседовал, давеча хворь головную с него снял.

– Кстати, Иисус, – полковник с трудом прислонился к стене, – я хоть тоже врач, но так сразу излечить проткнутое центурионом сердце не могу. Сделай милость, вылечи.

– Это сколько угодно, согласился Господь, и по груди полковника враз растекалось щемящее тепло.

– Ого! – восхитился космонавт. – Земным врачам до подобных эффектов ещё очень далеко.

Иисус подобрал под себя хитон, сел рядом:

– Я надену тебя небывалым искусством врачевания. Ты поднимешь на ноги Монарха и станешь главным врачом Земли.

– Небось, взамен попросишь что-нибудь этакое?

– Всего лишь твою телефонную трубку.

– Зачем? – насторожился Крыж.

– Монарху позвоню. Путь помогает этот узел с моим распятием распутать.

Крыж сунул руку за отворот хитона и остановился:

– А... что скажешь Монарху? Он ведь в конце XXI века живёт, а мы тут, в самом первом. Поймёт ли? Вот, отлично, я окончательно запутался. Да и времени у меня осталось с гулькин нос: ближе к вечеру на плато опустится ракета за мной – полечу к себе на орбиту. Там ведь какая штука приключилась, в космосе-то...

– Знаю, всё знаю, полковник. Это ведь я в «Прогресс» поместил ветхую одежонку. И на «Курске» всех погрузил в ледтаргию, а спускаемый аппарат приготовил для того, чтобы Егоза прислал его за тобой. Всё это я.

– Так какого рожна? – возмутился Крыж. – Выходит, ты помогал нам провести эксперимент, а теперь ноешь, что распяли не тебя! Не помогал бы!

Христос потёр виски:

– Вольно тебе рассуждать, полковник! Это ведь дьявол подвинул вас на опыты с природой и временем. Я лишь старался уменьшить последствия его вмешательства в дела землян. Все ведь вы – Мои дети – и умершие, и живущие ныне, и те, кто только ещё стоит на пороге жизни. И вот для того, чтобы не было необходимости в таких дерзких экспериментах, Я должен принять распятие на кресте. Я открою тебе, полковник, одну из тайн мироздания, и пусть это останется

между нами, в любом случае... Человек ведь богоподобен, и тут, на Земле, Творец раскрывает ваше человеческое естество. А после смерти каждый из вас обретет естество Божье. Слушай же внимательно, полковник! Дело всё в том, что в немыслимо далёкие времена Я тоже был простым человеком в запредельном отсюда мире людей. И пока не умер, не знал, что для каждого человека Бог-отец в управление на вечные времена определяет отдельный уголок Вселенной. Мне вот досталась Земля с окрестностями. И согласно Промыслу Творца, в каждом таком уголке его новый хозяин строит жизнь по Своему умению и усмотрению. Ну, скажем, у вчерашнего учёного на планете нет неучей, всё на грани фантастики. А у бандита в человеческой жизни на планете – постоянные войны и кипучая злоба. И каждый из вас, живущих ныне на Земле, в новой жизни тоже станет Богом и получит в правление свою планету. У тебя, Крыж, ещё всё впереди, и на своей планете ты сможешь, как врач, победить смерть и страдания, а эта планета – Моя, и распят тут должен быть Я.

До сознания Крыжа доходило медленно:

– Получается, что я сел на чужой трон? И до самого моего настоящего рождения в XXI веке всё на Земле будет течь, происходя из моего скверного еврейского характера?! Склоки и чинодральство, зависть и, слава Богу, любовь – всеми моими пороками и достоинствами две тысячи лет будет жизнь планета?.. Не-е-т!!! – взревел Крыж. – Я не готов, Господи, избави меня от этого тяжкого труда! Вот мой телефон и делай что хочешь!

Иисус бегло поклевал пальцем по наборному ряду и мягко спросил:

– Владислав Мефодьевич, как же вы так опростоволосились с экспедицией?

Иисус говорил, но ухо Крыжа уже коснулся гул, исходящий с неба. Полковник с трудом откатил камень и выполз из пещеры.

На ровную тарелочку горного откоса мягко опускался модуль орбитального конгломерата «Курск». Скоро он завис над площадкой, пламя двигателей опалило бороду и брови Крыжа. Через минуту рёв двигателя смолк, и из люка прямо в объятия Эммануила вывалился полуглухой полковник Егоза. Крыж поцеловал его и пытался рассказать о пережитом, но Егоза показывал на уши и кричал при этом:

– Быстрый спуск, уши заложило, полковник. Давайте быстрее в машину – Монарх ждёт твоего возвращения. А ребят из экипажа мы следующим разом заберём, пусть пока среди людей поработают, сеют разумное и вечное. Сейчас всё равно у меня модуль двухместный.

И Егоза вдруг замолчал, увидев у лаза пещеры ещё одного Крыжа. У полковника даже челюсть отвисла:

– Это... кто?

Человек отступил от пещеры, подал телефонную трубку Крыжу и слегка коснулся головы Егозы. Боль в ушах сразу прошла, и командир услышал голос двойника Крыжа:

– Монарх со мной согласен. Мы поступим теперь так: я верну весь ваш экипаж к моменту начала эксперимента, и вы откажитесь от опыта. Взамен буду распят я – и всё пойдёт по Писанию.

Полковнику Егозе долго пришлось осмысливать происходящее и сказанное. Но он возразил Иисусу:

– Заманчиво твоё предложение, Господи! Но ведь эксперимент наш затеян не ради самого эксперимента, а ради спасения жизни на Земле. И уже сейчас датчики на «Дивногорье» показывают общее снижение температуры на планете. Холод средневековья хлынул-таки во временной канал, подавленный нашими усилиями. Эксперимент удался, Господи! А согласиться с тобой – значит, вернуться к исходной точке. Тогда всё погибнет. Или это задумано на заре нашей эры именно Тобой? Если так, то пусть уж лучше распятым останется Крыж: в его исполнении Евангелие выглядит более обнадеживающим.

– Да не от него это Евангелие – от лукавого! – воскликнул Христос. – Это происками дьявола на Земле возник парниковый эффект, как вы его называете. Ведь ваша нефть – это кровь дьявола. А вы постоянно жжёте её, веселите нечистого. Я вам сказал «не убий», а вы сделали убийство обыденным и массовым зрелищем. Я сказал вам «не укради», а вы походя тырили друг у друга всё, начиная от булавок и кончая атомными технологиями. Я сказал вам «есть один Бог и не сотвори себе кумира», а вы молитесь мамоне, и основанием почти всякому делу у вас стали побуждения дьявола. Вы отказались принять Мои заповеди – и я же виноват! Хорошенькое дело – два последующих тысячелетия в церквах будут петь славу Эммануилу Крыжу, а виноват я, Иисус?

Полковник Егоза окончательно пришёл в себя, достал из комбинезона длинную тоненькую папироску. Закурил. Предложил из пачки собеседникам. Иисус скорчил гримасу, Крыж коротко кинул:

– Уже отвык, – но сигарету взял. С удовольствием раскурил её.

– Так может, – заговорил Егоза, – в мире, где Богом станет Крыж, и не возникнет никакого парникового эффекта? И пусть, в конце концов, наш бывший христианский мир погибнет. Но зато уже народился новый мир Эммануила?

Иисус скорбно поглядел на Егозу:

– Ты хорошо знаешь Крыжа, полковник? Представь себе мир, устроенный по его образу и подобию. Он будет счастливым и простоит две тысячи лет?

Егоза придавил окурочку о камень и коротко выругался.

– Извини, Господи, и подумать страшно. Он же из тюбиков самое вкусное втихомолку от друзей жрёт. А хвостун и враль какой! Уж я точно в мире Крыжа жить не согласен. Простите меня, Эммануил Иосифович, лучше испариться в духоте, чем ходить под вами.

Крыж рассмеялся, и эхо гулко тюкнулось о горы, многократно возвращаясь к собеседникам.

– Ты уж потише, – попросил Иисус, – а то стражники спохватятся – улететь не дадут, завалят вашу ракету. Впрочем, я вижу движение в долине: тот, кто затеял ваш эксперимент, – уже спешит сюда с разъярённой толпой фарисеев. Решайтесь скорее: ваше согласие – и через минуту я сотворю чудо: все вы в прошлом летите в своём «Дивногорье», только ещё собираясь начать опыт. Вся команда в сборе, на Земле – несносная жара, а из провалов космоса отзывается почти пропавший «Вавилон».

– Я не согласен, – твёрдо сказал Егоза.

– Но ведь только что... – начал Иисус, но Егоза перебил:

– Я пошутил, мне сваренную вкрутую Землю жалко.

– И я не согласен, – сказал Крыж. – Я как стану Богом – сумею скрутить руки Лукавому, никакого парникового эффекта не будет.

Уже хорошо видимые, по освещённому заходящими лучами склона, в гору торопились люди с дубинами и камнями.

– Вы не дослушали, – почти крикнул Иисус. – С межзвёздного корабля «Вавилон» вам передадут формулу газа, полученного на краю Ойкумены, с той планеты, где я прежде жил простым человеком. Этот газ легко воспроизвести в земных условиях и в три недели очистить атмосферу... Решайтесь, полковники!

Егоза и Крыж взяли друг друга за руки и в один голос сказали:

– Мы согласны. Пусть всё будет по слову твоему, Господи!

Т

...Полковник Егоза оторвал голову от доски приборов и недоуменно посмотрел на пустую бутылку на полу у своих ног.

– Эк меня развезло, – вслух произнёс он и уставился на диск заклинившего музыкального аппарата. И тут же, рядом,

увидел энергично и вроде бы как отчаянно мигавшую лампочку дальней связи. Не веря себе, полковник нажал тумблер и отчётливо, словно от стоящего рядом человека, услышал:

– Ну слава Богу, проснулись! Говорит «Вавилон»! Ваш мужик нас тут с ума свёл. Остановите вы его. У нас новость – ахнете! Готовы выслушать?

– Да! – коротко подтвердил Егоза.

– Тогда примите через нас немедленную команду Монарху на отказ от эксперимента, верните космонавтов из опытного блока в основной и запишите формулу газа. Этот газ спасёт Землю от парникового эффекта. Мы проверили уже в своих лабораториях – это почти кислород: безвредно и эффективно.

И приборы «Дивногорья» бесстрастно записали спасительную формулу. А на экран дисплея, ведущего запись, во все глаза глядели ещё не успевшие переодеться участники настоящего эксперимента.

Формула ушла на землю. И тут же с морского космодрома «Бирюч» последовала команда. Генерал Вигура велел разгрузить экспериментальный отсек и отстыковать от комплекса – громоздкое тело модуля лишало «Дивногорье» манёвра.

С шутками начали перетаскивать нужные приборы. Майор Петр Веретенников не забыл термосы с густым свежесваренным кофе и свою любимую книгу.

– Дался тебе этот Панаев! – засмеялся командир. – Уж лучше бы Евангелие читал.

А подполковник Вениамин Юдин поднял с пола ворох рванья:

– Хитоны нам нужны, апостолы?

Полковник Крыж в ответ легкомысленно махнул рукой:

– Оставьте рубища в модуле, пусть к Земле летят. Глядишь, кому-нибудь там ещё придутся по плечу!

*2002–2009 гг. от Рождества Христова,
г. Бирюч*

ПЛАВАЛИ – ЗНАЕМ

*Что тебе снится, крейсер «Аврора»,
В час, когда утро встаёт над Невой?
(из песни «Крейсер Аврора»,
автор стихов: М. Матусовский,
композитор: В. Шаинский)*

На хуторе его все звали – дед Флот. В моей памяти он остался высоким стариком с патриаршей белой бородой. Как сейчас вижу его на выгоне с большим посохом: дед пас гусей. Тогда ещё можно было расспросить его об истоках странного прозвища. Теперь же пришлось всё восстанавливать по архивным бумагам.

Итак, перенесёмся в начало века, в город Бирюч.

1

Дружный хохот за окном кабинета воинского начальника вынудил подполковника Семёнова выглянуть во двор. Там, в кругу рекрутов петухом ходил соломоволосый крестьянский парень — конопатый и длинный – и под собственные частушки выделывал крутые коленца.

– Меня мила хоронила

Под пуховую под шаль.

– Дорогая, дай пошарю,

– Дорогой, пошарь, пошарь!

Призывники, сплошь крестьянские сыновья, хлопали ладонями в такт и рвали воздух взрывами смеха. И вот уже, оттеснив урядника, в калитку присутствия потек ручей из родни и односельчан рекрутов. Малиново развернулись меха гармошки и тот, конопатый, теперь уже вплетая свой голос в переливы инструмента, вроде открыл второе дыхание:

– Шёл я лесом, шёл я низом,
У милашки нос карнизом,
Видно, батя был нахал,
Эх, по пьянке отстругал!

«Ишь, разошёлся, — с усмешкой подумал офицер. — Небось, дома при бате таких частушек не заводил бы. Сказать уряднику, чтоб осадил малость, а то ещё к чарке потянутся».

Подполковник потянулся к звонку, разлил по присутствию трель и вошедшему ротмистру, ведавшему призывом, велел:

– Принесите-ка мне формуляр на этого весельчака. И пусть он сам войдёт.

Через пару минут, развернув папку, Семёнов уже всё знал о рекруте. И для него уже не были открытием слова парня, когда тот, ещё горячий от пляски, стал у двери кабинета:

– Емельян Иванов, сын Синельников, барин... Чего надо-то?

Семёнов, сдерживая смех, оглядел его ладную, крепко сбитую фигуру, и сказал скорее сам себе, чем рекруту:

– Видимо, крестьянин Иван сыночка отстругал не по пьянке. На флот хочешь, деревня?

Емельян переступил с ноги на ногу, скрипнули половицы:

– Нам это ни к чему, барии... Хозяйство, понимаешь, завёл отдельное, женился анадьсь. С Ульяном Поздняковым две пары волов на два хозяйства купили... Не, нам хлот никак нельзя. Там же семь лет служить! Ты нас куда ни то запиши в пешую али конную часть, что б на пять лет... Волов, понимаешь, купили, хотели мельницу у общества отсудить.

Семёнов посерьёзней, поднялся, поправил пояс на кителе.

– Я тебе отныне не барин, а ваше высокоблагородие. И пойдёшь ты на флот, там тоже частушки любят. Кругом – марш!

Семён понуро развернулся, и уже у порога не выдержал, по привычке выдал скороговорку:

– Пачаму качану качанеть у чану? – недоуменно полупропел он. А Семёнов, глядя ему вслед, подумал:

«Ничего, парень, во флотском экипаже тебя быстро отучат от деревенского «пачаму». И, стукнув пером о дно чер-

нильницы, подполковник вывел в формуляре Емельяна: «В Балтийский гвардейский флотский экипаж».

2

Первый свой срок на гауптвахте матрос Емельян Синельников получил в тот день, когда давал присягу на верность государю императору.

Под гулкими сводами Исаакиевского собора молебствовал викарный архиерей, торжественно терялись в немыслимой высоте звуки молитвы, и все четыре тысячи моряков стояли со снятыми бескозырками, внимая словам архиерея. И в тот момент, когда архиерей делал передых, Емельяна словно чёрт дернул за полу новенького бушлата. Он раскрыл рот и вроде бы негромко выдал скороговорку:

– У попа ...опа пониже пупа.

Но прозвучали эти богохульные слова под куполом собора столь громко и отчётливо, что викарий на добрую минуту потерял дар речи. И все четыре тысячи моряков и гардемарин, почти не сдерживая хохота, зажали рты руками.

Командир крейсера «Аврора», капитан второго ранга Евгений Сергеевич Егорьев до побеления суставов сжал рукоятку кортика. Такого конфуза не случилось с его командой за всю долгую службу. И лишь только матросы оставили собор и построились в каре на служебном плацу, он без лишних слов сказал:

– Матросу Синельникову объявляю семь суток ареста за оскорбление духовного лица при исполнении им служебных обязанностей. А всей остальной команде проследовать в столовую на праздничный обед по случаю приобщения к братству российских моряков!

И пока команда крейсера «нажимала» в столовке на кулинарную новинку – макароны по-флотски – Емельян за железной дверью гауптвахты хлебал чай с сухарями. Но отсидел он всего четыре дня.

На пятый солдат-охранник в бескозырке с красными погонами отодвинул тяжёлый засов:

– Выходи строиться, сундук.

Солдаты откровенно недолюбливали моряков в гарнизоне, ответ, впрочем, получая тем же. Все флотские для сухопутных считались «сундуками», солдат же, в зависимости от войсковой части, моряки дразнили то «бобрами», то «холявами», то ещё хлеще. На этот раз Емельян, увидев на погоне солдата цифру «7», отвесил ему шуточный поклон:

– Спасибо за пристанище, хомут. Быть бобру не подобию драну, – одарил он охранника напоследок своей прибауткой и предстал пред грозным взором мичмана Зеленцова.

– Собирай пожитки, – коротко велел офицер, – завтра наш корабль уходит в плавание. Положенное досидишь в корабельном карцере, балагур чёртов.

И уже через несколько часов глядел Емельян Синельников в трюмный иллюминатор, как тяжёлые дымы от десятков кораблей стелются над зяблыми водами Балтики. Эскадра адмирала Рождественского вытягивалась в Финский залив, держа общее направление к расположенному на другом краю земского шара городу Порт-Артуру.

К вечеру первого дня плавания к командиру корабля Егорьеву в каюту заглянул старший помощник. Высокий, с аккуратной бородой капитан-лейтенант обескуражено сказал капитану:

– Чёрт-ее что, Евгений Сергеевич. Пора вино выдавать, но анкерок раскрывать некому! Баталёр наш, оказалось, в береговом лазарете остался, и заменить его нечем, и так боевое расписание едва прикрыли. Может, запросим у флагмана человека хотя бы на время похода?

У капитана совсем пропало настроение. Ведь с самого начала движения начались неприятности с «Авророй». Отшвартовываясь от причала, оборвали канат. Уже отплыли, как оказалось, что на борту нет ни одного комплекта сигнальных флажков. По оплошности старшего механика не сменили пресную воду в цистернах, и теперь до самой Дании придётся пить

тёплую, с привкусом керосина, влагу. Тут ещё мичман Зеленцов едва успел на трап с этим трепачом-матросом...

– Постоите, постоите, старпом! Незачем флагмана беспокоить. У нас есть лишний человек. В карцере сидит матрос, по фамилии Седалищев или что-то в этом роде. Ну-ка, поставьте его к нашему хозяйству, авось – справится, дело нехитрое при его лёгком характере. В походе и нужен такой баталёр, чтобы настроение поддерживал. Только не подпускай его к корабельному священнику, шельмеца!

И, глянув на макет Исаакиевского собора, укреплённый на столе, капитан рассмеялся на всю каюту.

А Емельян в это время сладко спал на голом, привинченном железному полу топчане в карцере корабля. Даже вернее так: в карцере Емельяна не было. А старался он, одетый в красную новую косоворотку, на общинном лугу под Верховососной, и сверкала в травах его коса: вжик, вжик! Арина в лёгкой летней понёве и светлой косыночке (сам к Великому воскресенью подарил!) раскладывала на широком рядне домашнюю снедь. Ошмёток сала с красными прослойками, кувшин топлёного молока, крупная нечищенная картошка, соль тусклыми кристаллами... И по всему лугу, насколько хватало глаз, женщины раскладывали своим косарям сплошь такие же обеды. Спиртного – казённого и домашнего – ни-ни! Мужики знали, что после водки любой из них не косарь. Звенели крупные слепни, накрепко прилипая к конским спинам, в светлом ключе стояла, едва шевеля хвостиком, мелкая рыбка. А июльское солнце, выцветшее, как стираная рубаха, совсем не двигалось, загоня людей под тень многочисленных кустов на лугу. Белые груди Арины, как тесто из дежи, выпирали за грань поневы, и Емельян воткнул косьё в упругую почву луга: обед в медовый месяц – это вам не только вкусный борщ!.. Чёрт, и не приласкать Арину, эвон в недалёком кустарнике глазки сверкают: от Ульяна Позднякова и тут не скроешься! Никак не примирится дружок с тем, что предпочла его девка Емельяну.

– Ну, я ему щас! – Емельян выломал из лозняка тонкий прут и кинулся к делянке дружка и компаньона...

Но тут сильная рука цепко рванула его за плечо и посадил на топчане. Мичман Зеленцов кулаком без перчатки, двинул Емельяна в скулу и велел:

– Марш к боцману, обормот! Не разговаривать!

Боцман, Савелий Кузьмич, служил в своей должности уже второй десяток лет. Крысу, как говорится, на этом деле съел. Он только глянул на Емельяна и сказал офицеру:

– Годится к баталёрному делу, ваше благородие. По роже вижу, что воровать не станет. Вот поднатаскаю его денька три-четыре, и лучшего тряпичника на всей «Авроре» не сыщете.

Боцман тоже подошёл к Емельяну, с минуту оглядывал его фигуру, а потом ни с того, ни с сего ка-ак двинет в скулу. Емельян прикусил язык, но устоял:

– Молоток! – Савелий Кузьмич потрепал его по плечу и крикнул своему помощнику: – Чарку новому баталёру Емельяну Синельникову.

Но Емельян сплюнул кровь в бухту пенькового каната и сказал:

– Не пью я, господин боцман. Батька не велит.

И юркнул в дверь орудийной беседки, куда его широким жестом пригласил Савелий Кузьмич.

4

Эскадра адмирала Рожественского шла на Дальний Восток вокруг Европы и Африки. И когда она уже телеграфировала, что минула Капштадт, в Морском министерстве спохватились, что при ушедших кораблях нет наград для господ офицеров и солдат за грядущую победу над супостатом. Донесли императору. Николай покусал ногти и распорядился награды к Порт-Артуру вести по железной дороге.

А при Капитуле российских орденов (случаются же такие совпадения!) уже ходил в денщиках у полковника Прохоровича наш старый знакомый – Ульян Поздняков. Повезло ему – на фронт не попал, и служить-то придётся всего пять лет. Он и ходил гоголем, твёрдо зная, что за два года разницы сумеет уломать Арину перейти в его семью от Синельниковых. Затмила очи солдату ревность, даже о двух парах совместных волов забывал...

Государь император лично вручил полковнику Прохоровичу четыре баула с орденами и несколько чехлов с золотым георгиевским и аннинским оружием. Наказал государь полковнику после морской победы перейти в подчинение к адмиралу Рожественскому и по справедливости наградить героев.

– И наказать нерадивых, – добавил царь. – Для чего надеяю вас прокурорскими функциями на время всей командировки на Дальний Восток.

Нелегко оказалось нести все четыре баула из пролётки в вагон поезда Николаевской железной дороги, но крепкий Ульян за один раз перетянул ещё и наградное оружие. Холодной апрельской ночью паровоз задышал белым паром, прокричал несколько раз, словно набираясь сил, и потянул за собой разноцветные вагоны курьерского состава. В зелёном спальном вагоне, как и положено денщику высокого начальника, у драгоценных баулов дремал нижний чин Ульян Поздняков. И снился ему луг за Верхососенском, и полногрудая Арина, у края зелёного приборя, над холстиной со снедью для своего Емельки.

5

На виду острова Мадагаскар эскадра погасила дымы. Оказалось, что угля здесь на складах размещено лишь по несколько десятков тонн на корабль.

– С ума сойти, – читал капитан сигнальные флажки на флагманском корабле. – Неужели правительство не могло заранее позаботиться о топливе?

Егорьев велел спускать шлюпку. На весло сел и Емельян, и лёгкая лодка заскользила по лазурному зеркалу вод. Приткнулись к борту флагмана, вслед за капитаном поднялись на серую громадину броненосца.

Вице-адмирал Зиновий Петрович Рожественский возлежал на шезлонге, под белым ажурным навесом. На столике перед адмиралом – тропическое фрукты и бутылки с тонким горлышком. Он поднялся навстречу Егорьеву, радушно распротёр руки:

– Рад приветствовать, Евгений Сергеевич! Знаю, знаю, – он протестующе замахал белой перчаткой, – мы тоже возмущены отсутствием угля. Но ведь на вашей «Авроре» это почти не отразится. Крейсер ведь вошёл в состав флота всего два года назад, его новые машины экономичны и надёжны. Вы и с таким запасом угля можете дойти до Малайзии. А каково калошам вроде «Осляби» или «Урала»? Да у меня три четверти эскадры способны только пожирать уголь, едва держась крейсерской скорости!

Он пригласил Егорьева к столику, денщик плеснул в высокие стаканы манговый сок.

– Вся беда в том, – говорил адмирал, и стоящий тут же навытяжку среди прочих Емельян Синельников слышал его слова, – что во всём здесь явно прослеживаются происки японцев. Они буквально перед нашим приходом на базу скупают почти весь уголь, оставляя нам запас лишь на несколько дней ходу. Они задерживают движение эскадры, но я не понимаю, зачем это делают? Ведь в их интересах скорее дать нам бой, чтобы закрепить свои победы у берегов Японии. Вам что-нибудь понятно, ведь вы окончили Морскую академию по артиллерийскому классу?

– Думаю, что да, – ответил капитан Егорьев, – Очевидно, что из-за активных боевых действий на море у орудий японских кораблей калибр снарядов перестал соответствовать размерам стволов. Адмирал Того теперь наверняка в спеш-

ном порядке и занят сейчас отливкой новых стволов корабельных орудий. На это нужно время, потому он и старается задержать нас в пути. Чтобы в Восточном море встретить нас новенькими артиллерийскими орудиями.

– Видимо, это так, – уныло согласился флагман и закончил: – А теперь извольте, Евгений Сергеевич, приготовить крейсер к учебным стрельбам. Пока броненосцы станут грузиться, прочим боевым кораблям подтвердить готовность к бою.

...И вот они вновь на «Авроре». Выстроившемуся вдоль правого борта экипажу капитан даёт задание:

— Прошу серьёзно отнестись к стрельбам. За призовое место обещаю дополнительную порцию водки. Разойтись по местам!

А там, в двадцати кабельтовых в сторону открытого моря, семь эсминцев уже выстроились в одну прямую. Взмах сигнальщика на флагмане и эсминцы зачали, уходя в море и волоча за собой по два деревянных щита-мишени. На «Авроре» всё притихло на минуту, и тут же, одновременно с другими, орудия крейсера начали дёргать хоботами, выплёскивая вместе с синим пламенем невидимые снаряды. Любопытные аборигены Мадагаскара с берега с интересом наблюдали, как вздыбилось море за эскадрой, и воздушная волна от выстрелов завалила на сторону сердито зашумевшие береговые пальмы.

Рассеялся дым, и Емельян заломил бескозырку, обескураженно глядя в море, где нетронутыми качались в волнах щиты-мишени.

– Матушка-заступница!.. Нашему бы теляти да волка съесть...

6

В Иркутске полковник Прохорович велел перецепить свой вагон от состава КВЖД к экспрессу на Владивосток.

– Порт-Артур вместе с полуостровом уже весь у японцев, – говорил он сопровождающим его людям, когда за окном проплывали сопки Прибайкалья. – Но эскадра Рождествен-

ского и Небогатова всё равно прорвётся к Владивостоку. Там и отметим мы наших героев. Но ротмистра Стахевича и рядового Позднякова я отправил через Кяхту в Китай с заданием добраться в наше консульство в Чемульпо и встретить эскадру там, если она всё-таки не прорвётся. Полномочия у ротмистра столько же обширные, как и мои. Однако я уверен, что ему не придётся встретить эскадру, и флаг адмирала Рожественского мы встретим в порту Владивостока. Посему, господа, уже сейчас надо заполнять наградные формуляры с тем, чтобы на месте оставалось лишь внести в них звания и фамилии российских героев.

И полковник равнодушно пробежал взглядом по толпе иноверцев, которые промелькнули на маленьком полустанке со склонёнными непокрытыми головами.

– Кстати, – заметил он, – в этих местах водятся даже тигры. На обратном пути приглашаю господ офицеров на охоту.

7

...И они показались. 27 мая 1905 года адмирал Того обрушил на эскадру Рожественского всю мощь своей обновлённой артиллерии. На дно Цусимского пролива один за другим опускались русские корабли и уже совсем скоро потрясённая Россия запоёт «Не скажет ни камень, ни крест, где легли // Во славу мы Русского флага». Разгром оказался полным. Рожественский попал в плен и многие тысячи спасшихся русских моряков на концах японских багров вылавливались из безразличных к людским судьбам волн. Впрочем, обо всём этом впоследствии великолепно написал Александр Николаевич Степанов, участник того сражения. Он очень подробно рассказал нам о том, что видел тогда лично.

Он лишь не видел, как быстроходный новый крейсер «Аврора», гремя всеми своими сорока пушками и тремя торпедными аппаратами, долго держал японцев на почтительном расстоянии, сумев нанести эскадре Того громадный

ущерб. Но сама «Аврора» горела, «хлебала» солёную воду пробойнами, а баталёр Емельян Синельников уже давно потерял счёт времени, помогая канониру у бокового 152-миллиметрового орудия загонять в казённую часть тяжеленные остроносые снаряды.

У их пушки уже давно отказал механизм амортизации, и потому гильзы после выстрела отлетали не на палубу, как им и положено, а в боковую шлюпку, что дымилась прямо под стволом орудия. И когда канонира и самое орудие снесло прямым попаданием с японского миноносца, Емельяна швырнуло на эти гильзы, а прямо на него упали ещё несколько матросов. А шлюпка, резко провиснув, носом вниз пошла в воду. Емельян, целый и невредимый, ещё долгие секунды погружался в глубину, а когда начал выплывать, то мимо него тёмными точками продолжали уходить на дно тела матросов. Он выплыл, покрутил головой, как собака стряхивая воду, и тут же уцепился в латунную гильзу, что упала вместе со шлюпкой. На этих гильзах, торчащих, как пустые бутылки, уже укрепились многочисленные матросы, и так плавали теперь, с ужасом ожидая осколка в спину...

Потерять сознание не давал резкий эфирный запах от пороха, стлавшийся над морем. И матрос сам помог японскому моряку со шлюпки выловить себя багром и сам перевалился через её деревянный край.

– Русски герой! – весело шурился из-под крысиных усиков японец, а Емельян со дна шлюпки показал ему кулак:

– Вот и пришлось качану коченеть в чану, ёлки-палки.

А мимо шлюпки на буксире у горящего японского броненосца прошла полузатопленная «Аврора». На мостике её стоял раненый капитан второго ранга Евгений Сергеевич Егорьев и плакал.

Русский консул в Чемульпо принял ротмистра Стахевича холодно:

– Какие к дьяволу награды, ротмистр! Эскадра разбита и пленена. Возвращайтесь со своими орденами, и без вас тошно... Да велите своему денщику руки мыть, всё-таки за георгиевское оружие держится, хоть и в чехле оно.

Ротмистр, едва сдерживая кипение, коснулся рукоятки кортика:

– Денщик, между прочим, четверо суток со мной тут укрывался в сопках: ведь японцы по следу шли, пока вы тут чай гоняли.

– Но-но, я не позволю...

– И я не позволю, – повысил голос ротмистр, – и полномочиями императорского прокурора приказываю вам отправить меня в Японию, в лагеря пленных русских моряков. И уже мне дано право решать: казнить их или миловать. Извольте исполнять, пока я не отстранил вас от должности и не лишил дипломатической неприкосновенности. Боюсь, тогда и вам придётся узнать, что такое ночёвка в сопках.

Консул узнать этого не хотел, а потому сразу же снёсся с французским консулом. Французу было интересно, чем эта история закончится, и скоро линкор «Паскаль» принял на борт ротмистра Стахевича и рядового Позднякова. Это шедший к японским островам корабль прихватил их с оказией. Нужно же французам подробно знать размеры катастрофы русских!

А полковник Прохорович даже не доехал до Владивостока. На одной из станций он принял телеграфную ленту и узнал о разгроме. Прохорович пожевал губами и сказал своим людям:

– М-да... Жаль, но героев из них не получилось. Велю-ка я прицепить нас к обратному составу... Кстати, господа, и поохотимся заодно на тигров, ведь время командировки ещё не истекло.

9

Студёной январской порой в жарко натопленной горнице Арина Сидельникова месила тесто, и белые груди её выпирали за край сарафана. По комнате плавал ядовитый дым са-

мосада, и голый мальчонка держался за края мамина платья, с опаской глядя на незнакомого солдата у окна.

– Там я и нашёл Емельяна, – дымил в рукав Ульян. – Признаться, командир Егорьев его и чуть не первого в списки внёс. Ну, ротмистр Стахевич и приколот ему крест.. Да только не жилец он, хоть и герой по теперешним временам. Эка невидаль – снимут с вас налоги как с семьи георгиевского кавалера! У него нутро отбитое, поди, помер теперь. А хозяйство-то у нас с Емелькой на двоих, вон и волы, я гляжу, в теле. Тебе и переходить никуда не надо, Арина. Выходи за меня замуж, – вновь твердил Ульян, и в мозгу его колыхались большие белые груди Арины.

Она вытерла руки о край дежки, шлёпнула, отгоняя, сынка и сказала:

– Вот Бог, вот порог тебе, Ульян. Пока не вернётся муж – забудь сюда дорожку.

И Ульян ушёл, а потом уехал, потому что служить ему оставалось ещё долгих четыре года. И уже в казарме ему всё чаще вспоминалась любимая частушка Емельяна:

Я свою соперницу
Отвезу на мельницу,
Изотру её в муку
И лепёшек напеку.

* * *

И я ещё хорошо помню деда Емельяна, по прозвищу Флот, который в белом тумане пас белых гусей. После плена он ещё служил на Балтике со своим капитаном Егорьевым на вызволенной из плена «Авроре», но в те времена, когда крейсер начал стрелять холостыми — но на весь мир — выстрелами, ветеран Цусимы уже жил на хуторе, что раскинулся над памятным ему лугом. Я не знаю, что снилось ночами крейсеру «Аврора», но старому моряку наверняка грезилась самая яркая страница из его героического прошлого...

ОГНЕННЫЙ БОГ ВИНЖЕГО

1

К полуночи команда факельщиков младшего лейтенанта Дроздова получила приказ: сжечь к чёртовой матери населённый пункт Кульнево. Награда тем, кто подпалит за день сто и больше дворов. Солдаты принялись наворачивать на палки-древка всякое подручное тряпье и пропитывать всё это в бадьях с мазутом.

В 5:00 3 августа 1941 года факельщики цепью с наветренной стороны подступили к населённому пункту Кульнево. Приказ – не оставить немцам ни одного строения – они собирались выполнить полностью.

Но уже в 5 часов 03 минуты того же утра телефонный звонок взметнул с постели начальника Кульневской профессиональной пожарной части старшего лейтенанта внутренней службы Евгения Полуэктовича Винжего. Взвинченный голос на другом конце провода не просил – плакался: «Милый лейтенант, что хочешь делай, но не дай спалить заброшенную мельницу. Там ведь боезапасу на добрый десяток вагонов. Мы мигом организуем вывозку. Я хоть и полковник, но повлиять на команду факельщиков так и не смог, они ведь подчиняются другой ехархии!».

Зло забравшись, Евгений Винжего с трудом втиснул ноги в узкие хромовые сапоги, застегнул портупеею и на ходу до двери выпил стакан молока. Он, холостяк, жил тут же, в пожарке, и потому поднять личный состав, как всегда, оказалось делом минуты. Уже в 5 часов 12 минут две его полуторки с помпами и четыре пароконных упряжки помчались к постройкам старинной каменной мельницы.

По мягкому просторному ковру светлого, отделанного морёным дубом кабинета, чётко вышагивал стройный молодой подполковник. Его не сбил с шага даже бой громадных, во всю стену, часов, отстучавших ровно шесть ударов. Подполковник замер перед столом, за которым коршуном сидел грузный человек в гимнастёрке без знаков различия. Блеснув золотым пенсне, хозяин кабинета окинул взглядом вошедшего и голосом, с явным кавказским акцентом, вкрадчиво заговорил:

– Слушай, кацо, если кульневская мельница будет сожжена факельщиками и за этим последует взрыв боеприпасов, то я сотру тебя в порошок. Это ведь твои головорезы две недели назад в траншеи за мельницей уложили несколько сот заключённых и недавних военнопленных? Значит, не в твоих интересах дать произойти взрыву, который буквально разворотит свежую могилу. Тогда немцы быстренько соберут международную комиссию, и уж постараются убедить мир в наших с тобой зверствах... Ступай, подполковник Самбитов, я сказал всё.

Через двадцать четыре минуты купленный накануне войны вместительный «Дуглас» понёс на широких крыльях подполковника Самбитова к линии фронта. На длинных скамейках вдоль бортов самолёта утренняя дрема сковала ещё дюжину автоматчиков в зелёных маскировочных халатах.

Гаупмана Герберта Ветцке денщик растолкал, одновременно запихивая под кровать офицера пустые квадратные бутылки из-под шерри:

– Герр гауптман, Кульнево горит. Вы вчера просили предупредить, если там что-нибудь произойдёт.

Первый жест офицера – руку с часами поднёс к глазам. 6 часов 46 минут. Болели виски, у стула валялся, вроде змеиной кожи, пятнистый женский чулок. Резко вздёрнув головой, и словно согнав этим боль, гауптман встал, быстро натянул брюки и китель. Непонимающими глазами окинул на кровати фигуру спящей женщины, потом вспомнил «Юлия, дочка Гавриила Ширяева, бывшего управляющего»... Но тут же забыл о ней, прихватив бинокль, вышел из дома.

Восточный утренний ветерок явственно доносил запах дыма. В делениях окуляров забегали деревья, языки пламени, ещё не тронутые огнём крыши:

– Фельдфебель Юнг! Команду – в бронетранспортёры – и на Кульнево. Наша задача – не дать сжечь мельницу. На сборы – пять минут.

И вновь юркнул в дверь. Отвернул пробку с бутылки, и тут женщина подала с постели голос:

– Герочка, не пей больше, а то опять будешь кусаться...

Но, видя, что офицер, оставив стакан, набивает магазин пистолета патронами, попросила:

– Возьми меня с собой. Я тоже хочу подстрелить большевичка.

Гауптман собрал в горсть чулок на полу и метнул Юлии:

– Живо, я жду в машине.

Они тронулись в Кульнево. Впереди, на двух бронемашинах, фельдфебель Юнг, потом открытая легковушка с офицером и женщиной, а сзади ещё два бронетранспортёра. Юлия стояла во весь рост, её белые волосы плыли по ветру.

Скоро она увидела горящее селение и опасно села рядом с офицером. Оглядев её притихшую фигуру, Герберт Ветцке сказал:

– Ещё когда мой отец владел здешним поместьем, хозяин мельницы Еремей Птахин ему не подчинялся. И этот Еремей имел редкую икону — Спас Ярое Око, работы одного из сыновей знаменитого иконописца Дионисия. Как отец ни торговал, мельник отказал ему в продаже иконы. А чтобы её

не украли, Еремей вмуровал её в стену в верхней башенке мельницы. И сегодня всё это Кульнево целиком не стоит одного Спаса Ярое Око. Вот я и хочу взять икону раньше, чем большевики сожгут Кульнево.

Головной бронетранспортёр остановился, солдаты начали соскакивать на землю, растекаясь по округе привычной для них цепью.

В небе утробно ревел заходящий на посадку самолёт. Офицер мельком глянул вверх и с удивлением подумал: «Откуда здесь американский «дуглас»?»

4

Двенадцать ЗИСов дивизии полковника Полухина стояли в ряд борт к борту. Голые по пояс и, несмотря на раннее утро, уже потные солдаты торопливо грузили в их кузова ящики со снарядами. Евгений Винжего лишь глянул на то, что они сделали, и присвистнул:

– Вам тут, братцы, делов на двое суток. Уж лучше бы вы уезжали с тем, что есть, а остальное всё равно спасти не успеете.

Пожилой капитан-пехотинец зло сверкнул глазами: дескать, хорошо тебе говорить, а мне фронт держать надо. Но тут, нещадно чадя вонючими факелами, во двор мельницы выскочили сразу четверо факельщиков. Офицеры не успели сделать и движения, как уже запылали деревянные амбары – подсобные помещения.

– По маши-и-инам! – протяжно, как-то по-петушиному пропел капитан-пехотинец, и ЗИСы взревели двигателями. Евгений Винжего метнулся наперерез факельщикам, широко раскинув руки:

– Отставить, приказ командира дивизии обороны!

Но во дворе появились новые поджигальщики вместе с младшим лейтенантом Дроздовым. Евгений зло плюнул и повернулся к своим людям:

– Занять оборону вокруг главного здания, не дать взорваться боеприпасу!

Пожарники, по боевому расписанию выполнили команду. К счастью, у факельщиков не оказалось оружия, и они потеряли темп, видя столь решительный отпор.

Но и пожарники оказались вооруженными лишь шлангами да баграми. Началось противостояние... Руководимые двумя прямо противоположными приказами, солдаты и пожарники оказались в тупике

...Капитан-пехотинец в кабине первого ЗИСа, внезапно увидя броневики с крестами, рванулся к ключу зажигания. Мотор заглох, шофёр тупо ткнулся лбом в стекло. Грузовик резко толкнуло: в него с разбегу врезался задний ЗИС. Колонна стала.

– В ружьё! – скомандовал капитан, и красноармейцы рассыпались вдоль обочины. Но тут же они, кадровые вояки, растянулись в цепь, лишь увидев идущих навстречу немцев. Звонко в утреннем воздухе зацокали трёхлинейки, немцы залегли. Оттуда, с земли, они веером слали автоматные очереди, и пули на излёте тупо втыкались в землю рядом с бойцами.

Гауптман Ветцке, различив в кузовах машин ящики со снарядами, аж потом покрылся. Одной пули достаточно, чтобы взорвать всю эту мельницу вместе с её драгоценной башенкой.

– Не стрелять! – отчаянно закричал он фельдфебелю, и тот эхом сдублировал команду:

– Нихт шиссен!

...И эти остались лежать друг против друга. Но со стороны аэродрома к мельнице короткими перебежками уже двигалась третья сила. Подполковник Самбитов молниеносным ударом отсёк целую дюжину факельщиков от мельницы и с ходу врезался в пространство между людьми Ветцке и пехотного капитана. Но и подполковник, лишь взглянув на грузовики, приказал:

– Не стрелять, мать вашу!

И дал команду по-пластунски пробираться к мельнице. Но две немецкие гранаты, брошенные мощной рукой фельдфебеля, пришили десантников к земле. Немцы не давали им двигаться.

В районе мельницы наступило оцепенение.

5

Старший лейтенант Винжего видел, как огонь от деревянных построек уверенно перебирается к главному зданию со складом снарядов. Время на раздумье истекло, словно кровь из вскрытой вены. И тут с крыши мельницы, вертясь, по какой-то ломаной траектории, в сторону факельщиков полетела большая противотанковая граната. Солдаты с земли следили за нею, неуклюже игравшей длинной ручкой в полёте, и с ужасом сознавали, что бежать им некуда. Граната и уложила всех людей Дроздова вместе с ним самим разом, задев при этом ещё и пожарную лошадь. Сами же пожарные мигом оказались у горящих на земле факелов, сапогами и землёй забивали их пламя. Евгений, не чуя ног, метнулся вверх по крепко сбитой деревянной лесенке, в высокую башенку. И там, на присыпанном старой мучной пылью и мышиным помётом полу, он увидел троих страшно изнурённых людей. Один тяжело дышал ребристыми голыми боками, подавая явные признаки близкой смерти. Другой, молодой, видимо, ещё недавно могучий парень, поросший русой щетиной, держал в одной руке под локоть страшно распухшую другую. Видимо, это он и метнул гранату, потому что третий человек вообще не шевелился. Он лежал бочком, по-детски подогнув под себя ноги, и икал.

– Воды, – пошевелил едва слышно губами парень, и старший лейтенант тут же высунулся в окошко:

– Цимбал, воды ведро, живо!

Потом повернулся к парню:

– Кто такие, что здесь делаете?

Он прекрасно помнил ориентировку по райотделу милиции о поимке дезертиров. «Не знаю, как те двое, а этот явно призывного возраста».

Но уже застучали по лестнице сапоги Цымбала, и скоро раненый парень пил из ведра, поставленного на подоконник, зубами наклонив посудину в свою сторону. Потом он прямо изо рта брызнул на икавшего. Тот дернул головой, открыл глаза...

Пока отхаживали парня и второго, третий затих вообще. А пожарные во дворе вовсю орудовали баграми. Но огонь, уже набравший силу, никак не уступал их стараниям. Старшему лейтенанту Винжего стало ясно, что больше часа тут не продержаться. Склад обречён и самое лучшее, что можно сделать – это поскорее убраться восвояси. Скоро он уже знал, что трое этих людей – чудом спасшиеся после недавнего расстрела смертники. Ещё две недели назад по Кульневу ходили слухи, что в лесу за мельницей была стрельба, и теперь оказалось, что слухи эти верны.

– Я комсомольским секретарем на льнофабрике работал, – покачивая раненую руку, говорил парень, – и на собрании неосторожно высказался в том духе, что, мол, войну нам трудно будет выиграть. А наша учётчица, Юлечка Ширяева, тут же и донесла. Ну, понятно, и прибавила кое-чего. Простить мне не могла, что я на неё, худоногую, не обращал внимания.

– А я, – перестав икать, подал с пола голос второй, – профессор Тартусского университета Арсентьев. Ещё в мае судьба привела меня в Кульнево по следам редкой иконы. А тут тевтонское нашествие. Понятно, чужой человек, да ещё интеллигент – меня и потянули в кутузку. А потом и под пулемёт поставили.

Втроем они, оказалось, ночью выбрались из-под слоя трупов и земли и две недели без еды прятались на мельнице.

Внизу орудовали солдаты интендантской команды, а они ждали невесть чего. А вчера раненый в руку комсомолец спустился вниз и стянул у военных гранату.

– Вот таким макаром, – закончил свой невеселый рассказ парень и скривил от боли лицо. – Сдавай нас властям, командир...

Но Винжего всё это уже не слушал. Он глядел в окошко, и оттуда как на ладони просматривалась цепь залегших немцев. Чуть ближе горстка людей в пятнистых маскхалатах, и совсем недалеко от мельницы в разных сторонах от колонны грузовиков пестрели зелёные точки распластавшихся пехотинцев.

6

Юлия лежала в траве рядом с гауптманом и незаметно от него, щекотала ему кисточкой ковыля мочку уха. Тот отмахивался время от времени, пока сердито не прищипнул на девушку. Та примолкла, и теперь в офицерский бинокль рассматривала мельницу. Вон амбары, где она первый раз целовалась с мальчишками, а вон главный корпус, куда однажды убежала из дома, и пряталась целую неделю. А вон и башенка, где она впервые... Впрочем, как тогда пронзительно сквозь налёт времени глядел на неё со старой иконы какой-то святой!

Герберт Ветцке искал решение. Мысль пульсировала в голове, пульс лихорадочно передавался в пальцы, которые так и хотели нажать на спусковой крючок в сторону вон того длинного русского в пятнистой форме. Гауптман понял, что внезапно появившаяся группа наверняка прибыла с недавно гудевшим в небе «Дугласом». И ещё он понял, что русским тоже никак не нужен взрыв мельницы. «Неужели узнали об иконе?» – ужаснулся он. И решил оказаться на мельнице первым.

– Юлия, – обернулся он к девушке, – ты знаешь расположение строений на мельнице? Я ведь ещё мальчишкой уехал отсюда.

Юлия передёрнула плечами:

– Удрал, милый Гера. Вы так дёрнули со своим папашей, что нам с отцом потом пришлось отдуваться за все ваши грехи.

– Не будем об этом, – остановил её офицер. – Подскажи, как лучше пробраться вон в ту угловую башенку

Юлия повернула бинокль в сторону, куда ей указывали и фыркнула:

– Да там кто-то есть.

– Не может быть! – вырвал бинокль гауптман. Он взгляделся в окуляры, потом облегчённо отдулся. – Ты так до сердечного приступа доведёшь. Так сможешь незаметно провести меня в башенку, пока огонь не переметнулся на строение?

– Ну, конечно, могу, – капризно ответила она и неожиданно поднялась в полный рост. – Ну пошли, что ли.

Герберт с силой рванул её за руку, опять повалив в траву.

– Спрячься, дура! Тут речь идёт о миллионе марок.

7

7 часов 46 минут. Цымбал принёс в башенку банку консервов и полбуханки хлеба. Здесь становилось трудно дышать, дым языками вползал в разбитое окно и тянулся к вышибленной двери. Евгений Винжего оставил бойца со смертниками, сам спустился к пожарникам.

Их положение, как он определил, мало назвать плачевным. Огонь уже с трёх сторон плотно обложил главное здание мельницы, на её поросший мхом черепичной крыше дымился высокий сорняк и в жгутики свернулись листья на приютившемся у края водосточной трубы чахлом деревце. Командир велел отступить во внутреннее помещение мельницы и облить водой ящики со взрывчаткой.

Кульнево полыхало со всех сторон. Не предупреждённые заранее, жители метались по улочкам, горели заживо в рухнувших домах, уцелевшие узенькой цепочкой вытягивались по дороге на Рославль. Выполнявшие строгий приказ

факельщики не щадили в населённом пункте ничего. Горела больница и обе школы, протуберанцем взметнулся огонь под постройками дома-интерната для стариков. И впрямь, немцам тут оставались одни головешки.

Капитан-пехотинец чувствовал за спиной жар грандиозного пожара, но цепко держал на мушке и немцев, и неведомых людей в зелёных маскхалатах. В отличие от тех и других, он мог стрелять, не боясь вызвать взрыва на мельнице – его пули летели в другую сторону.

И подполковник Самбитов, как и гауптман Ветцке, понимал, что нужно действовать. Он, естественно, не знал размеров пожара на мельнице, но решил проникнуть туда немедленно. И пока гауптман с Юлей ужами елозили в ковыле, подполковник и двое его людей поползли параллельным курсом. Они удачно ушли из сектора обстрела пехотного капитана, и почти одновременно оказались у главного корпуса мельницы, но с разных сторон. А Евгений Винжего в это время поднимался по ступенькам в башенку, чтобы вывести оттуда людей.

Цымбал, комсомолец и профессор сидели у стены, жадно глотая воздух. Дым ел глаза и раздражал глотку.

– Уходим! – велел Евгений и хотел помочь профессору подняться. Но тот неожиданно решительно отвел руку офицера. Сквозь кашель профессор прохрипел:

– Я не могу оставить здесь то, ради чего занимался поиском больше десяти лет.

– Не валяйте дурака! – вскипел офицер. – Через двадцать минут мы взлетим на воздух. Уж не думаете ли вы, что ваша икона где-то на мельнице?

Профессор поднялся, держась за горло, и указал длинным пальцем на проём между окошками:

– Вот она.

Евгений резко обернулся, и словно ожёгся о взгляд лучистых глаз. Сквозь налёт гари и грязи со стены на него светил-

ся лик человека, чей взгляд сиял столь магической и притягательной силой, что офицер на мгновение оцепенел.

– Так снимем же её скорее! – кинулся он к иконе, но тут же понял, что затеял немислимое дело. Видимо, в давние годы некто крепко потрудились, вмуровывая в стену это сокровище. Пожалуй, на пару старинных кирпичей по окоему икона оказалась обложенной монолитной кладкой. Нужна кирка, лом, и часа два времени...

– Спас Ярое Око, работа сына Дионисия, – подтвердил Арсеньев. Но Евгений уже метнулся вниз, крикнув на ходу:

– Я за инструментом!

Он понял, что лишь от него зависит – сохранится ли это чудо, бесценная икона шестнадцатого века. Триста лет Спас Ярое Око утешительно глядел на мир, и лишь пары часов не доставало, чтобы спасти теперь его. Это вполне стоило жизни, даже если тебе всего двадцать два года.

Пламя пласталось по дубовому полу у порога, трещали пустые оконные рамы. Бежать к машине за топором и ломом времени не оставалось, и Евгений метнулся к противопожарному щиту. Но там, к своему удивлению, он увидел женщину и человека в немецкой форме. Они уже схватили и то, и другое...

– Но позвольте!.. – хотел возмутиться старший лейтенант, однако в этот момент что-то блеснуло в руках офицера, и мир взорвался в голове Винжего ярким оранжевым фейерверком. Выстрела он не слышал.

8

Подполковник Самбитов через окно впрыгнул в горящее здание и сразу попал на что-то мягкое. Мельком глянул: на полу в луже крови лежал старший лейтенант внутренней службы. В дальнем углу мельницы двое пожарных всё ещё пытались потушить огонь, били тряпками по ревущему пла-

мени. Самбитов понял, что через несколько минут сотворённое им кладбище взлетит на воздух, обнажив весь ужас его преступления. Смысла спастись для него не оставалось: подобные промахи в его ведомстве не прощались.

И тут Самбитов увидел, как в пелене дыма две фигуры тенями метнулись к зачадившей лестнице.

– Вперёд! – рявкнул он своим людям, и миг достиг лестницы. Немецкий офицер, подталкивая перед собой женщину, пытался скрыться на верхней площадке. Немец невпопад дважды выстрелил, промазал, но женщина уже скрылась в проёме люка. Подпрыгнув, подполковник схватил немца за сапог со сбитой подковкой, и с силой рванул вниз. Через секунду они уже катались по полу, намертво вцепившись друг в друга. А двое других чекистов ошарашено глядели на них, боясь стрелять, чтобы не попасть в шефа.

А в дальнем конце помещения, за ящиками со снарядами, двое последних пожарных в это время через окно вытаскивали обмякшее тело старшего лейтенанта Винжего. Их полуторки горели, и бойцы уложили командира на единственную уцелевшую пароконную повозку с помпой. Они погнали коней прочь, но не в ту сторону, куда недавно пытались уйти грузовики, а уже в почти выгоревший населённый пункт Кульнево. Это и спасло всех троих.

9

А комсомольский секретарь, как нам видится, узнал в поднимающейся к ним в башенку девушке свою бывшую нормировщицу Юлию Ширяеву, виновницу всех его бед. О чём они говорили – нам неизвестно, и говорили ли вообще. А профессор Арсеньев, приложив руки к сердцу, наверное, так и не оторвал взгляда от иконы. Он был счастлив, потому что нашёл то, что искал всю жизнь.

...Людей пехотного капитана сначала ослепило, хотя рвануло у них за спинами. Потом невероятно мощный взрыв по-

тряс почву и воздух, пудовые комья земли и камни полетели с неба. Через секунду одна за другой начали грохотать машины со взрывчаткой, все 12 ЗИСов через равные промежутки времени. И без того перепуганные солдаты с ужасом глядели, как с неба вместе с осколками мельницы, грузовиков и кусками земли на них густо сыпались ошмётки человеческих тел.

Страшное захоронение Самбитова тоже обнажилось взрывом до основания. Но напрасно приговорил себя подполковник к смерти: в суматохе наступления немцы не только не создали международной комиссии, но и вообще не заметили следов этого бессмысленного преступления.

И той же ночью, 4 августа, старшего лейтенанта Винжего вывезли из Кульнево в обозе отступающей дивизии. Рана его не вызвала опасения военного врача, и он, перемотав кровоточащий след от пули на виске офицера, сказал:

– Этот ещё повоюет.

И он воевал, так до Победы и прошагал пожарным в отсвете своего огненного бога. И чтобы ни приходилось ему потом тушить – жилые кварталы Можайска и Москвы ли, здания Минска или ратуши Кракова, – в каждом огненном зареве ему виделся взгляд со стены мельницы. Он словно следил и покровительствовал Евгению – Спас Ярое Око.

* * *

А погиб пенсионер Евгений Полуэктович Винжего нелепо, ровно через пятьдесят лет. На его пасеке воры подпалили ночью улей, занялся омшаник. Выскочил старый солдат на огонь в чём был, тут его и доняли пчёлы. Огонь он потушил, но к вечеру скончался в районной больнице. Так и умер в споре со своим огненным богом, хотя и не от его ярости.

Хоть редко, но я прихожу на могилу старого пожарного, кладу на камень пару живых цветов. И вспоминаю его рассказы о былом. Много чего поведал мне выдавший жизнь Евгений Полуэктович, и один из его рассказов я, как сумел, передал здесь.

«ПРОЩАЙ, РОДИНА!»

*«Кто к знамени присягал единожды,
тот у одного и до смерти стоять
должен».*

Воинский артикул Петра I

А

Артиллерийский дивизион майора Горбунова шёл к Прохоровке на конной тяге. Лохматые монгольские лошадки, неказистые на вид, на самом деле не уступали тракторным тягачам, были способны покрывать в один раз многокилометровые перегоны. Да, признаться, командованию и жалко было выделять дивизиону тягачи: вооружение артиллеристов состояло лишь из двенадцати старых пушек – сорокопяток, хоть ко времени Курской битвы орудия эти почти сплошь уже были выведены из подразделений. Но тут стягивалось до-кучи всё, что могло стрелять. Личный состав у Горбунова геройский, все бойцы обстреляны, а многие прошли со своим командиром от самого Перемышля до Волги и теперь двинулись обратно.

Лошадки бежали, помахивая коротки хвостами, а на недалёкой передовой уже шли бои. Туда летели бомбовозы и истребители, туда, обгоняя дивизион, шли новенькие танки и в грузовиках тряслись бок о бок покрытые слоем пыли пехотинцы. 10 июля, при подходе к Радьковке, дивизион остановился в рощице на ночлег. Лошади жадно пили из Донецкой Сеймицы, артиллеристы вспарывали ножами банки с тушёнкой. Огня не разводили, хотя неприятельские самолёты почти не появлялись. Потом голышом плюхались в реку, фыркали и беззлобно матерились от восхищения и отходили ко сну.

Майора вызвали в штаб полка. Штаб размещался в фургоне «студебекера», над которым на расчалках покачивалась антенна связистов. Несмотря на позднее время, движение вокруг не прекращалось: воздух дышал гулом движков и тем непонятным звоном воздуха, каким отличаются у нас поздние июльские вечера. Из-под кузова грузовика на майора зло осерилась бродячая собака, и глаза её изумрудно блеснули под мимолётным светом фар прошумевшей мимо прожекторной установки.

Командир полка и начштаба пили спирт. Их утомлённые глаза от того казались особенно добрыми, и майор решил, что его позвали на попойку.

Начштаба и впрямь пригласил к столику и поднялся, задев головой лампочку. Громадные тени задвигались по фургону, пока Горбунов пролезал в угол мимо поднявшегося офицера. Молча принял кружку со спиртом, так же молча выпил. Закусил ветчиной, сдобренной перцем, легко прокашлялся.

– Так вот, майор, – без всякого вступления, словно они уже полчаса беседуют, сказал командир полка: – Сам знаешь, что с твоими пфукалками на самой передовой делать нечего. У немцев сейчас, брат, такие танки, что в лоб их никакие наши орудия вообще не берут. Поэтому мы поставим тебя завтра на безопасный участок. Вот, смотри на карту... – Он разложил двухвёрстку, с минуту глядел в неё, ничего не понимая. «Чёрт» – выругался он, сообразив, что карту надо повернуть, поменяв юг и север, и ткнул пальцем. – Вот Прохорова, – продолжал он. – Сядешь справа, к северу от неё. Там будет такой ложок с железной дорогой внизу. Могут попереть мотоциклисты, эти тебе по зубам. Но я надеюсь, что ничего серьёзного там не произойдёт... Кстати, будь человеком, майор, заberi от наших ремонтников ещё одну сорокапятку. Понимаешь, совершенно исправную нашли вчера у одного старика в сарае. Всю оккупацию хранил, старый

вояка... Ты чего на карте не помечаешь своего расположения у Прохоровки? И сидеть мне справа до последнего, что б ни случилось! Ступай, майор, мы тут сейчас пару часиков поспим.

Горбунов вернулся к своим солдатам, и прилёг в длинной фуре, накинув на голову шинель. Он вообще почти не пил хмельного и теперь ощущение керосина внутри расстроило его. «И ещё эта новая пушка, – подумал он, уже засыпая. – А у меня ни одного лишнего артиллериста. Хоть самому становись у лафета». И он заснул. Шинель сползла, и Горбунов даже не почувствовал, как каурая лошадка у изголовья, шумно обнюхала его лицо, ласково лизнула в колючую щёку.

Б

– Всё, девки, доигрались. – Сказала сержант Нина Копылова, вернувшись от начальника медслужбы. – Завтра всем на медосмотр. А там дураков нет, вроде нашего шофёра Михеича. «Принести воды, разбортировать колесо», – передразнила она старика его же голосом и закончила: — Какие ваши предложения?

Расчёт прожекторной установки переминался перед сержантом с ноги на ногу.

– Ну и что? – не поняла ничего Зина Клюева, саратовская продавщица мороженого. – Это даже хорошо – лишний раз провериться...

– Вот дура, – сказала вроде про себя, но громко Лариса Полубатько, и уже – Зине: – Это ты у нас такая чистенькая и порядочная. А мне после медосмотра прямая дорожка в трибунал... Давай, думай, сержант, ты самая разумная у нас, – это к командиру.

Лариса беззлобно выбранилась и присела на подножку полуторки:

– Вот чёртов гвоздь! – она зло стянула сапог с тугой нож-

ки. — Сколько ни прошу Михеича починить, он только стельки меняет.

И было во всей фигуре этой низенькой ладно сбитой девушки нечто, отчего сержант подумала: «Совсем дети, Господи! А тут ещё эта напасть...»

Четвёртая из расчёта, Маня Грушина, с рябинками на красивом лице, тронула пилотку и поправила ремень:

— А я думаю — пока не поздно, надо проситься к артиллеристам. Нынче вон недалеко от нас окопался дивизион. Я случайно проходила мимо и слышала, как их майор ругался по телефону, что у него людей не хватает. Сходи, сержант, попросись... А чё? Дело нехитрое — из сорокапятки стрелять. «Прицел... заряжай... огонь!». Это даже легче, чем прожектором вертеть.

Все на минуту примолкли.

— Да ты знаешь, — начала Нина-мороженица, — что там верная смерть в случае немецкого наступления? Мы ж на передовой по-настоящему и не были!

Сержант призадумалась:

— Это выход, — согласилась она. — Тем более что я в Осоавиахиме до войны в стрельбах участвовала, дело и впрямь нехитрое. Значит так: всем писать рапорты с просьбой перевести в другую часть. Дескать, в такой трудный для Родины час желаем участвовать в настоящих боях. Поменьше лирики, побольше патриотизма. Я сейчас — к майору-артиллеристу, пусть и он за нас похлопочет... А ты гвоздь забей сама — будешь на Михеича надеяться — инвалидом станешь.

Зина топнула ногой:

— Я ничего писать не буду!

— Ну и ладненько, — согласилась Нина Копылова. — Останешься с Михеичем, тебе ведь медосмотра пугаться нечего, недотрога. Марш рефлектор протирать, в сумерки заступаем на боевое дежурство!

В

3 мая 1995 года Прохоровка, как и летом сорок третьего, оказалась в центре внимания всей державы. И вновь тут зеленело военное обмундирование, а бывшие воины, разбившись на группки, вспоминали былое и не отказывались от чарки в память фронтовых друзей.

Но Михаил Прокофьевич Горбунов сидел в одиночестве с правого края огромного поля, украшенного золочёной звонницей, и не спешил на общее торжество. Перед ним на холмике стояла открытая, но непочатая бутылка водки. Майор в отставке не терпит спиртного, но сегодня и он не откажется от стопки, только вот жаль – никого из дивизиона на торжествах нет, а одному запивать горе, сами понимаете – не с руки.

Подошел, спросил разрешения, присел:

– Память тревожит? – спросил.

– Болит, – поправил меня человек в майорском кителе. И звучал в его словах не только ответ на мой вопрос, но и приглашение присесть. Потом мы познакомились, и фронтовик плеснул в плошки.

– Она пришла уже после обеда. Впереди грохотал и перекатывался фронт, мои артиллеристы разворачивали и закрепляли пушки, коноводы собрали свой маленький табун и отогнали его вон-о-он в ту рожицу... Все понимали, что от боя не увернуться, поэтому работали зло и сосредоточенно.

А тут она.

– Товарищ майор, сержант Копылова. Разрешите обратиться! – наверное, в мирной жизни её знали за пионервожатую, настолько даже рука, поднятая для отдания чести, повторяла мальчишеский салют. Я с утра не успел побриться, и это усилило недовольство. «Что у вас?» – буркнул я, но тон мой ничуть не смутил сержанта. Просто, как о чём-то обыденном, она попросила принять расчёт её прожекторной установки в дивизион. Начальник моего штаба, старший

лейтенант из запасников, удивлённо вскинул на неё брови. До войны начштаба преподавал в техникуме математику, и в этом голосе он ожидал услышать что угодно – от жалоб на какого-то солдата-ухажёра до предложения обстирать дивизион. Но такое...

– Не морочьте мне голову, – я уже откровенно рассердился. – У нас своё дело, у вас – своё. Кто ж станет высвечивать ночных бомбардировщиков, коли все прожектористы уйдут на передовую?

Сержант просительно сжала руки, прижала к груди:

– Как на духу, товарищ майор. Я с сорок первого в расчёте, но ещё ни одного фашиста с нашей подачи зенитчики не сбили. А тут такая заварушка. Не можем мы отсиживаться во второй линии. А у вас ещё и пушка без obsługi.

– Не суйтесь не в своё дело, – буркнул я ещё злее и отвернулся, дав понять, что разговор окончен. Сержант за спиной чётко выговорила:

– Мы давали ту же присягу, что и вы, товарищ майор. И в самый нелёгкий час хотим остаться ей верны. Разрешите обратиться с просьбой о переводе в дивизион по команде?

– Разрешаю, – уже совсем зло крикнул я через плечо и торопливо пошёл к расположению второй батареи. Там оставился почтовый грузовичок, а мне теперь так не хватало письма от жены.

Михаил Прокофьевич помолчал. Невдалеке мимо нас по трассе проскользнули к Курску несколько чёрных «Волг». Это покидал торжества один из желающих стать Российским президентом. Наверное, приём не понравился...

– Мне бы тогда остановить девушку, поговорить, пораспросить обо всём, ведь после на это просто времени не оставалось. А тогда я получил письмо и совсем забыл о сержанте Копыловой.

А потом налетели немцы, перемесили наш передний край с землёй, и нам шибко досталось: в каждой батарее потери.

Часам к семи вечера привели себя в порядок, опять наладили связь. И тут меня окликнули.

Обернулся: пожилой солдат с вислыми усами. Серый, запылённый, с громадными крестьянскими руками.

– Девушки в расчёте меня просто Михеичем зовут, – разговорился он. – За простачка считают, секретами не делятся. Да я ведь стреляный воробей, на мякине меня не проведёшь. Думают, я не знаю, у кого сердечная тайна, а у кого просто гвоздь в сапоге... Но тут случай особый, товарищ майор. Надо бы помочь девочкам, принять их в дивизион.

Я ещё послушал Михеича, сказал ему:

– Ты хоть понимаешь, солдат, что им всем тут крышка, а в прожектористках, может, ещё и уцелеют?

Михеич попросил разрешения закурить, долго и неторопливо сворачивал цыгарку, потом чиркал кресалом и наконец окутался сизым ядреным дьшом.

– Им хоть так – хоть эдак – всё одно пропадать.

– Это почему? – не понял я.

Он затянулся, медленно кашлянул:

– После того приказа «Ни шагу назад!» как у нас поступают с дезертирами?.. Ну, вот, им на медосмотр идти, а они трое – дурёхи неразумные – беременные.

И тут я понял. Девочек надо спасать, и спасти срочно. Потому что подобные случаи трибунал почти не прощал. Они ведь призваны военкоматами и доказать, что получилось всё без умысла вряд ли смогут. Значит – дезертиры. А ведь тот самый «Ни шагу назад» и им зачитывали! А у нас, артиллеристов, медицинский осмотр невесть когда, глядишь и пронесёт.

Плюнув на всё и оставив хозяйство на начштаба, я почти бегом с Михеичем направился к прожектористкам. Надо успеть собрать их рапорты, утвердить у начальства и хоть немного обучить девушек стрельбе из пушки. Я думал потратить на это дня два-три. Я ведь ещё не знал, что завтра наступит не просто день. Завтра будет 12 июля.

Писали и судорожно переписывали. Получилось сумбурно, но убедительно. А майор сделал вид, что истинную причину такого порыва не знает. Он только сказал, что разбивать их расчёт не станет, а просто приставит им к оружию опытного артиллериста. Пока он на той же прожекторной установке поехал к начальнику противовоздушной обороны участка, а потом к командиру своего полка, девушки собрались на позицию.

– Чегой-то он согласился внезапно, – сама себя спросила Сержант Копылова. – Уж не сболтнул ли ему Михеич чего лишнего?

– Он же с майором уехал, – остановила её Лариса. – Хитёр старина, нашёл на какой кобыле к артиллеристу подъехать.

– Не наше теперь дело, – махнула рукой сержант и вдруг испуганно присела на ящик с электролампами: – Ой, девочки, что же мы наделали?!

И они заревели разом, все трое, а потом с ними и Зина Ключева. Их так и застали Михеич с майором уже в сумерки. Майор укоризненно покачал головой:

– И зачем я с вами связался? И так хлопот невпроворот, тут еще эти рёвы.

Сержант тыльной стороной ладони вытирала слезы. Потом поднялась, подтянулась:

– В первый и последний раз, товарищ майор. В бою не подведём! – четко сказала она.

...Михеич подвёз их в дивизион. Он хотел выглядеть суровым, прощаясь с девушками, но у него предательски дёргался краешек уса, и он долго чиркал кресалом, поранив руку. Кисет танцевал у него в руках.

Построился дивизион. Начштаба зачитал приказ о зачислении в штат личного состава бойцов Полубатько, Трушиной и сержанта Копыловой. К ним в расчёт переводился наводчик второго орудия первой батареи Кожухарь.

– Разойтись! Младший сержант Кожухарь, – ознакомить личный состав с материальной частью, провести учебную стрельбу.

Высокий, смуглый Кожухарь провёл девушек на правый фланг расположения.

– Вот наша пушка, – указал на орудие с разведёнными станинами и стволом, лежащим параллельно горизонту. – Теперь определимся, кто заряжающий, кто подающий. Вот ты, которая пониже, как тебя зовут? Вот, рядовой Зина, я покажу тебе, что должен во время стрельбы делать подающий. Вот ящик, вот снаряд. Одной рукой берём за острый конец снаряда, другой за противоположный...

Действовал Кожухарь чётко и совсем без лишних движений. «Собаку съел» – восхищённо подумала Нина Копылова и тут же чуть не упала от страха и неожиданности, когда орудие вдруг выстрелило резким хлопком. Кожухарь словно забыл про сумерки. Уж он-то прекрасно знал, что неточность и нерасторопность в их деле равнозначна смерти.

– Отбой, – наконец сказал он, когда в небе уже перемигивались яркие летние звезды. – Теперь отдохнём и станем надеяться на то, что немца остановят раньше, что он появится тут, под Прохоровкой.

Д

К нам с опаской подошла худющая дымчатая собака и легла, упокоив громадную голову на вытянутых передних лапах. Михаил Прокофьевич нашёл в консервной банке самую большую кильку и бросил собаке. Но та не шевельнулась, лишь издали потянула носом.

Смеркалось. Непогода, стоявшая над Прохоровкой весь день, начала угонять за горизонт свои тучи. Крупными стрижами прочертили небо истребители. Закатный луч играл на золотом яблоке звонницы, и Божья Матерь стояла над знаменитым полем величественная и осиянная.

– Утром началось, – Михаил Прокофьевич вспомнил, что ни на какое построение и времени не оставалось. Ждали пехоту и мотоциклистов, и майор заспешил к новому отделению. Здесь чувствовалось напряжение: под глазами у девушек лежали тени. Майор тепло поздоровался:

– Вы у меня, как пятая батарея, – пошутил он. – Полевая почта первой моей батарее письма приносит, отличая по литере «А» после номера части, второй – под номером «Б», ну, и так далее...

– Значит, мы «Д» будем, – догадалась Зина, и майор согласен кивнул. Потом глянул на оружие и посуровел:

– Это что за самодеятельность?

Сержант Копылова поднесла руку к пилотке:

– Товарищ майор, мы всю войну с собой белую краску в баночке возим. Ну, в надежде, что с нашей помощью собьют самолёт и на своей установке мы сможем звёздочку в знак такой победы нарисовать. Да так вот до сегодняшнего утра и не открыли. А тут решили – надо же использовать! Разрешите не вымарывать надпись?

...Михаил Прокофьевич поднялся с холмика. «Пойдёмте к тому месту» – предложил он, и мы двинулись ещё дальше к северному краю поля. Минут через пять майор остановился, перевёл дыхание.

– Вот тут дерзко глядела стволом на запад их пушчонка. И по лафету с наружной стороны красивым курсивом девичья рука вывела всего два слова. «Прощай, Родина!», – значилось там, и у меня не повернулся язык запретить эту надпись...

Мы опять вернулись к холмику. Я чуть не наступил на собаку, почти неразличимую уже. Дальше, над местом торжеств, гремела музыка, и гул людских голосов стал более отчётлив в вечернем воздухе. Михаил Прокофьевич сказал:

– Пора к людям. История, собственно, на этом и кончилась. Мотоциклистов мы не пропустили, пехоту остановили,

и лишь урывками могли видеть, как рядом с нами разворачивалось танковое побоище. А потом из танкового клубка вывалилась неизвестная нам до того махина и пошла утюжить наши порядки, начиная с первой батареи. В неё стреляли, но что такое сорокапятимиллиметровая игрушка против «Фердинанда»? Он даже связки противотанковых гранат так давил, что только искры из под гусениц сыпались. В десять минут он разделал наш дивизион и потом прошёлся по окопчику управления. Меня контузило, но об этом я узнал лишь спустя много часов в санчасти, куда нас, уцелевших, свозили тысячами. А потом почти год я и видел, как в той песне, только «белый цвет прифронтовых госпиталей». Комиссовали, и я уехал на родину. И все годы маялся от того, что так и не узнал до конца о судьбе группы «Прощай, Родина!». Мне ведь восемьдесят четыре уже, больше сюда не приеду. Но и сегодняшнее посещение, кроме боли, ничего не дало... Счастливо оставаться.

Он поднялся с холмика, и пошёл в сторону празднующих. Я лишь глядел ему вслед.

А рядом лежала собака, в зрачках которой качались люстры праздничного салюта.

Часть вторая

РАССКАЗЫ

С ЛЮБОВЬЮ ИЗ РОССИИ

Лет двадцать назад в поисках экспонатов для краеведческого музея я колесил по сёлам и хуторам района. Мало-помалу грузовик отдела культуры пополнялся то старой иконой, то прапрабабушкиной понёвой, то книгой с непривычной глазу дореформенной орфографией...

На этот раз вместе с замечательным краеведом Александром Тихоновичем Харыбиным мы завернули на хутор Липовый Лог. Притаившаяся под сенью гигантских верб единственная улочка хутора встретила нас звенящей тишиной. По обе стороны дороги стояли крытые соломой избы, в основном заколоченные. Политика «неперспективных» деревень была в самом разгаре, и приговорённый хутор стал тому свидетелем.

Остановились у колодца, чтобы подлить воды в радиатор. Пока поднимали из немыслимой глубины окованное двумя обручами ведро, сюда подошла старушка. Маленькая, сгорбленная, чёрная – она отвечала всем требованиям классической русской бабки. Признаться, именно её и не хватало, чтобы дорисовать картину полузаброшенного хутора.

– Что же ты, мамаша, внуков-то за водицей не послала? – спросило кто-то из нас.

– Так одна осталась.

Старушка охотно подставила своё ведёрко под струю, которую мы вылили из поднятой бадейки. Разговорились. Оказалось, Дарья Васильевна Пупынина (так её звали) была старожилом хутора, значилась тут в числе первых пересе-

ленцев из Верхососны. Памятуя о том, что село это богато на приметы старины, я спросил:

– А у вас-то, Дарья Васильевна, не сохранилось ли чего из прошлого, что вам не нужно?

Вместо ответа старушка пригласила нас в свою избу. Мы прошли почти в конец хутора, миновали ничем не огороженный дворик, где сквозь буйные сорняки едва различалась дорожка, и попали в просторную горницу. В отличие от улицы тут была абсолютная чистота. В святом углу полузадёрнутая рушниками золотилась икона, земляной пол был слегка присыпан свежесорванной травой. Высокая деревянная кровать ручной работы, стол, накрытый клеёнкой с весёлыми цветочками и патефоном.

Мы оба молча и алчно уставились на почти игрушечную по размерам прялку, что стояла в противоположном от иконы углу. Уж очень красиво был отделан этот атрибут ещё недалёкого прошлого каждой крестьянской избы. Хозяйка перехватила наши взгляды и несогласно покачала головой:

– Нет, пряху не отдам: одна у меня утеха осталась. Вот разве что из сундука выберете...

И она откинула крышку деревянного короба, который мы сначала и не заметили за громоздкой кроватью. Вся внутренняя часть крышки, как это водилось, была оклеена страницами старых газет. Желтели тут листки выходившей некогда в колхозе многотиражки «Кировец», районной газеты «Будёновец», куски «Социалистического земледелия» времён становления колхозов.

Сама по себе эта крышка сундука уже была экспонатом. Но и дальше мы увидели много интересного. Вот хозяйка достала лежавший сверху старинный женский костюм, ниже свёрнуто ещё что-то из одежды, а дальше...

Дарья Васильевна развернула перед нами штабс-капитанский мундир русского артиллерийского офицера времён первой мировой войны. Погоны с поблёкшей позо-

лотой и четырьмя звёздочками, офицерский Георгиевский крест с бантом, стоячий воротничок, защитный цвет полотна... О таком экспонате можно было только мечтать.

– Мужа, Петра Васильевича, мундир, – тихо сказала старушка, и по голосу её мы поняли, что при жизни она с этим мундиром не расстанется.

А дальше лежали три книжки подшитого журнала «Нива» за 1905–1907 годы, крупная пачка облигаций послевоенного займа и... опять неожиданность: вертикально, вдоль стенки сундука в развёнутом виде стоял японский веер. Даже в полумраке комнаты он играл невыцветшими красками, а когда Дарья Васильевна повернула его к окну, то мы ясно увидели на веере тонкий рисунок гор, облаков и летящего дракона. Но внимание наше в этот момент привлёк не столько веер, сколько лицо старой женщины. Столько щемящей тоски, может быть, скорби было в её глазах, что мы не могли нарушить молчание первыми.

...Сухо щёлкнули бамбуковые палочки, старушка ловко сложила веер и поведала нам историю, которую мы тогда так и не восприняли всерьёз. Ведь Дарье Васильевне, по её словам, шёл девяносто третий год.

Пётр Васильевич Пупынин был вторым денщиком командующего русской Дальневосточной армией Куропаткина. Призванный из состоятельной верхососенской семьи, до службы он успел окончить уездное училище, за что штаб и выделил его из серой солдатской массы. Находясь в услужении у Куропаткина, молодой солдат почти не участвовал в боевых действиях против японцев. Чаще он выполнял деликатные поручения главнокомандующего, отвозя в Россию всё, что генерал считал своим личным трофеем.

Однажды утром, принеся в кабинет чай и яичницу, Пётр Васильевич попросил:

– Ваше высокопревосходительство, от солдат проходу нет – лакей да лакей. Позвольте поучаствовать в настоящем деле!

– Скоро под Мукденом будет жарко, – сказал генерал, заправляя салфетку за воротник. – Позволю повоевать. А ежели после битвы уцелеешь – поедешь в Петербург с моим поручением, Ступай...

Солдаты Восточно-Сибирского полка смогли убедиться, что денщик главнокомандующего – человек не из робкого десятка. Когда во время штыкового удара погиб офицер, все сразу положились на человека, близкого к генералу. И Пётр Васильевич вывел полуроту в японский окоп.

А днём позже сибирские стрелки разгромили штаб крупного японского отряда. Рядом со штабом был госпиталь, где ещё до пленения самураи сами вырезали весь персонал и раненых. В палатках, когда туда вошли стрелки в лохматых шапках, были лишь трупы.

Здесь-то, под столом походной операционной, и нашёл Пётр Васильевич живую душу. Сестра милосердая в забрызганном кровью халате, почти девчонка, затравленно глядела на сибиряков, испуганно приседая при каждом звуке.

22 февраля русская армия начала отход. Поражение её было страшным. Но Пётр Васильевич избежал крушения. На госпитальной фуре он вывез в тыл армии и японскую девушку.

Вскоре перегруженный эшелон по транссибирской магистрали вёз в Россию урядника Пупынина с поручением генерала и юную японку. На промороженных станциях духовые оркестры выстывали новый вальс «На сопках Манчжурии», во встречном направлении паровозы натружено тянули составы с артиллерией, конями и притихшими новобранцами...

Через месяц в столице девушка приняла православие, а потом в Верхососенском соборе обвенчалась с Петром Васильевичем Пупыниным под именем Дарьи. Отчество она

взяла как у мужа. Урядник уехал в действующую армию, а Дарья осталась невесткой в его семье. Свёкор и свекровь, люди хоть и прижимистые, но добрые, души в ней не чаяли. А на селе поговорили о «Петровой татарке», да и умокли. Через два года, когда Пётр Васильевич в чине подпрапорщика приехал на побывку, у него уже подрастала дочка Татьяна, а жена вполне сносно говорила по-русски.

В двенадцатом году свёкор Василий Савватеевич перебрался из Верхососенска на хутор. И земли больше, и хозяйского размаха. А в сентябре семнадцатого пришёл домой и Пётр.

– Хватит, навоевался, – сказал он жене и подхватил на руки вторую дочку, Варвару.

...Конечно, Дарья помнила Японию, тосковала, но постепенно полудетские воспоминания тускнели в памяти, вытесняли их заботы по дому.

Жизнь свою она считала сложившейся. Хотя муж ушёл военспецом в Красную Армию, но после гражданской войны забрал её с дочерьми к себе в гарнизон. В тридцать втором где-то на севере затерялись следы раскулаченных стариков Пупыниных.

А пятью годами позже как враг народа был расстрелян офицер Пётр Васильевич Пупынин. Дарья Васильевна не стала накликать беду на семьи замужних дочерей и в день страшного известия уехала на хутор.

Представители НКВД навестили её лишь в сорок восьмом. Когда открыли сундук для обыска, Дарья Васильевна с ужасом подумала о веере. Это было всё, что осталось у неё от родины, от юности, от мужа, но этого было достаточно, чтобы прослыть японской шпионкой.

– Вы русская? – приподняв расписную понёву, спросил лейтенант-особист.

– Из сибиряков, – ответила она (нужную метрику ей выправили ещё в штабе Куропаткина).

Лейтенант опустил крышку.

Так и скоротала она оставшийся век. Без семьи, в одиночку. Как все, работала в колхозе, на пенсию ушла после семидесяти.

Совсем недавно я вновь переступил порог этого дома. Теперь к выбитой двери не вела никакая тропинка. Густой бурьян едва позволял преодолевать себя.

В избе не было ни иконы, ни кровати, ни сундука. В провалившуюся крышу просвечивалось дневное солнце. Ничто уже не напоминало о Дарье Васильевне... Уже уходя, я поднял узкую золотистую полоску. Погон с дырочками от звёздочек.

А чуть в стороне от дверного проёма лежал искалеченный патефон. Поднимаю разбитую пластинку. Тщательно протираю этикетку и читаю «Чио-чио-сан. Романтическая история любви лейтенанта американского флота и японской девушки».

Мир вашему праху, Дарья Васильевна и Пётр Васильевич.

г. Бирюч, май 1996 г.

ТЕЛЯЧЬИ НЕЖНОСТИ

Фронт тысячекилометровым змеем дымился и ворочался на местности. И где-то ближе к середине его, в только что захваченном немецком окопе, тяжело дышали и приходили в себя семнадцать бойцов. Всё, что осталось от шестидесяти двух человек всего семь минут назад поднявшейся в атаку роты. Они сидели среди трупов убитых ими и тех, кто мог убить их, среди мёртвых товарищей, ещё пять минут назад живых. Уцелевшие были в крови и грязи, и чудовищной неуклюжестью фигур мало походили на людей. Каратели, побившие убийц. Гнойные сливки рукопашного боя.

Красноармеец Корепанов снял вогнутую ударом каску и пощупал огромное пунцовое ухо. Старшина Малютин про-

следил в чистом небе полёт расцветшей зелёным цветком ракеты и громко прокричал:

– Офицеры есть?

Молчание было ему ответом. Старшина поднялся и так же громко сам себе сказал:

– Офицеров нету. Как старший по званию принимаю командование на себя. Рота, выходи строиться!

Кряхтя и матерясь, солдаты начали выползать на свою сторону окопов. Старшина опёрся сапогом о ящик со снарядами и тоже выбрался наверх.

Стояли перед ним ошмётки роты. Ещё пять минут назад они были зверьми и теперь медленно возвращались в человеческое обличье. Корепанов с залитой кровью половиной лица. Сержант Матынян без правой штанины на кривой ноге, чешуйчатой и грязной, как у динозавра. Красноармеец Божья Воля. На чёрном лице белки глаз, похожие на фары. Ни одного целого. И сам старшина с недоумением увидел у себя в руке немецкую сапёрную лопатку. Как и где её поднял – не помнил.

Что хотел сказать товарищам старшина Малютин – мы не знаем. Потому что с передовой, из самого пекла недавнего боя, появились двое верховых. Лейтенант на маленькой рыжей лошадке. Без седла, с рукой на перевязи. И майор, без головного убора, как бог войны – на огромной, словно сложенной из глыб, чёрной лошади. Пока майор с болезненной grimасой слезал на землю, старшина стал перед ним и приложил руку к пилотке:

– Командир ветеринарного взвода второй роты, второго батальона, одна тысяча сто восемьдесят первого полка, триста восемьдесят седьмой стрелковой дивизии старшина Малютин. Определяем потери после атаки, товарищ майор.

Офицер оглядел неровный ряд и попытался пройти вдоль строя. Но перенести тяжесть тела на левую ногу не смог, уцепился за стремя:

– От имени командования батальона объявляю всему личному составу благодарность!

Солдаты постарались подтянуться, неровно, но дружно ответили:

– Служим трудовому народу!

– Хорошо служите! – майор вытер лоб зелёным платком и продолжил:

– Сейчас вам надлежит следовать на отдых и переформирование. В четырёх километрах отсюда расположена вёска Скрыня. Там вы поспите и отужинаете. А через два дня обязаны прибыть в Пинск, в расположение части. Командуйте, старшина... Да помогите сесть в седло, черти!

Корепанов сорвался с места, подставил под костлявый зад майора широкую ладонь и подтолкнул его. Майор гикнул, и каменная его лошадь со спутником двинулась дальше вдоль окопов.

А наши недобитки пошли в вёску.

Они пришли туда, когда солнце за лесной вырубкой сплющилось о горизонт. На окраине вёски стоял обоз трофейщиков – оглобли вверх. Там уже дымилось, и в воздухе пахло варёным мясом.

Встретил старик, с крюком вместо руки. Ветеран империалистической и счетовод. Рассказал, что в вёске до войны было отделение совхоза. Тут держали стадо зубров, отсюда молоко прямиком поставлялось в столовую Центрального комитета Коммунистической партии Белоруссии.

– Перед оккупацией зубров угнали в лес. Да куда там! Нашли немцы проклятые, сожрали стадо. На дальних отгонах сохранили несколько пар голов на развод. Да тут, на вёске, уберегли шесть коров. Немцам сказали, что у них ящур. Да они и правда полудохлые. Без ухода и кормёжки какое там стадо! Да восемь телят ещё. Три телёнка совсем плохие, не выживут. Мы одного на ужин вон той части отдали, что на опушке остановилась. И вам телёнка дадим. Проса отсыпем –

каши сварите. Словом, располагайтесь, товарищи, мы вас два года ждали!

Расположились. Сначала хотели выспаться. Но голод не тётка – старшина отрядил Корепанова в загон за телёнком.

Тот привёл.

Телёнок с лишаистыми боками и крупным голым лбом на ногах нетвёрдых, но широкой кости. Видна порода. Старшина до войны ветеринарным фельдшером был в научном институте под Харьковом. Сразу понял – респиреумония contagiosa bovum. Повальное воспаление лёгких. Заразная болезнь. Мера борьбы одна – поголовный убой. Но есть можно.

Все семнадцать окружили телёнка. Это же мясо, от которого в окопах давно отвыкли. Имеется в виду – мясо животных.

– Красноармеец Корепанов! Заколоть телёнка.

Корепанов вышел из круга, взвесил на руке тесак, примериваясь, куда ударить. Занёс руку. Замер:

– Да киньте ему тряпку на глаза! Смотрит... как ребёнок!

Тряпку кинули. Телёнок, стараясь стряхнуть её, начал пятиться. Сзади его подпёр Матынян.

– Коли!

Корепанов психанул:

– А чего я? Крайнего нашли. Да я в окопе своё уже отколот. На сто жизней вперёд.

Плюнул и воткнул нож в землю. Отошёл и сел, придерживая враз заполыхавшее ухо.

Старшина растерялся:

– Ну, черти. Кто смелый! Это же не фашист, он не ответит.

– Вот именно. Не фашист, – красноармеец Божья Воля взял тесак и стал напротив телёнка. Снял тряпку. Развернул тесак в ладони, рукоятью постучал теленка по лбу:

– Ну, дурашка. Ты пойми, нам жрать надо. Мы голодные, как волки. Ну – не мы, так другие сожрут.

Молоденький красноармеец, с упавшим на предплечье погоном, засмеялся:

– Сразу видно учителя. Ты с ним ещё по-немецки поговори, на языке Гёте.

Божья Воля так же, ручкой вперёд, сунул клинок красноармейцу:

– Смелый? Ну, так и коли.

Красноармеец нож взял, другой рукой попытался приладить погон на место, зачем-то поплевав на него:

– А запросто. Представим себе, что это не телёнок, а фашист. Какой-нибудь Ганс из Гамбурга...

Красноармеец поднял нож на уровень лица, ища место для удара:

–...или Фриц из Франкфурта...

Но неожиданно тоже кинул нож на землю:

– Не могу. Какой он фриц? Да и кто видел, чтоб фрицев жрали? Убивайте сами.

Так и стояли. В кругу солдат – телёнок на шатких ножках. Корепанов сказал:

– Старшина. Попроси кого-нибудь из местных. Жрать же хочется. Вон, бабы просо принесли. С полпуда. Дело за мясом.

Старшина только теперь отбросил сапёрную лопатку. Почувствовал пустоту в руках. Поднял тесак:

– Слабаки. Гляди, как надо!

Старшина знал, куда бить. Межу ребер, в сердце. Вот сюда, в седую проплешину...

Старшина опустил нож и засмеялся:

– Да кто ж телят режет? Его ж надо деревянной кувалдой по лбу!..

И все подобрели, растаяли и глядели на телёнка, как на родного. Словно отложенная казнь как-то оправдывала их. Послали красноармейца в совхозный сарай за кувалдой. Там наверняка есть.

Подошёл одорукий хуторянин. Долго стоял поодаль, высекая из зажатого в крюк кресала искру. Старшина чиркнул

спичкой, помог старику прикурить. Дым потянулся такой, что даже телёнок поморщился.

– А я думал, у вас в котле уже кипит. Что – телёнок не нравится?

– Да не то, чтобы, – старшина замылся. – Зарезать рука не поднимается. Кувалду надо.

– Надо, – согласился местный. – Но можно и ножом. Какая разница. Кабы у меня сила в руке – я бы вам постарался. А то глядите. На опушке там санитарный обоз остановился. Так я им худобу отдам.

– А и отдай, – учитель Божья Воля потрепал приговорённого за ухом. Круг разомкнулся, и Матынян хлопнул телёнка по задку. Тот шевельнулся, неверно переступил ногами. Неожиданно зло однорукий ткнул его крюком в бок и погнал с поляны.

С минуту так и стояли, разорванным полукругом.

– Улыбнулась нам говядина. «Но ах! лишь солнце засияло, / Угасли милые черты!» – подвел итог Божья Воля.

От сарая вернулся красноармеец. Приволок огромную кленовую кувалду:

– Вот... А где телёнок?

И разом засмеялись все. Сначала прыская в кулак, потом уже едва сдерживаясь, затем заржали по-жеребиному на всю вёску. Телёнок, понукаемый счетоводом, сначала присел от страха, а потом вскинул зад и помчался по улочке, подгоняемый солдатским хохотом...

ЭШЕЛОН

Начнём с того, что его боялись собаки. Он привык командовать, он не мог не быть главным. И теперь в холодном столыпинском вагоне военные негласно и сразу признали в нём вожака. Эшелон шёл из Германии на Урал, собрав в свои шестьдесят с лишним вагонов легкораненых солдат, следующих на долечивание и переформирование. Он ехал в краткосрочный отпуск. По случаю контузии. Контузия давала себя знать иногда и неожиданно: то обваливая его в беспомощность, то доводя до изнурительной пляски прямо посередине вагона. Иногда лежал на спине, беззвучно подпевая нетрезвому хору, внезапно ревавшему новинку сезона – «Песню жуковских орлов»:

– Шагом, братцы, шагом,
До города Чикаго!..

Он был майор двадцати девяти лет от роду и Герой Советского Союза. На весь состав он был единственный.

Другие тоже были героями. Эти солдаты прошли Крым и Рим, и каждый стал идеальной машиной для убийства. Но они же и люди крайностей. Их в боевой кулак можно было собрать короткой командой. Но, закусив удила, военные могли уйти в смертельный запой. Особенно теперь, далеко от передовой.

Этих солдат нельзя унижить – только убить. Война каждому дала право быть, а не оставаться тварью дрожащей.

По ходу движения на замороженных станциях солдаты бегали за кипятком, в Польше посадили в вагон четверых пани, «целум ручёночки». Да и высадили в Смоленске. Он приказал – вагон подчинился. За кипятком он не бегал, зато на больших станциях ходил в комендатуру за спиртом. Герою нигде не отказывали.

В светлую морозную ночь под 23 февраля эшелон закатился на запасной путь станции Палатовка. Выскочили на белые откосы, забегали, пустились кидаться снегом.

Его отправили в комендатуру.

Он шёл, спотыкаясь о припорошенные шпалы, и недоумевал – почему загнали на запасной, ведь станционные пути пусты? Хотя по опыту понимал, что придётся постоять, пропуская какой-нибудь литерный состав.

Но состав, ради которого их загнали на запаску, уже вкачивался со стороны Валук. Это был спаренный чёрный паровоз с дощатыми вагонами, в прорехах. Вагонов девяносто. Состав начал тормозить издали, скрежет и искры из-под огромных колёс свидетельствовали его тяжести.

Он понял, что везут пленных немцев. И вдруг красной волной в голову ударила кровь. Как? Его, Героя, на запасной – ради фашистских недобитков?! Страшным усилием воли он вспомнил о контузии и удержал себя в руках.

А из вагонов, во всю длину, уже выскакивали солдаты охраны с собаками. Собаки привычно садились у ног конвоиров. Пленных не выпускали. Вагоны молчали. Видимо, там всех упокоил сон.

Он подошёл к мальчишке-конвоиру. Собака испуганно уткнула нос в полы полушубка охранника.

– Откуда–куда, служба?

Конвоир приставил карабин к ноге и вздёрнул подбородок:

– Не положено разговаривать, товарищ майор!

– Да ладно тебе! Не стану же я их, сволочей, освобождать.

И, легко ступая по гравию, он пошёл дальше.

В комендатуре сидели двое, играли в карты. Сержант-телеграфист и гражданский. В офицерской шапке со следом от звёздочки, солдатских галифе и телогрейке. Вместо правой ноги – деревяшка с резиновым наконечником. Мужик лет сорока.

Он спросил начальника станции, мужик им и представился. Он спросил – на каком основании предпочтение отдаётся эшелону с пленными? Начальник ответил в том духе, что дело не в пленных, а в составе для 1-го Белорусского фронта, который с минуту на минуту прибудет сюда и простоит

столько, сколько потребуется. Состав технический – с запчастями, медицинским оборудованием и так, всякой мелочью. А вот когда всё это добро отправят на фронт, тогда и солдатский эшелон пойдёт дальше. И пленные тут ни при чём. Не сахарные, не замерзнут.

Он попросил спирту. Начальник станции отодвинул ящик стола, вынул флягу.

– Ну, звывняйте дядьку, больше нету.

Герой опять почувствовал в голове красную волну и опять удержал себя. Вежливо поблагодарил. В том смысле, пока мы там кровь мешками проливаем, вы тут в дурака режетесь. Мужик слегка обиделся и ответил, что ногу тоже не на футбольном поле потерял.

С тем и расстались.

Он вернулся в вагон злой. Герои тоже озлились. И все начали устраиваться спать, натягивая воротники шинелей на уши.

А потом – чёрт его знает, откуда, так на фронте бывает – в вагон просочилась новость: на станцию пришёл состав со спиртом.

Закряхтели, задымили. Спать уже не могли.

– А сходить? – спросил сам себя старшина-лётчик в стального цвета офицерской шинели.

С ним сходить тут же решились ещё несколько человек.

Герой сходить не хотел. Он хотел спать. Потому плотнее подтянул под живот ноги и уже было совсем провалился в дрему.

Как вдруг на станции раздались выстрелы. Он знал эту стрельбу – заполошную, на грани паники. И ещё привычно мозг, без всякой команды, оценил ситуацию: там спирт и целый состав пленных немцев.

Смесь, гремучее этой, придумать невозможно.

Он выскочил из пустого вагона и побежал на выстрелы. Диспозиция была следующей: состав с пленными угрозы

не представлял. Они хоть и проснулись, но оставались под крепкими запорами.

А у состава 1-го Белорусского фронта проставлена редкая цепь охраны. Стрельба раздавалась от большой белой цистерны с морозной бахромой, у которой и толпились солдаты из его и других вагонов.

Солдаты пытались взять спирт, охрана стреляла в воздух.

Старшина в стальной шинели подбежал, задышал тяжело:

– Майор, ты с ними поговори. Нам много не надо – по фляжке на брата. Ну – не воевать же с ними! И того не поймут, дураки, что мы без своего не уйдём. Как курам, головы посворачиваем.

И посворачивают, понял он. Широко распахнув шинель, сияя звездой, он пошёл на охрану. Те вызвали подкрепление – усатого старого полковника медицинской службы.

Говорили на высоких тонах, кричали. Скоро у бочки со спиртом был весь эшелон Героя. Краем глаза он успел заметить и поселковых штатских с тележками, с бидонами. Дело принимало скверный оборот.

Две рати схлестнулись у цистерны. Герой и его товарищи и полковник с охраной. А из посёлка уже подтягивались новые жаждущие. Если не стрелять в людей, то цистерну растянут, как пить дать.

И тут, между ратями, появилась торопливо ковыляющая фигура с палкой. Мужик, начальник станции. Он свирепо глянул на Героя и стал рядом с полковником. Снял шапку, вытер мокрые волосы и закричал:

– Славяне! Вы ошалели? Тут же древесный спирт – ослепнете все на хер!

Но старшина в стальной шинели толкнул мужика в грудь, вырвал палку и ударил охранника. Началась свалка. Охрана стреляла в воздух, но на выстрелы уже никто не обращал внимания.

Как вырвался из катавасии мужик – никто не видел. Но через минуту, когда старшина сбивал замок с крана на цистерне, начальник станции привёл несколько сотен пленных немцев. Они молча и равнодушно начали оттеснять толпу.

Охранники с собаками были тут же, готовые спустить псов на мародёров. Но Герой взглядом сажал собак на снег.

Крови пока не было, но её должно брызнуть скоро очень много. Герой тоже махал руками, бил кого-то в грудь и лицо. Работал не столько он сам, сколько контузия.

И опомнился он уже на площадке цистерны, увидев себя, тянущего руки к ватнику мужика – начальника станции. Так получилось, что они двое теперь были видны на возвышении всему сражению.

– Гаси его! – редела толпа. И делом это было не сложным. Мужик на одной ноге хил, майор трепал его, как огородное чучело. В какой-то миг он рванул телогрейку, и она, отстреливаясь пуговицами, распахнулась.

Уже не красная, а чёрная кровь ударила в голову майора. Он окаменел.

Окаменела дикая рать. И пленные, знавшие цену русским фронтовым наградам, тоже окаменели.

На груди мужика без ноги сияли две звезды Героя Советского Союза.

И разом что-то произошло под небом. Словно скинувшие плену с глаз, солдаты пристыжено пошли к вагонам. Немцы организованно потянулись в подвижную тюрьму, а полковник снял и увёл охрану от бочки со спиртом.

В вагоне молчали до утра. Утром старшина сказал майору: – Сходи, от всего эшелона попроси прощения. Спроси, может, – махорки надо, тушёнки. Семья, поди, при нём.

Но Герой сходить на станцию не успел. Почти тут же состав дёрнулся, где-то далеко, в голове эшелона, прокричал, прокурарекал паровоз. Скоро в открытой двери проплыли

станционные постройки, домик коменданта, коновязи, потом там же зачехардили поселковые хаты, переезд с двумя полуторками, понурой лошадкой, с укутанным в тулуп возницей на санях за закрытым шлагбаумом, поля, серенькое февральское небо. Кто-то вспомнил, что нынче – день РККА, но выпить не предложил никто.

...Через несколько дней майор прибыл за предписанием в штаб. Напутствовавший его кадровик из Управления тыла сказал примерно так: скоро победа. По всей стране помчатся поезда с демобилизованными победителями. Народ шептливый и неуправляемый. К этой кампании Верховный укрепляет пути их движения самыми авторитетными фронтовиками. Работа ведётся с зимы.

Герой получил назначение на должность коменданта степной железнодорожной станции.

ПЕНИЦИЛЛИН

Бой бушевал в двух километрах от полевого госпиталя. От уханья пушек прогибались и хлопали брезентовые полы палатки, и хирургу Фаброму казалось, что с каждым недалёким падением снаряда пригасает яркая лампочка над операционным столом. Раненые поступали потоком, и врач чувствовал себя рабочим на поточном производстве. Ломаные руки, ноги, пробитые головы, рваные животы уже воспринимались им запасными частями к какому-то гигантскому биомеханизму. Ассистенты привычно и тоже механически подавали инструменты, вытирали ему пот со лба и равнодушно бросали в тазы отрезанные органы.

Фабрый точным глазом определял жизнеспособность раненых. Фронтовой цинизм, поражавший и врачей, подсказывал ему, на кого стоит тратить ценное лекарство, а кого можно оставлять умирать от безысходности.

И у него был пенициллин. Лекарство он получил утром в количестве пятидесяти ампул со строгим приказом от хирурга армии расходовать его только на офицеров и таких больных, кого ещё можно возвратить в строй. Вернее даже сказать, что вручили лекарство не ему, а лейтенанту особого отдела Кантору. И каждую выданную ампулу лейтенант записывал в журнал с данными о раненом, на кого пенициллин потрачен.

К обеду, как сообщил особист, у него осталась последняя ампула. И её, от греха, следует попридержать на случай ранения большого военачальника.

Конечно, будь воля Фаброго, он бы колол лекарства всем. Он был хороший врач, о чём в довоенном Курске мог сказать каждый. Он учился ещё в дореволюционном университете, где клятва Гиппократы почиталась выше всех медицинских истин.

...А с поля боя всё несли и несли. В третьем часу дня с ушибом голени привели пехотного полковника. Он был пожилой, водянистый и визгливый. Он сразу потребовал начальника госпиталя и приказал немедля вести себя в тыловую госпиталь. Начальник госпиталя забегался, а Фабрый уложил полковника на кушетку и дал капель. Полковник поуспокоился, но тут же заявил, что знает о чудо-лекарстве, которое требует уколоть себе немедля.

Но тут ухнуло совсем рядом, лампочка мигнула, но не погасла. Полковник на топчане укрылся полкой шинели и притих.

И тут на стол положили новый раненый организм. Правая нога выше колена держалась на сухожилиях, синяя пена на губах, и... татуировка нацистского орла чуть повыше сердца. На толстом пальце – кольцо с Адамовой головой. Немец. Как он сюда попал!? Кто в суматохе боя приволок врага?..

Стоп, стоп... Только спокойствие. Критическая потеря крови. Пульс слабый, но ровный. Зрачки расширены, но реагируют на движение руки.

– Сестра! Шприц с пенициллином!

Фабрый от нетерпения щёлкал пальцами в воздухе.

Шприца не было.

– В чём дело, сестра?

Женщина ответила шепеляво, сквозь маску:

– Так лейтенант не даёт! Держит на случай генерала.

Фабрый отклонился от стола и сам вытащил из гнёздышка последнюю ампулу. Передал, и сестра скоро наполнила шприц.

Хирург сам ввёл иглу в мягкую ткань раненого.

И через минуту уже забыл о нём, потому что скорбный конвейер не терпел остановки.

Ближе к вечеру бой затих, и канонада переместилась дальше к западу. Полковник проснулся, и потребовал сделать себе укол. Когда узнал, что лекарства кончились, пообещал всех виновных отдать под трибунал.

Уже в сумерках за полковником пришла танкетка, и его увезли.

В палатке хирурга напряжение дня спало. Вместе с лейтенантом Фабрый устроил обход оперированным за день.

И тут Кантор выявил немца. И понял, на кого ушла последняя ампула.

...Мне интересно – какого конца вы ждёте от моего рассказа?

Кларисса Григорьевна Расковалова, главный врач санатория, где я провёл почти месяц, – та самая сестра милосердия у хирурга Фаброго – рассказала, что хирурга в тот же вечер арестовали, а через месяц перевели рядовыми в штрафную роту. Но случай каким-то образом стал известен маршалу Баграмяну. И тот вернул Фаброго к операционному столу. Сказав при этом, что у врача есть только один враг – болезнь.

ЯЩУР

– Ха! – отмахивается Валерий Сергеевич. – Да зря никого не сажали! У меня вот есть за войну немецкий Железный крест, а я не сидел! Даже, напротив, – за то же и орден Трудового Красного знамени получил. Он вон – на синей колодке.

– Вы, наверное, разведчиком были?

– Какое там!.. Ветеринарный врач. До пенсии так в спецхозе и работал. А начал здесь трудиться ещё до войны – после Харьковского ветинститута. Войну прошёл замом по тылу командира артиллерийского полка.

– Интендантом?

– Не. Лошади, овёс, сбруя. Полк на конной тяге так до Берлина и дошёл. За это у меня орден Отечественной войны второй степени. А первой уже недавно дали – к какому-то юбилею. Тогда всем ветеранам такой подарок преподнесли.

– А насчёт Железного креста вы приврали?

– Отнюдь нет. Извольте – расскажу. Я, правда, уже пытался это сделать много раз, но репортёры останавливают в непонятном полуиспуге. А я чистую правду говорю. Да и к чему мне врать на десятом десятке? Мне девяносто четыре года, а я ни разу не сидел! А мне твердят: брехня, сидели и не за такие грехи.

– Так вы уж расскажите, Валерий Сергеевич! А то и правда, что Крест железный к вашему образу как-то не вяжется. Даже если вы семьдесят лет назад и выглядели, как нибелунг.

Мой собеседник хитро щурится, и его лицо становится похожим на печёное яблоко:

– Конечно, теперь во мне ничего от прежних времён не осталось. Оно грех так говорить, но война была лучшим временем моей жизни. Вот вы меня сейчас спросите: хотел бы я, чтобы войны не было? И я отвечу: нет, не хотел бы. Побило много народу, но зато какие вершины духа открывались!.. Это такой кусок жизни, когда можно было не лукавить и не бояться. Чувствами жили чистыми, как литое золото.

– Как металл Железного креста, например?
– А вы не ёрничайте. Диктофончик ваш включён? Ну, тогда условие: как продадите сюжет Голливуду – так отсчитайте пару процентов старому кавалеру.

– Условие принимаю. Извольте – диктофон включён!

– Ну, тогда к делу. Давайте сразу условимся, что из своего повествования я исключаю любовную линию. Тут вам оставляю поле для вымысла. В сторону также всякую военную составляющую.

– Стоп, стоп! – отключаю диктофон. – Как же мы обойдём военную тему в военном рассказе? Что ж остаётся?

– Нажмите вашу кнопочку. И кто вас обманул, что главное на войне – сама война? Нет, молодой человек! Главное на войне – жизнь. Отстоять её, обезопасить, укрепить – вот задача войны. Отсюда и то, что агитаторы называют народным подвигом. И мой рассказ – о сугубо мирной операции в условиях великой войны.

Конечно, я человек маленький – простой солдат. Я не знаю и не мог знать действия настоящих пружин войны, мне неведомы были скрытые силы, двигавшие фронтами и миллионными массами народа. И всё, что выходит за рамки моего рассказа, происходило без моего ведома и понимания. Могу лишь догадываться, какие могучие силы были задействованы в обеспечении того, что со мной случилось осенью одна тысяча девятьсот сорок второго года.

Я уже говорил, что перед войной работал ветеринарным врачом. Скорее – даже фельдшером, потому что в колхозе «Дружба народов» была должность именно фельдшера. Колхоз наш был показательный, достаточно богатый. Главное наше добро состояло в дойном коровьем стаде. Надо вам сказать, что село Дубовское – главная усадьба колхоза – до революции принадлежало князьям Юсуповым. И тут, в Дубовском, была графская экономия с образцовым племенным стадом. Революция не тронула поголовья, а советская власть умножила и укрепила его.

Из нашего колхоза сливки и парное молоко поставлялись в Москву, в Кремль. Я сам каждое утро проверял и опечатывал бидоны. Проверял и опечатывал глиняные кувшины со сметаной. Их ранним курьерским поездом через Воронеж и увозили столицу. Мы знали, что так, парным и свежим, наше молочное чудо и подают к столу в семьях наркомов.

В сороковом году, помнится, приехала к нам в колхоз ветеринарная инспекция. Самое поганое, что инспекторы, в военной форме под белыми халатами, колхозных специалистов к себе не подпускали, хотя по окончании своих работ провели малый семинар для нас, районных ветеринаров

И вот тогда высокая властная женщина со шпалами подполковника медслужбы в петлицах и с родимым пятном во всю щёку, приоткрыла нам нечто новое из ветеринарной науки. Она поведала, что в секретных лабораториях у японцев якобы выведен смертельный вирус парнокопытных животных, способный в неделю убить всех коров на земле. Нашим разведчикам удалось прочесть формулу вещества, но саму культуру выкрасть они не сумели. Специалисты в Москве по формуле воссоздали вирус для лабораторных исследований, и вот здесь, на базе нашего колхоза, попытались вырастить антикультуру. Этим, собственно, и занималась мнимая инспекция. Однако, как заверила подполковник, японский ящур оказался фарсом, пустышкой, и потому и сыворотка ящура, и антивакцина оказались совершенно безжизненными и безопасными.

А наш колхоз для опытов выбрали потому, что справедливо посчитали: если японцы и задумают отравить животных, то сделают это именно с показательным стадом, известным в животноводческом мире.

И мне, как главному ветспециалисту, руководитель комиссии передала на хранение четыреста больших мутных ампул с антивеществом. Обязали через год уничтожить ампулы в печке лабораторного крематория.

Я ампулы опечатал, комиссия уехала, а тут – война. Меня в июне прямо от собственной свадьбы забрали на фронт и

определили по тягловому ведомству в конный полк. Тут – отдельная история о том, как я в сельсоветах по мобилизации коней подбирал, как походные шорные мастерские оборудовал, как ветеринаров по тыловым конторам вылавливал.

...Из дома писали, что колхозное племенное стадо сначала в эвакуацию готовили, потом жена написала, что коров придётся пускать под нож. И – тишина, потому что на родине начались месяцы оккупации.

А наш полк втянулся в бои. Гибли люди и лошади, бескормица вела к падежу, и я вымотался и похудел так, что ветром качало. А однажды тёмной октябрьской ночью за мною пришли из особого отдела.

Командир полка было мыкнулся сказать, что без меня завтра падут все кони, но его никто не слушал. Меня посадили в крытый кузов полуторки, и ехали мы вдоль фронта почти двое суток – от Ржева к Курску. Меня не арестовали, но в то же время явно конвоировали, приставив двух милиционеров с винтовками. Мои охранники лишь курили и спали по очереди. В кабине трясся сержант НКВД с моими документами.

Вопреки дурным ожиданиям, меня привезли в областное управление сельского хозяйства. Здесь выдали гражданскую одежду и без всяких объяснений посадили в легковушку.

И повезли в сторону фронта. Со мной ехали двое: старший майор госбезопасности, просивший называть его Галактионычем, и молодой человек с лёгкой курчавой бородкой, явно не знавшей бритвы. Молодой человек назвался кандидатом ветеринарных наук Вебером. Он тут же поправился, что сам – не немец, а еврей.

Галактионыч вывел машину к самым окопам на передовой. И тут только я начал узнавать местность. Мы были в нескольких десятках километров от полей нашего колхоза «Дружба народов».

Глубокой ночью меня и Вебера Галактионыч, предварительно выстрелив в небо фиолетовой ракетой, вывел на

нейтральную полосу. При этом он нёс перед собой на шесте белый прямоугольный флаг.

Фронт молчал, и робкой Луне, прикрытой маскировочной сеткой облаков, наверное, интересно было видеть, как с немецкой стороны навстречу нам вышли двое с таким же белым полотнищем. Молча Галактионыч передал немецкому офицеру наши документы в планшетке и нас самих. Мне сказал:

– Сегодня понедельник. Буду ждать вас тут каждый день, но не больше недели.

И ушёл, чётко повернувшись на каблуках. А немцы стали один впереди, другой позади нас, и мы пошли к вражеским окопам.

О чём я тогда думал? Да ни о чём! Оружия у меня нет, документов нет. Я никто, зачем-то отданный немцам в плен. Сомневаюсь, чтобы об этом лично Гитлер попросил лично Сталина, но зачем-то я передан в лапы врагу.

Уже немцы усадили нас с Вебером внутрь вонючей танкетки и повезли. И утром мы оказались в центральной усадьбе колхоза «Дружба народов».

Удивительно, однако колхоз работал, как и при советской власти, и даже председателя не поменяли, как я успел заметить, высунувшись из люка бронемшины. Я попытался объяснить сопровождающему офицеру, что мне надо бы побывать дома, но танкетка стала у крыльца ветеринарной лаборатории.

Подталкивая прикладами, немцы ввели нас в до последнего гвоздя знакомое мне помещение. Тут сидел важный немец в гражданской одежде и при сигаре в окружении нескольких офицеров.

Меня вытолкали на середину, напротив гражданского. Он по-русски спросил фамилию, я ответил. Тогда он потянулся к середине стола, взял там большое фото и подозвал меня поближе пальцем:

– Знаете эту женщину.

Я глянул:

– Ну да. Это подполковник медицинской службы. Она тут работала перед войной. ...Вот ещё – родимое пятно во всю щёку.

Тогда гражданский указал мне и Веберу на стулья у стены и огорошил такими словами:

– В конце тридцатых годов японцы пытались вывести культуру вируса, способного многократно повысить продуктивность дойного стада. Они там долго мудрили, и у них ничего не получилось. Но русская разведка выкрала формулу вируса и на базе вашего колхоза пыталась приготовить по ней вакцину. Однако что-то пошло не так: вместо новой селекции скота, биологи под командой этой женщины вывели культуру убийственного ящура. Он оказался столь мощным, что способен уничтожить поголовье дойного стада на всей планете в одну неделю. И не только дойного: под ударом могла оказаться вся парнокопытная фауна. Коровы, олени, туры, козы et cetera – это ведь не только молоко и мясо. Это стратегическое кожное сырьё, костная мука, удобрения для полей, наконец! Это, как вы понимаете, – стопроцентная продовольственная катастрофа. Нынешняя война между Германией и союзниками России на фоне такой беды покажется лёгким недоразумением.

Гражданский посопел, пососал сигару и продолжил:

– Три дня назад в показательном дойном стаде колхоза «Дружба народов» в одну ночь пали восемь коров. Вчера ночью – уже тридцать четыре. И тогда же в окрестных деревнях, насколько нам известно, издохли около восьми десятков голов. А поскольку из местного хозяйства молокопродукты частью попадают в Берлин и даже дальше – был проведён экстренный анализ. Результат однозначен. Мы имеем дело с ящуром, выведенным в лаборатории известной нам дамы.

А поскольку время укротить ящур идёт на часы, то на самом высоком уровне... – гражданский поднял глаза в гору и туда же пустил дым, – достигнута договорённость о совместном устранении несчастья. Москва сказала, что автора вируса уже нет в живых, и потому привлекла господина Вебера, члена её команды. А вас – это он ко мне – подключили на правах хозяина места эксперимента.

– Но ведь я совсем не владею ситуацией! – попытался откеститься от дела я. – И потом, мне бы дома побывать.

Гражданский отложил недокуренную сигару на пепельницу и поднял руку:

– Никаких вольностей. Вы на казарменном положении. А теперь прошу к гостевому домику – там уже работают специалисты из Германии и Японии...

...Валерий Сергеевич говорил всё тише, и скоро разобрать слов стало почти нельзя. Я выключил диктофон, на сидящего в глубоком кресле старика накинул по самую шею плед.

Потом на кухне включил газ под остывшим чайником, а рядом с креслом хозяина – интернет. И открыл страничку со словом «Ящур».

Там много интересного. Отвлёкшись на засвистевший на кухне чайник, я, прихлёбывая горький чёрный кипяток, нашёл под заголовком «Методы и способы борьбы с болезнью» буквально следующее. Привожу, слямзив из компьютера: «Особо опасная вспышка ящура произошла в 1942 году в Воронежской области, на оккупированной немцами территории. Здесь впервые в истории военного времени к устранению очага заразы были привлечены научные силы воюющих сторон. Общими усилиями разработчиков и практиков болезнь удалось остановить. Снявшие угрозу панэпизоотии награждены правительственными наградами участвовавших в операции стран. Вестник ветеринарии, М., 1956 г.».

Я ещё долго листал интернет, но приблизиться к нашей теме больше не удалось. Вышел на немецкие документы времён войны, даже штабную карту местности с колхозом Drujhba Narodow нашёл, а докуменов по ящуре – нет. Наверное, надо выходить на научные сайты, но там вряд ли что найдётся по вирусам в свободном доступе.

Утром Валерий Сергеевич начал первым:

– Домой меня отпустили через четыре дня, уже с Железным крестом на пиджаке. Отец глянул – за голову схватился: сними – не позорься! Я снял, и батя унёс его в сени, спрятал в соломенной стрехе.

А молодой жены не оказалось дома. Уехала, стерва, добровольно в Германию, на работу. Тогда тут и насильно угоняли молодёжь, и вербовали. Вот и уговорил её какой-то гауптман, как рассказал председатель колхоза.

– И чёрт с ней! – закончил Валерий Сергеевич и спросил: – Автобус из района ещё не приезжал? А то мне в район надо.

– Да успокойтесь вы – свезу вас, куда надо. Вы лучше объясните поподробнее – Крест-то за что? Вы ж даже формулы ящуре не знали?

– Не, – сказал старик. – Только автобус. Если он людей возьмёт утром, то вечером привезёт обратно. А если утром автобуса нет, то вечером не на чем домой возвращаться.

– Слово даю, – успокаиваю хозяина, – свожу туда и обратно. Не томите, что было дальше?

– Да ничего, – почти обиделся ветеринар. – К утру пало почти всё колхозное стадо. Подошли все коровы по округе. Немцы войсковым порядком начали сгонять скот в спешно вырытые ямы и расстреливать его. Потом поливали бензином и жгли. Смрад стоял такой, что на передовой, наверно, тошно было. Немцы с Вебером всё в пробирках переливали химические компоненты, вкалывали оставшимся коровам. Искали противоядия, но ничего у них не выходило.

Церковь у нас не закрывалась никогда, в самые лютые богоборческие времена служила. Батюшка Александр, когда и у него издохла корова, повёл крестный ход вокруг храма. У батюшки своих детей шестеро, а в войну ещё с дюжину усыновил – чем теперь кормить? Угрюмые люди шли с хоругвями и древней иконой Покрова и даже не пели. Это была тяжкая поступь обречённых.

И посреди этой зловещей тишины как-то звонко, по-стеклянному, звякнул колокол.

Я поднял голову, и залитая солнцем колокольня напомнила мне медицинскую ампулу.

И я вдруг остановился, едва не сбитый с ног собственной догадкой. У меня ведь припрятаны четыреста ампул противоядия!

И дальше всё было на автомате, как во сне. Вебер и немцы кололи спасительным раствором антиящура уцелевших коров, потом брали у них биологический материал и тут же начали выводить культуру антиящура.

Через несколько часов на выгоне у села приземлились несколько больших чёрных самолётов. Оттуда выходили одетые в глухие скафандры люди. Они постепенно заняли ферму, потом вытеснили из домов жителей, а потом солдаты наглухо перекрыли всю зону «Дружбы народов», изгнали прочь население.

Но меня гражданский с сигарой и немецкий генерал с красными отворотами задержали в правлении. И здесь я получил Железный крест. Вот к нему документ.

Валерий Сергеевич перебрал дюжину свидетельств к медалям и орденских книжек и протянул жёсткую сложенную вдвое коричневую картонку. На ней – только золотой силуэт хищной птицы.

– А потом тем же порядком меня перевели через линию фронта. Галактионыч встретил так, словно я за бутылкой для него бегал:

– Тебя только за смертью посылать, – съязвил он. – Ещё ночь – и я бы тебя в дезертиры записал.

О Вебере Галактионич даже не спросил. Я и поныне не знаю, что стало с учёным. А меня вернули в артиллерийский полк, предварительно велел забыть о немецкой награде. Месяца через два вручили орден Трудового Красного знамени. Как написано в Указе Президиума Верховного Совета СССР: «За образцовое выполнение задания командования в тылу врага».

Так и воевал. После вернулся домой. Отец под немцами умер, и крест я под стрехой не нашёл. А наградная книжка в старых бумагах сохранилась.

А сидеть я не сидел. Да у нас никто не сидел – ни председатель, ни моя жена, когда вернулась из Германии. А я не простил. Она потом за председателя-вдовца и вышла. Так, говорите – не было автобуса?

– Едем, Валерий Сергеевич! Свожу вас в район. Кстати – зачем вам туда в ваши-то годы?

– Так в райсобес надо. Вчера по телевизору сказали: у кого из ветеранов награды – приехать с документами. Президент, дескать, по пять тысяч выписал нам за ордена. Как полагаете – за Железный крест мне заплатят?

КАЖДОМУ СВОЁ НЕБО...

Земную жизнь пройдя до половины, я оказался на развилке дорог. Как перед былинным богатырём, жизнь развернула передо мной несколько картин моего будущего.

Вот дорога наживы. Она изрезана колеями тяжёлых грузовиков, по обочинам валяются куски разодранных ковров, в пыли поблёскивают обронённые богачами золотые монеты.

Здесь нет запретов:

И ты можешь лгать, можешь блудить,

И друзей предавать гуртом!

А то, что придётся потом платить,

Так ведь это, пойми, – потом!

Ждёт меня на этом пути особняк в несколько этажей, три дорогущих, на зависть соседям, автомобиля, купленная из кукольных красавиц жена, яхта под нанопарусом и пуля нанятого братом убийцы...

Нет, путь наживы не для меня.

А вот дорога славы. Туда тянутся следы узких модных штиблет, точечные уколы от бамбуковых тростей и плавают вкусный дым изысканных заморских сигарет. В самом начале её – скромненькая полосатая будка, где услужливый чёрт...

...потрогал мизинцем бровь,

И придвинул ко мне флакон.

Я спросил его:

– Это кровь?

– Чернила, – ответил он.

Тут, в журнале, уже много известных имён. И стоит только подписать договор с дьяволом – передо мной откроются залы и стадионы, типографии наперегонки начнут мне предлагать самые выгодные контракты. Меня начнут рвать друг у друга ведущие телевизионные каналы. И в конце концов я получу литературную премию «Букер», а когда террариум единомышленников сожрёт меня, ни у кого не останется добрых слов о приспособленце.

Нет. Путь славы тоже не для меня.

А вот дорога власти. Она утоптана тысячами сапог и солдатских ботинок, припорошена обрывками знамён, а по обочинам её стекает сукровица. На этой дороге я могу стать ли-

дером политического движения. Я могу обещать богатства и счастья народам, я стану...

...волков на земле плодить,

И учить их вилять хвостом!

А то, что придётся потом платить,

Так ведь это ж, пойми – потом!

А потом один из этих волчат, став волком, поймаёт мой лоб в прицел снайперской винтовки.

Нет, путь власти – не для меня.

А вот дорога веры. Вдоль неё стоят скорбные часовни, плывёт над нею колокольный звон, и следы босых ног отпечатались в её пыли, уводя взор к горизонту.

Я стану на этом пути святым. Научусь врачевать душевные и телесные недуги, стану провидеть будущее, а потом с меня напишут икону. В конце концов я сольюсь с паствой, почти безгрешный, как сам Бог. А Провидение скажет:

...нет над тобой суда

И проклятья прошлых лет,

Когда вместе со всеми ты скажешь «да»,

И вместе со всеми «нет!».

И когда я помру, меня станут чуть не каждый день поминать в церквах, не давая упокоения мятежной душе.

Нет. И путь веры – не для меня.

А вот дорога любви. На ней лежит одинокий след стоптанных сандалий и кое-где в белесой пыли виднеются обронённые иглы от тернового венца.

На эту дорогу ступает мало кто. Потому что на ней нет законов и причинно-следственных связей. Поступки там совершаются не по разуму, а по любви. Единый, кто до конца прошёл этот путь, всегда отвергал логику, если она претила любви. Если я пойду вслед за Христом, то мне придётся от-

казаться от собственной выгоды в пользу соседа, делиться с нищим и болеть за чужих детей, как за собственных.

Если я ступлю на дорогу любви, то признаю ценность чужой жизни выше собственной, ибо «нет большей любви, как ежели кто положит душу свою за други своя». Вдуматься только: положит душу свою! То есть я на дороге любви даже бессмертной душой жертвую ради друга. Выходит, в таком случае Господь разрешает мне ради любви совершить смертный грех, ведь именно грех и губит душу!

Велика сила любви. Но и велика цена её – всегда смерть.

Но только на пути любви смерть – это ворота в жизнь вечную. Жизнь в детях, в любимых, в тех, ради кого и положил душу...

Эта дорога бесконечна. На ней почти нет следов. Но я рискну оставить свой. И пусть в самом дальнем пути мне поможет Любовь, что движет солнце и светила.

Два слова о писателе, или P.S.

Прожив уже немало лет и перечитав достаточно большое количество книг, подчеркну – хороших книг, после 90-х – скажу честно – интерес к литературе несколько поугас.

Ну, право, после Пушкина, Гоголя, Толстого, Бунина, Горького, Чехова, Булгакова... Бондарева, Казакова, Ефремова, Булычёва, Ерофеева (того, кто про Петушки написал), брать в руки сочинения Сорокина, другого Ерофеева, да и сегодняшних, что на слуху, у которых можно встретить такие литературные извороты, как: «зачирикал соловьём» ... Трудно. У одних: гадко. У других: пошло. Говорят, время такое.

И тут в библиотеке на Большой Грузинской в Москве я увидел небольшую книжицу доселе неизвестного мне автора из неведомого Бирюча.

«Посмотрим-посмотрим», – подумал я и...

Помните у Булгакова: «Бархатная лава затопила гостиную и смягчила сердца, полные тревоги»?

Именно это я пережил, прочитав книгу Владимира Калуцкого.

Евгений Белозёров

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Верин. Утро долгого дня 3

Часть первая

Повести

На тоя на речке, у Сердец	4
От корней «Московского древа»	24
«Сен кью, мистер Стекль!»	29
Охотники за цеппелинами.....	46
Война с Поликанией.....	61
«Подпрыгни, дружок»	81
Господь ошибается по воскресеньям	102
Плавали – знаем	135
Огненный Бог Винжего	148
«Прощай, Родина!»	161

Часть вторая

Рассказы

С любовью из России	172
Телячьи нежности	177
Эшелон	183
Пенициллин	188
Ящур	191
Каждому своё небо.....	200
Евгений Белозёров. Два слова о писателе, или P.S.....	204

Литературно-художественное издание

Калуцкий Владимир Устинович

ДОЛГОТА ДНЯ

Редактор Ростислав Астров

Художник Александр Лаврухин

Корректор Лариса Федотова

Дизайн, компьютерная вёрстка – Пётр Гасев

Издательство РОСА

Главный редактор Галиченко Сергей Викторович

e-mail: 885533@mail.ru <http://art-rosa.ru>

Электронная версия издания
подготовлена в издательстве РОСА

27.01.2023 г.

Калуцкий Владимир Устинович -
прозаик, публицист, поэт, философ.
Родился 15 февраля 1953г.
в хуторе Колодезный Новооскольского района.
Учился до восьмого класса в Боровской сельской
школе, а затем в Новооскольском совхоз-техникуме
и Львовском Высшем Военно-политическом
училище, окончил курсы политпросвета.
Работал шофером, автомехаником, зав. сельским
клубом, журналистом. В настоящее время живет
в г. Бирюч Белгородской области.

ISBN 978-5-6048978-2-9

